ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Общественно-политический журнал

№1 (13) январь 2022

Эвальд Ильенков:

последний бой шестидесятника

а также

Олег Смолин. *«Системные проблемы образования: решения и парламентский контроль»*

Григорий Водолазов. *«Сократ нашего времени»*

Борис Славин. *Карл Маркс о труде как основе человеческой истории*

Сергей Черняков. *А следует ли так критиковать марксизм?*

Жан Тощенко. *«Социальное измерение производительности труда»*

Юрий Олейников. *«COVID-19 как зеркало общества постмодерна»*

и другие

ДЕМОКРАТИЯ И СОЦИАЛИЗМ XXI

Редакционная коллегия

СЛАВИН Б.Ф. Главный редактор

БАБИЧ Д.О.

ВАСИНА Л.Л.

ВОДОЛАЗОВ Г.Г. Зам. глав. ред.

ВОЕЙКОВ М.И.

ДЗАРАСОВ Р.С.

КОТЕЛЬНИКОВ М.Е. Зам. глав. ред.

КУЗНЕЦОВ М.И.

МАСЛОВ В.Н.

МАХЛАЕВ А.В.

НИКОВСКАЯ Л.И.

ОБОЛЕНСКИЙ А.М.

ПЕТРОВ А.А.

ПАВЕЛЬЕВ Д.Д.

ПОТАПОВА С.Р.

РОМАНОВ Б.С.

РУДЫК Э.Н.

СТРАТИЕВСКИЙ Д.В. (ФРГ)

ТОЩЕНКО Ж.Т.

ШАРАКШАНЭ С.А.

ЭПШТЕЙН Д.Б.

Основные рубрики

ИДЕОЛОГИЯ

ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ

ЭКОНОМИКА

АНАЛИТИКА

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУКА И КУЛЬТУРА

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ЗА РУБЕЖОМ

ВЕСТИ ИЗ РЕГИОНОВ

ДИСКУССИИ

КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ

ОБЗОР НОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Электронный адрес редакции:

socialdemocracyxxi@gmail.com

Адрес в Интернете:

social-democracy.ru

© Редакция журнала «Демократия и социализм XXI»

Содержание

ТЕМА НОМЕРА

Эвальд ИЛЬЕНКОВ. Историзм в психологии.....5

Александр СИМАКИН, Александр СУРМАВА. Последний бой последнего шестидесятника.....22

ПОЛИТИКА

Олег СМОЛИН. Системные проблемы образования: решения и парламентский контроль.....36

ИСТОРИЯ

Вадим МУХАЧЕВ. Великий Октябрь – не просто дата в календаре.....51

Григорий ВОДОЛАЗОВ. Сократ нашего времени. Последний бой Н.И. Бухарина....69

ИДЕОЛОГИЯ

Борис СЛАВИН. Карл Маркс о труде как основе человеческой истории.....97

Сергей ЧЕРНЯКОВ. А следует ли так критиковать марксизм?.....107

ОБЩЕСТВО

Жан ТОЩЕНКО. Социальное измерение производительности труда.....135

Юрий ОЛЕЙНИКОВ. COVID-19 как зеркало общества постмодерна.....150

ЭКОНОМИКА

Давид ЭПШТЕЙН. Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы.....170

ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ

Григорий МАВРИН. Бухарин или Сталин? (глазами и мыслью студента 20-х годов прошлого века).....194

ДИСКУССИИ

Эмиль РУДЫК. Социализм: три ключевые вопроса.....215

ПОМНИМ

Константин ЩЕРБАКОВ. Памяти Юрия Клепикова.....220

Марк РОЗОВСКИЙ. И это всё о нём.....222

НАШИ АВТОРЫ.....224

Требования к предоставляемым материалам.....226

Дорогие друзья!

От всей души поздравляю вас с самым долгожданным,
добрым и радостным праздником – Новым Годом!

В эти праздничные дни мы ждем исполнения заветных желаний, устремляем мечты и надежды в будущее.

Согласно восточной традиции, грядущий год Тигра будет полон неожиданных, ярких и благоприятных событий; пробудит в людях оптимизм и целеустремленность, заставляя быстрее двигаться к намеченным планам.

Не случайно под этим знаком явились на свет не только выдающиеся творческие личности: Людвиг ван Бетховен, Никколо Паганини; но и те, кто творил историю: Дмитрий Донской, Карл Маркс и Шарль Де Голль.

По славянскому же календарю две тысячи двадцать второй – год Златорогого Тура, символизирующего упорство в достижении целей и трудолюбие; честность и справедливость; доброту и умение бороться за свои идеалы. Людям, обладающим этими качествами, год обещает уверенность в своих силах, удачу и новые победы.

Хочется верить, что каждый из нас наполнит наступающий год новыми достижениями, любовью и добрыми делами.

Как и все, ожидая чуда в Новогоднюю ночь, хочу пожелать:

Как действующий профессор – чтобы в жизни все было отлично!

Как политик – чтобы власть не только призывала граждан трудиться, но и сама работала для них!

Как отец и дед – чтобы дети и внуки на самом деле стали нашей национальной идеей!

Так пусть же в Год Тигра в нашей жизни будет как можно меньше темных полос, а все задуманное исполнится!

С глубоким уважением, Олег Смолин, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, председатель Общественного движения «Образование для всех»

Эвальд ИЛЬЕНКОВ

Историзм в психологии

Настоящая публикация представляет собой расшифровку магнитофонной записи последнего публичного выступления Э.В. Ильенкова[1]*. 12 февраля 1979 года на «давыдовском» теоретическом семинаре по проблемам психологии деятельности в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР Э.В.Ильенков выступил со своими размышлениями в связи с докладом А.С. Арсеньева, сделанным им на предыдущем заседании семинара.*

***

Товарищи, я хотел ограничиться кратким совсем выступлением, но чем больше я раздумывал над тем, что рассказал нам в прошлый раз Арсеньев, тем больше я убеждался, что кратким выступлением тут не обойдешься. И поэтому я прошу извинения, если я регламент превышу. Ну, остановите меня, если я не по делу буду говорить.

Тема эта предельно, по-моему, важная – историзм в психологии. Именно поэтому мне и хотелось бы рассмотреть ряд утверждений докладчика, которые, [как] мне представляется, нуждаются в уточнениях, и очень серьезных. Анатолий Сергеевич здесь очень хорошую написал цитату из Александра Сергеевича Пушкина. Мне кажется, что это было самое лучшее, что было в его докладе. С этим я согласен на сто процентов – что дикость, подлость и невежество не уважают прошлого, а пресмыкаются перед одним настоящим. И вот рассмотренный в свете этой мудрой мысли доклад Анатолия Сергеевича, мне кажется, в доброй половине своих утверждений как раз опровержению этой истины и служит.

---

1 *Текст этого выступления был опубликован в журнале «Вопросы философии» №4 за 2018 г.*

Начал Анатолий Сергеевич свой доклад с утверждения, что прежде чем говорить об историзме в психологии, надо ясно понять, что такое историзм. Правильно. Разъяснить, что такое историзм в общей форме, конечно, нужно было хотя бы коротко, прежде чем говорить об историзме в психологии. Но как раз этого Анатолий Сергеевич, к сожалению, не сделал. Он сказал: ну, а что такое историзм – никто не знает. Это утверждение, первое утверждение собственное после вот этой мудрой фразы [Пушкина], это утверждение мне кажется чересчур храбрым.

Анатолий Сергеевич, ну а вдруг окажется, что кто-то знает, что такое историзм? <*Реплика из зала, нрзб.*> Так что фраза эта – никто не знает, что такое историзм... Себя вы сюда включаете, или нет? <*Реплика из зала, нрзб.*> Тоже, да? Ну еще бы. Я могу допустить, что эта фраза если и имеет смысл, то смысл несколько другой: ни одна из имеющихся концепций историзма меня, Анатолия Сергеевича, не устраивает. Так? А свою собственную я предложить не могу. Вот это был, очевидно, рациональный смысл этого его заявления. Хорошо, Анатолий Сергеевич. Но тогда вы обязаны были, по самой элементарной логике выступающего, рассмотреть достаточно хорошо и прочно сложившиеся в истории культуры концепции историзма и показать, почему они вас не устраивают. И этого вы не сделали.

Своего понимания историзма докладчик, к сожалению, нам не сформулировал, хотя бы в самой общей форме, хотя бы коротко. Этого он как раз сознательно избегал, ходил вокруг да около. С одними мыслителями он в чем-то соглашался, других мыслителей он в чем-то упрекал. Упрекал, не доказывая, почему же это неверно. Ну а поскольку он нам не объяснил, что такое историзм в общей форме, он, естественно, так и не подвел нас к пониманию того, что́ значит историзм применительно специально к психологии.

А между тем психология как раз, по-моему, и нуждается наиболее остро в очень четко продуманном историческом воззрении на свой предмет. И нужда эта возникла не сегодня, и не вчера. Она была остро осознана – необходимость историзма именно в психологии – раньше, чем необходимость историзма в какой-нибудь другой науке. Если датировать точно, то эта проблема – историзм в психологии – была поставлена раньше, чем была поставлена проблема историзма в биологии и в общественных науках и так далее. Поставлена она ровным счетом двести лет назад, в ранних работах Фихте, которого докладчик почему-то даже не упомянул в этой связи. Ведь дело-то в том, что как раз психология – понимаемая широко, как наука, занимающаяся вообще психической жизнью человека и человече-

ства во всем ее огромном объеме, – и была родиной исторического взгляда на вещи. Это и Владимир Ильич Ленин в «Философских тетрадях» констатирует и фиксирует, что применительно к мышлению, к сознанию, к психике идея развития, идея историзма была высказана уже в 1812 году Гегелем и его предшественником Фихте в середине уже 90-х годов XVIII века. В то время, как применительно, скажем, к эволюции биологической жизни Дарвином на полсотни лет позже. Марксом, применительно к материальным экономическим отношениям, тоже на полсотни лет позже. А применительно к психике, как центральная проблема понимания психики, она как раз была остро поставлена вот уже в конце XVIII века.

Я датирую рождение историзма трудами Фихте и Гегеля и подчеркиваю это, настоятельно подчеркиваю, по той простой причине, что Анатолий Сергеевич с его – по-моему, тут излишней – любовью к прошлому забрался слишком далеко вглубь веков. Он обнаружил зачатки, намеки на историческое понимание психики у Иисуса Христа <*реплика из зала, нрзб.*>, у дзен-буддистов и так далее. Намеки и ростки понимания, что человеческая душа, вообще-то говоря, как-то возникает, как-то эволюционирует – это очень древняя идея. Намеки и ростки этой идеи в любой мифологической системе вы действительно обнаружите, не говоря уже про таких людей, как Гердер, Гёте, Декарт, Дидро, Гераклит, Гесиод – везде вы найдете вот эти самые намеки. Даже в Библии идея этого историзма присутствует: Адама на седьмой день только господь Бог создал. Адам возник, чтобы потом эволюционировать в грешника (или на шестой, может, Ева на седьмой).

Непонятно, почему Анатолий Сергеевич вот так долго останавливался на этих самых намеках историзма в такие древние времена и не рассмотрел хорошенько вот ту концепцию, с которой, собственно, историзм в европейской культуре и начался. И начался он действительно в пределах науки о душе, о духе, о психике. На Гегеля Анатолий Сергеевич ссылался не раз. Но видите какая вещь – из Гегеля опять выбирались такие мысли, а точнее половинки мыслей Гегеля, которые, собственно, ничего особенного из себя не представляли, и сегодня особенно нового ничего не представляют. Фихте и Гегель велики вовсе не тем, как говорил Анатолий Сергеевич, что, вот, по Гегелю историзм, в общем-то, состоит в том, что сегодня теория такая, а завтра она станет другой, послезавтра ее сменит третья и так далее, и так далее. Видите, если тезисы Гегеля – историзм Гегеля, суть его – свести к такой формуле, то тогда Гегель превратится собственно в очень абстрактно-плохонькое подобие Поппера с его идеей, что идеи сменяются идеями, парадигмы сменяются парадигмами, и никакой закономерности в этой смене обнару-

жить нельзя. Это позиция релятивизма, а Гегель релятивистом не был. Гегель был в понимании историзма диалектиком. То есть он понимал, что весь этот длинный исторический ряд сменяющих друг друга теорий, духовных формаций явно обнаруживает закономерность с определенным вектором, направленным, как он выражался, на абсолютную истину, на свободу, ну а в нашем понимании – на объективную истину. И что теории не просто сменяют одна другую, а в этой смене постепенно откристаллизовывается все больше и больше зерно абсолютной истины. Вот это вы старательно обошли у Гегеля. Больше того, и Фихте, и Гегель прекрасно понимали, что каждая отдельная душа (ну, или в терминологии Фихте и Гегеля больше – *Я*, – там, трансцендентальное, эмпирическое *Я*, и прочее, и прочее, ну, в общем, все вы понимаете, что это все псевдонимы одного и того же – индивидуальной психики) с самого своего рождения вплетена в общий контекст развития духа, который у Гегеля представляет собой не что иное, как просто псевдоним, под которым выступает в его трудах духовная культура человечества в ее развитии. Больше ничего за понятиями абсолютного, объективного духа, даже Бога, у Гегеля не кроется. Это именно духовная культура человечества, которая начиналась где-то в глубине веков, которая проходила ряд формаций, ряд фаз или ступеней, или стадий совершенствования, направленного к достижению свободы, абсолютной истины и так далее, и так далее. И что отдельная душа, как и дух человечества, объективный дух, в какой-то точке рождаются, а не существуют от века. Родившись, проделывают ряд стадий своего развития, или совершенствования, чтобы, в случае отдельной души, в конце прийти к слиянию, так сказать, с Абсолютом, или к смерти. С бессмертием души, с которым еще нянькался великий Иммануил Кант, Гегель разделался безоговорочно и иронизировал над этим представлением о бессмертии индивидуальной души, отстаивая бессмертие духа, то есть, если переводить это на более современный научный язык, бесконечную возможность развития духовной культуры человечества. Гегель это даже в стихах хорошо...

Да, вот тут же меня очень странно поразило утверждение Анатолия Сергеевича, что Гегель, будто бы пресмыкаясь перед социальностью, перед Абсолютом, перед всеобщим, пренебрегал душой индивида, пренебрегал индивидом. Анатолий Сергеевич, ну зачем повторять вот эти вот вещи, которые придумали сто лет назад либералы, критики Гегеля, вроде Гайма, я не понимаю никак. Я мог бы привести сейчас, но не буду просто утомлять внимание зала, десятки, сотни мест я могу вам привести, где Гегель приписывал индивиду куда большее значение и роль в развитии мирового духа, или мировой духовной культуры, чем все вместе

взятые бердяевы, хайдеггеры, не говоря уже об Иисусе Христе. Каждая новая формация (это знает всякий, кто хоть сколько-нибудь внимательно и без предубеждения Гегеля читал) рождается через действия индивида, индивидуальной души. И успех индивидуальной души зависит от того, насколько ее действия более или менее случайно совпадают с общим направлением развития мировой культуры. Вот такие люди, культур-герои, как их назвали (он ли, я не помню, или кто-то [другой] потом), как раз и двигают своими индивидуальными, самоотверженными подвигами общий массив духовной культуры своей эпохи. Ну к таким он относит, скажем, Солона, Сократа, Юлия Цезаря, Наполеона, Рафаэля, Моцарта. Вот все эти индивиды открывали человечеству новые горизонты именно своим индивидуальным открытием. И исторические событие он трактует так: вначале в индивидуальной голове у Руссо, у Вольтера, у других просветителей родилась идея нового миропорядка, а потом уже она, усвоенная Максимилианом Робеспьером, начала реализоваться, с помощью гильотины, в мире. Активность индивида, роль индивида Гегель не только признавал, он ее чрезвычайно преувеличивал, именно как идеалист. Новая формация у него всегда родится вначале в индивидуальной голове.

Вот мне тут вчера попалось на глаза его стихотворение даже – Гегель и стихи писал, оказывается, о чем не все знают. И в стихах он даже вот все это выразил. Обращаясь к современникам, такие патетические – к индивиду обращенные – слова. Ну я-то поэт плохой, я перевел его дословно и буквально, ну приблизительно значит так: «Смело доверься исходу борьбы, сын божества, с мирным покоем порви, и с собою самим и с наличной Вселенной. Вперед устремляясь, пытайся стать больше, чем был ты вчера и сегодня. Лучше, чем век твой, не сможешь ты стать, но в итоге твой век станет лучше».

Эта идея повседневного, ежечасного совершенствования как отдельной души, так и духа в целом, который через отдельную душу именно эволюционирует к свободе. Вот это совершенствование, которое протекает именно через напряженную диалектику взаимоотношений души и духа, индивида, творящего что-то новое, и массива духовной культуры наличной, вот эта самая готовая вселенная, которая его окружает. То есть всей психической... Идея постоянного диалектического совершенствования, через противоречие, всей духовной, всей психической сферы мироздания – это и есть стержень всей немецкой классической философии. Обо всем этом, наверное, было бы полезнее поговорить. Я не буду разворачивать подробно то, что Гегель сделал в сфере психологии и Фихте перед ним.

Это мне бы и двух часов не хватило, поэтому этим я не буду заниматься. Тут и идея, что индивид в своем индивидуальном самосовершенствовании повторяет как бы вкратце, сокращенно, стадии развития мирового духа, то есть мировой духовной культуры. Он также рождается в качестве духовного существа, как когда-то родилось в качестве духовного существа человечество. И так далее, и так далее. Вот об этом, мне казалось бы, полезнее было докладчику поговорить, чем рассказывать о смутных намеках, которые содержались и в дзен-буддизме, и у Гесиода, и у Христа, и у Платона, у Сократа, и так далее, и так далее.

Вспоминается мне еще одна очень несправедливая вещь, которую сказал докладчик про так называемую европейскую культуру. Он сказал, что для западноевропейской культуры характерно то, что она уже целых триста лет рассматривает психику человека через очки представлений, заимствованных собственно из естествознания, смотрит на него как на объект, и только. Но это же просто не соответствует фактам, Анатолий Сергеевич! <*Реплика из зала, нрзб.*> Ах, вот как. Хорошо, рационализм. Куда вы относите Декарта, Спинозу? <*Реплика из зала: Туда же*> Туда? Так вот, Декарт, Спиноза рассматривали человека через очки представлений, заимствованных из естествознания? <*Реплика из зала, нрзб.*> Рационализма Нового времени? Так... Если вы имели в виду Декарта, то это половина Декарта, это его физика. Тело человека он действительно рассматривал как автомат. Но ни Декарт, ни Спиноза, ни Дидро, ни Лессинг, ни Гёте, ни Кант, ни Шеллинг, ни Фихте, ни Гегель, ни Фейербах, ни Маркс под эту вашу осуждающую характеристику, извините, не подходят. <*Реплика из зала, нрзб.*> Вы, по-моему, только и делали, что осуждали и упрекали всех. Да, были, разумеется, и такие чудаки, которые рассматривали человека как объект, как машину. Были такие чудаки, я их вам назову. Это – Ламетри, Кабанис, которые рассматривали человека как машину, а не как субъекта. Так? Позднее это были люди вроде Молешотта с Бюхнером. Нынче, чтоб поближе быть к современности, к настоящему, ну Амосов вот так рассматривает, может быть, Китайгородский, ну еще Карнап с его радикальным физикализмом, ну Скиннер. Да, есть такая тенденция. Но почему это называть *рационализмом*? Я не знаю. По-моему имени *рационализма*, который в моем понимании всегда остается гораздо более предпочтительной позицией, чем противоположная – иррационализм. Почему Амосов и Кабанис – это рационалисты, а почему Спиноза, Декарт, Гегель, Кант – не рационалисты по вашей классификации выйдут? <*Реплика из зала, нрзб.*> Да нет, потому что они рассматривали человека именно как субъекта.

В одном, конечно, Анатолий Сергеевич прав. И в этом я вижу его успех у некоторых молодых людей преимущественно женского пола <*смех в зале*>: что тот же Достоевский, которого рационалистом не назовешь, конечно же разбирался в проблемах души и духа намного поглубже, чем любой естествоиспытатель, даже такого масштаба, как Менделеев или Нильс Бор. Поэтому такие люди, как Достоевский, при всех их иррационалистических загибах, конечно, были всегда ближе к истине, чем попытки понять человеческую психику с точки зрения физики, химии, кибернетики и прочих изобретений. Ясно! Уж не говоря об амосовых, о тюхтиных и о дубровских. Но на этом основании вообще ставить крест на рационализме – ну это по меньшей мере нелогично.

<*Реплика из зала, нрзб.*> Вот так бы и говорили! Вот так бы и говорили, что вы не уважаете определенный вид рационализма, а на самом деле это псевдорационализм, который лезет с физическими представлениями, с химическими представлениями в область психологии и там хулиганит. Это не рационализм, это – псевдорационализм, это квази-материализм. Но зачем же на этом основании вот так скопом весь рационализм, вообще говоря, поливать грязью. Я не понимаю. <*Реплика из зала, нрзб.*> Ах, даже в целом! Вот давайте об этом и поспорим: кто в психике понял больше и лучше – иррационалисты, типа Бердяева, или же люди вроде Фихте и Гегеля. Вы хвалили Бердяева, но не объяснили залу, к сожалению, что́ именно он открыл? Что именно открыли в психологии Гегель и Фихте я могу говорить, могу объяснить. Ну объясните, что открыли Бердяев и его единомышленники.

Мы неделю назад слышали, как один композитор вот отсюда, вот с этой трибуны выступал тут по поводу музыкального воспитания и природы музыкальных способностей. Он развивал концепцию, согласно которой музыкально способная душа – вот, например, Бетховен – непосредственно, каким-то чудом, улавливал гармонию небесных сфер. И даже в числах это выразил – 0,987. Оказывается, у него в Аппассионате точно такая же пропорция, в какой Сатурн делит солнечную систему. Я боюсь, Анатолий Сергеевич, что вот эти все теории непосредственного вживания индивидуальной души в тайны космоса, в гармонию небесных сфер, я боюсь, что вот как раз эти представления иррационалистические вот к таким выводам музыкальную педагогику и ведут. Это, простите, не рационалистическая психология, а это плохая натурфилософия. Очень плохая. Это какая-то помесь чудовищная пифагорейства с Шопенгауэром, и сдобренная еще терминологией Ивана Петровича Павлова. Тут и торможение с этим самым присутствует. <*Смех в зале*.>

Но больше всего, Анатолий Сергеевич, знаете, что меня удивило и, больше того, обозлило, почему я и решил выступать длиннее, чем хотелось бы? Вот та ваша безапелляционность, с которой вы судили и рядили по поводу направления нашей психологии. Вот, дескать, все направления, кроме одного-единственного в советской психологии, тупиковые, закрытые. *<Реплика из зала, нрзб.>* Ах, ну очень хорошо, вот я и буду рад, если оно вашим мнением так в результате нашей дискуссии и останется, и больше никто разделять его не будет. Вот та безапелляционность, с которой он назвал тупиковыми направления, не называя имен – ну раз все, значит, и та, которая, как мне кажется, прорисовала впервые в психологии именно пути историзма. А именно та линия, которая идет от Выготского, Выготского – Леонтьева. Вот вы ее объявили тоже тупиковой и закрытой. Да, для бердяевщины, для телепатии она закрыта. Вы сказали, что одна единственная позиция, которая не тупиковая, которая открыта – это позиция Сергея Леонидовича Рубинштейна. Так? *<Реплика из зала, нрзб.>* Тоже ваше мнение. Хорошо. Я тогда прошу наследников теоретических Сергея Леонидовича Рубинштейна, которые здесь присутствуют, вот это учесть.

<Смех в зале, реплики, нрзб.>

<Обращаясь к Арсеньеву> Так нет, ярлык ты сам на себя повесил – если бы ты не пел дифирамбы Бердяеву, я его бы и не упомянул. Я Бердяева вообще не считаю мыслителем, стóящим разговора в серьезной аудитории в конце двадцатого века. *<Реплика из зала, нрзб.>* Ну мое личное мнение такое. Да, пусть это мое личное мнение, ладно. Хорошо.

Сергей Леонидович Рубинштейн, которого, как не тупиковую позицию противопоставил Арсеньев всем остальным, действительно, крупнейший психолог советский. И из разговоров с ним, из личных разговоров, не только по его трудам, я знаю, что это был умный и большой марксист, рационалист. И если бы он сейчас узнал на том свете, для каких вещей его некоторые формулировки оставляют входы – или выходы, я не знаю (ну, поскольку выход – это есть то же самое устройство с обратной стороны, именуемое входом, как один остроумный человек сказал), – то он бы, наверно, эти формулировки бы закрыл для таких возможностей, для возможности так интерпретировать. Потому что ни телепатию, ни всякую мистику он никогда не допускал в свои труды. Если он допускал формулировки под давлением превосходящих сил противника, которые оставляли возможность физиологических интерпретаций некоторых его фраз – ну, это в начале пятидесятых годов было понятно. Но для мистики он не оставлял, по-моему, никаких лазеек.

Дней десять назад – видите, Анатолий Сергеевич, и к тебе, товарищ Брушлинский, тоже обращаюсь – в споре с Асратяном, который защищает предельно физиологическую точку зрения, то есть как будто как раз обратную, по сравнению с Анатолием Сергеевичем... Как раз Асратян тоже стал ссылаться на Рубинштейна против линии Выготского – Леонтьева и так далее. Вот задуматься над этим бы нужно.

Я тут, если вы мне позволите, покажу, в чем тут дело, почему две таких интерпретации – одна, апеллирующая вот к этим самым индивидуально-неповторимым, интуитивно только ухватываемым качествам экзистенции личности, а другая грубо-физиологическая, – почему они – это две стороны медали, которые одна другую поддерживают. Как физики выражаются, комплементарные концепции, дополнительные. Вот если позволите, я на этом немножко остановлюсь.

<Реплика В.В. Давыдова, директора Института общей и педагогической психологии АПН СССР, нрзб.>

Так вот, очень любопытный финт получается. Когда в присутствии Асратяна мне пришлось анализировать, каким образом возникают так называемые натуралистические иллюзии в психологии, то есть когда стопроцентно социальный продукт, стопроцентно социально-исторический продукт выдается и понимается за естественноприродное качество личности. То Эрзац Асратович *<смех в зале>* – простите, Эзрас, – он обвинил меня в том, что я отступаю от Ленина и против Ленина иду.

– Как, говорит, вы не читали «Материализм и эмпириокритицизм»? Там прямо написано, что мозг мыслит.

Я как-то опешил и не удосужился объяснить ему, что приписывать Ленину в качестве одной из центральных идей его гениальной книги утверждение, что человек мыслит мозгом, головой, а не задницей – это, по меньшей мере, неуважительно к книге. Ведь в чем дело? Что человек мыслит башкой, а не задницей, понимает не только любой идеалист *<реплика из зала, нрзб., смех в зале>*, и не только материалист, Анатолий Сергеевич. Это понимает любой дворник *<смех в зале>*. И для этого не нужны особые экспериментальные доказательства, которыми сыпал Эзрас Асратович. Что человек мыслит мозгом, что мозг – орган мысли, это я мог бы документировать вам сейчас десятком цитат. Не только Гегель, не только Фихте, не только Платон, а прекрасно понимал [это] даже такой последователь доктора Кабаниса, как доктор Гильотен, который публично эксперимент производил, когда он головы отрезал, а не ягодицы. Так что экспериментальных доказательств тут

вполне достаточно у человечества. И не в этом дело, не в этом спор. Не об этом философы спорят. И в связи с этим я и хотел бы продемонстрировать вам – не всем вам, возможно, известную – историйку.

Все знают, что Владимир Ильич в своем «Материализме и эмпириокритицизме»... Все вы тут люди с высшим образованием и слышали, что Ленин так ругает эту принципиальную координацию Авенариуса, что скажи я сейчас, что Арсеньев проповедует принципиальную координацию – мне скажут, что я навешиваю ярлык. Но все ли знают, что такое принципиальная координация? Сомневаюсь. И тут я вынужден воспользоваться цитатами, из которых совершенно ясно становится, в чем дело, и в чем суть спора между Лениным и сторонниками принципиальной координации – Луначарским и Богдановым. Я имен никаких называть не буду, но думаю, что вы и сами, услышав эти цитаты, подумаете, что вы читаете кое-какие статьи 70-х годов двадцатого века, а не девятнадцатого.

Не далее как вчера раскрыл я книжечку – помнил, что там такое есть, но когда я прочел ее глазами, так сказать, усовершенствовавшимися после вот этих вот споров последних лет, я там прочитал больше, чем я читал когда-то, лет двадцать назад, а именно... Книжечка эта называется «Критика чистого опыта» Авенариуса в популярном изложении Луначарского. Москва, 1905 год. Напечатана в типографии Общества распространения полезных книг. Моховая, против Манежа, дом князя Гагарина. <*Смех в зале*>. Это вот здесь. Это вот эта типография. Так вот там мы читаем, цитирую:

«На непредубежденного человека решающе влияет огромный ряд наблюдений и опытов, доказывающий, что повреждения различных центров мозга, приводящих или отводящих нервов, немедленно искажает или уничтожает любые психические функции и притом с полной и детальной определенностью; кроме того, нетрудно убедиться, в какой тесной зависимости находится развитие психики и развитие нервно-мозгового аппарата в постепенно повышающемся ряду животных или в развитии человека из зародыша в зрелого мужа.

Мы не можем поэтому не выставить перед наукой требования доказать полную, точную, [необходимую] параллельность или функциональную взаимозависимость психического и физиологического» рядов[1].

Вот это и есть принципиальная координация. Если кто-то о ней другое представление имеет, то это не так. У Авенариуса речь идет именно о той принципи-

1 Здесь и далее Ильенков цитирует главу вторую (Биологическая психология) из книги: Рихард Авенариус. Критика чистого опыта, в популярном изложении А. Луначарского. С дополнением: Новая теория позитивного идеализма (Holzapfel. Panideal). Критическое изложение А. Луначарского, 1905.

альной координированности ряда психических феноменов, или переживаний, происходящих в индивиде, с рядом изменений, происходящих в системе его нейронов. Вот о чем речь идет. *<Реплика из зала о том, что надо бы цитировать труды самого Авенариуса.>* Вот слушайте дальше. Если бы я начал цитировать Авенариуса самого, мне пришлось бы очень долго комментировать. А я намеренно цитирую Авенариуса в популярном изложении Луначарского, разъясняющем зашифрованные тирады Авенариуса, которые [тот] зашифровывал намеренно. *<Реплика из зала, нрзб.>* Понял [Луначарский Авенариуса], и понял очень точно.

«Важно нам то, – продолжаю цитировать, – что параллелизм (психического и физического рядов. – *Э.И.*) или – как он говорит – двусторонний монизм, проявляющийся в отношениях психического и физиологического, не единственное и не исключительное явление: суть его заключается в восприятии (одного и того же. – *Э.И.*) двумя разными способами – непосредственным самовосприятием мозга (психика) и наблюдением его при помощи приборов и глаза (физиология)».

Это и есть, по Авенариусу, два взаимно зависимых и неотделимых друг от друга ряда.

<Реплика В.В. Давыдова: «Почему у Авенариуса? У многих сейчас... Если раскрыть кавычки и говорить, что у Авенариуса через Луначарского...>

Да, многие себя узнáют.

<В.В. Давыдов: Это вполне мы знаем, что это буквально последние высказывания многих специалистов – что психофизический параллелизм сейчас наиболее распространенное и наиболее рационально-разумное, нрзб.>

Вот к этому я и перехожу. Если это рационализм, то Арсеньев, наверное, прав, надо в иррационализм удирать. Но это, к счастью, не рационализм, а псевдорационализм махистов. И Авенариус действительно был первым, кто очень четко и точно в новейшее время сформулировал вот эту самую идею, вот этого самого психофизиологического монизма. Психофизиологический монизм Авенариуса – это и есть вот это представление, одинаково идиотское, о психике, о психологии как науке об интроспективно наблюдаемых мозгом своих собственных состояниях. Если психологию понимать так, то, конечно, все так и получится. А физиологию высшей нервной деятельности сводить к анализу структур и функций нейронных сетей. Тогда да, это и есть реализация идей Авенариуса. Из этих двух рядов Авенариус, как и Мах, и Луначарский, и Богданов, а в новейшее время Дубровский, Амосов и несть им числа. Из этих двух рядов эти мыслители объявляют физиологический ряд смены состояний – ну, события, происходящие в нейронных сетях, –

как ряд независимый. А психический ряд – как зависимый, то есть как просто самоощущение мозга при этих самый физиологических рядах. И больше ничего. Ну, если перевести на русский язык, как это часто любят делать, то это называется *эпифеномен*. Это – пассивное самоощущение мозгом своих собственных состояний и больше ничего. Так вот, физиологический ряд, то есть ряд нервных связей внутри мозга, является независимым, первичным, а психический ряд – это параллельная ему цепочка индивидуальных переживаний мозгом своих собственных внутренних состояний. Психика, согласно этой концепции, – это индивидуально неповторимый каждый раз ряд переживаний. И больше ни черта. Ряд капризный, ряд индивидуально неповторимый, не повторяющийся, каждый раз зависящий от неповторимости индивидуальных узоров нейронных сетей в отдельном мозгу.

Поэтому-то психология, и по Авенариусу, и по Богданову, и по Асратяну, добавлю, и по Дубровскому, и по Тюхтину, невозможна как объективная наука. Так Авенариус и формулирует: «Прерывистый и капризный ряд психических явлений обусловлен непрерывным и доступным точному измерению рядом физиологическим».

И то, что мы принимаем за сознательные процессы, на самом деле есть только переживания, диктуемые совершенно бессознательными шевелениями нашего органа. Поэтому бессознательное, с которым тоже очень много любят кокетничать нынешние мыслители некоторые, у него и оказывается доминирующим рядом. Независимым рядом. Рядом чего? Рядом событий, происходящих в нервной ткани мозга, в системе нейронов и аксонов. Вот утверждение Авенариуса. И нельзя забывать, что у Авенариуса вот эта вот его пугающая [терминология] – и на экзаменах, я помню, и сам страдал, и студенты, которые мне сдавали, в панику приходят: что такое центральный член принципиальной координации? – Это же мозг! Авенариус-то имеет в виду мозг. Мозг работает по своим физиологическим чисто законам и вот эту работу по физиологическим законам он переживает как свои психические состояния. Вот и все. Это довольно просто. Луначарский это понял очень хорошо.

Вот на этой-то основе Авенариус формулирует и ту программу исследований в области как физиологии, так и психологии, которая, к сожалению, имеет гораздо большее распространение, чем та, которую отстаивал против них Ленин.

Вот следите-ка за логикой Авенариуса дальше. Значит, физиологический ряд, или цепочка событий, происходящих в сетях нейронов, или в нейронных сетях, как сейчас предпочитают выражаться, обусловливает прерывистый и

капризный ряд психических переживаний. Хорошо. Причем, говорит, под словом «обусловлен» надо разуметь не причинную зависимость, конечно, поскольку причинно-следственную зависимость все позитивисты, и махисты в том числе, они вообще выбрасывали из арсенала научной терминологии, они ее подменяли функциональной связью. Так вот это типичная функциональная связь – физиологии с психикой.

Под словом «обусловлен» мы понимаем лишь отношение функции (не причинно-следственные зависимости, а функции), которую мы для удобства берем за независимую переменную, – к другой параллельной функции (то есть психической[1]).

Следите дальше. Установив, что психология как объективная наука невозможна в силу капризности и неповторимости психического ряда, он идет дальше и доказывает, что место всей прежней психологической болтовни должна занять физиология мозга. Это Авенариус. И постулирует взгляд на мозг – вот сейчас вы будете веселиться, – цитирую: я защищаю «воззрение на мозг как на саморегулирующуюся систему, находящуюся в подвижном равновесии», и взгляд «на процессы, которым параллельно соответствуют психические явления, как на отдельные акты саморегулирования».

В каком году издана эта работа – сами судите. Вот на этой основе и получается, что принципиальную координацию, или функциональную зависимость между психическим и физиологическим рядом, может исследовать научно только физиология мозга. А что же остается на долю психологии? Для нее заказаны совершенно объективные методы исследования, поскольку она имеет [дело] с капризными и индивидуально-неповторимыми феноменами самоощущений, постольку она способна только на классификацию предварительную, приблизительную этих явлений. Тут, де, возможен только субъективный метод, метод интроспекции, метод внимательного всматривания в свои собственные внутренние состояния.

Отсюда, кстати, Анатолий Сергеевич, идет и весь Хайдеггер, который считает, что все дело в том, чтобы углублять интроспекцию до такой степени, настолько углубиться в интроспекцию, чтобы сквозь нее увидеть суть мира. Алетейю, как он выражается, подлинное бытие вообще. Через интроспекцию. *<Реплика из зала, нрзб.>*

1 Здесь Ильенков в сокращенном виде пересказывает следующее место: «Под словом “обусловлен” мы не разумеем отношения повелевающего к повинующемуся, сущности к видимости, а лишь отношение функции, которую мы для удобства берем за независимую переменную к другой параллельной функции. Такой метод исследования явлений сознаний может быть назван психофизиологическим методом в психологии».

Вот как тот композитор, который считал, что он музыку сфер и даже числовые соотношения между планетами с помощью одной музыкальной интуиции улавливает. Вот эта самая оборотная сторона – комплементарная, или дополнительная, концепция к физиологически-биологическому взгляду на сознание и на мышление.

И позволю себе закончить цитирование тем резюме, которое Луначарский вот этому самому всему изложению популярному «Теории чистого опыта» Авенариуса дает. Вот вслушайтесь.

«Он (то есть Авенариус) дал новую, крайне простую и плодотворную классификацию психических явлений, позволяющую понять их биологический смысл. Идя по стопам Авенариуса, физиологи, детально изучая биологию мозга, имеют прекрасные шансы построить полную, точную и высоко конкретную картину жизни человека во всех ее проявлениях».

Вот и превращается «биология мозга» в универсальную науку, которая должна объяснить научно поведение человека и в экономике, и в политике, и в искусстве, и в науке, – везде. Вот за это-то их и бил Ленин, а не за то, что они думали, что человек мыслит не с помощью головы. Это они понимали, даже чересчур. Эта вот их идиотская психофизиология, выданная за новую универсальную науку, приводит к путанице в том числе даже в таком пустом вопросе – мыслит человек с помощью мозга или нет. Вот популяризируя эту предельно пошло-физикалистскую концепцию психики, Луначарский объясняет с ее точки зрения даже такие явления, как наслаждение человека от созерцания, скажем, Рафаэлевой Сикстинской Мадонной, или феномен Джордано Бруно, который пошел на костер ради своих идей. Всё, все без исключения вещи. Он берет самые предельные – казалось бы, причем [тут] биология мозга и Сикстинская Мадонна или Джордано Бруно? А смотрите, как он это доказывает – вот тут-то вы начнете смеяться, наверное.

Согласно Авенариусу и всем махистам, цитирую, «мозг есть сложнейший автомат; цель, к которой приноровлено все его строение, вся его структура – это сохранение подвижного равновесия (в переводе на русский язык: гомеостазис. – *Э.И.*) по возможности в неизменном виде, несмотря на все нарушения со стороны сложной и часто враждебной среды. Все органы (остальные – руки, ноги, там, и прочее. – *Э.И.*) суть придаточные органы мозга. *Саморегулирующийся автомат* – вот что такое мозг», по Авенариусу[1]. Это – «сложный Ванька-встанька, приноров-

1 С этого места и далее цитируется текст главы третьей (Теория жизненных рядов).

ленный к тому, чтобы приходить в прежнее положение, что бы с ним ни делали», как бы его ни толкали.

Это не мои слова, это – Луначарский, это адепт полнейший Авенариуса говорит. Я бы придумал, может, еще похлеще образы.

Психические явления суть самочувствие[1] колебаний, проделываемых Ванькой-встанькой, пока он опять не установится по-старому. Это адепт говорит.

Вот, а как с этой точки зрения, интересно, махисты, и до сих пор, интерпретируют феномен Джордано Бруно? Вот это еще характерней. Слушайте-ка. Когда им задают вопрос, цитирую: «А жертвовать собою ради идеи? Неужели и это акт самосохранения мозга?» Ну, действительно, вопрос коварный. Джордано Бруно свой мозг позволил сжечь на костре. Да, отвечает с позволения Авенариуса Луначарский, – именно так. И объясняет. Прежде всего, чтобы читатель понял, нужно напомнить ему, что «дело идет не о самосохранении человека, органом коего является мозг, а о самосохранении мозгового равновесия». Это страница 41–42 вот этой книги, которую я все время цитирую. О сохранении внутренней гармонии между разными мозговыми структурами. Ну, левым или правым полушарием, как сейчас, так сказать, «научно» установили. Или еще между какими тонкими узлами. Но дело идет, в общем, о сохранении устойчивого баланса между различными кусками мозга. Вот о чем идет речь и ни о чем больше.

Да, поэтому-то с их точки зрения мозг устроен так, что он органически, в силу морфофизиологических структурных особенностей, унаследованных им от рождения, он является врагом диалектики, он не приемлет противоречия. *<Реплика из зала, нрзб.>* Ага, вот она. И когда этот мозг оказывается в ситуации, когда один участок мозга ему говорит «А», а другой «не-А», то наступает – это я уже другого на память цитирую махиста, Бермана, тоже одного из авторов, с которыми Ленин-то все время бьется – наступает дискомфортное самоощущение мозга. Это и есть противоречие. Поэтому-то они до сих пор так не любят Гегеля, который считал, что напряжение противоречия – это и есть мотор психического развития. Для них это только дискомфортное состояние тела мозга, от которого организм во что бы то ни стало старается избавиться и, как Ванька-встанька, покачавшись, на одной стороне остановиться – на «А», или на «не-А», наоборот. Видите, тут связано все очень глубоко и очень прочно. Вот эта психофизиологическая концепция мышления, с принципиальным отрицанием историзма в психологии – потому что ника-

1 У Луначарского – *отражения*, а не самочувствия: «Психические явления суть отражения колебаний, проделываемых Ванькой-встанькой, пока он не установится по-старому».

кого историзма без принятия противоречия как движущей силы психического развития не получится. И вот той дорожкой через бердяевщину к поповщине, которую Ленин у всех у них обнаруживает. Если вы приемлете вот такую грубо-физикалистскую, грубо-физиологическую концепцию психики, мышления, сознания, то вы волей-неволей в качестве дополнения к ней будете вынуждены принимать бердяевщину, дзен-буддизм и прочую поповщину.

Так вот, противоречие, поэтому, для мозга очень неприятно. Противоречие, от которого этот мозг старается избавиться любой ценой – то ли за счет религии, то ли за счет водки, то ли за счет произвольного изменения терминологии, как это Дмитрий Павлович Горский нынче делает вслед за Карнапом, то ли путем насильственного устранения противоречащих мнений вместе с их носителем, путем уничтожения книг, в которых написано не то, что я вот думаю. Все эти явления опираются прочно вот на такое представление о психике и о возможных путях и законах ее развития. И Ленин совершенно справедливо квалифицировал эту психофизиологию, эту «биологическую психологию», как сам ее Авенариус называл, как психологию обывателя, растревоженного революцией. И совершенно справедливо. Как психологию обывателя, которую махизм пытается выдать за естественноприродную структуру мозга. Тем самым становясь прочно обеими ногами на почву натуралистической иллюзии насчет психики. Мозг так устроен, что нормальный человек – это обыватель, который не любит противоречий и старается от них любой ценой избавиться. Или так. Или за счет, вот как Бердяев – за счет боженьки. А эта концепция, поскольку она выдает за естественноприродную, то есть, стало быть, вечную и неодолимую, структуру человеческой психики, вот эту вот структуру сознания растревоженного революцией обывателя, вот они [махисты] и выдают за высший постулат психологии. И за исходную аксиому научной психологии.

Эта установка прямо ориентирует психологию на отыскивание тех внеисторических компонентов человеческой психики, которые ему [человеку] общи с мозгом любого животного. Те есть они разницы между зоопсихикой и [психикой] человеческой никакой не проводят. Они считают, что главные параметры человеческой психики совершенно идентичны с главными параметрами психики животных, у которых мозг действительно есть орган этой особи и только. Или вида. Эта установка прямо ориентировала психологию на антиисторизм тем самым. А все исторические элементы приписывала разным уже случайным пустякам. И на Гегеля они злятся больше всего и кричат, что Гегель унижал индивида, не уважал прав индивида, апеллировал всё ко всеобщим абсолютам каким-то и прочее, и прочее.

Вот эта либеральная критика Гегеля – она очень понятна, откуда и почему она. Потому что Гегель действительно впервые понял не только психику человека – то есть взаимоотношение души и духа, индивидуальной психики и духовной культуры – исторически, то есть как процесс где-то возникающий, развивающийся через противоречие. Потому.

И вот тут, Анатолий Сергеевич, вот об этом бы надо было с самого начала и поговорить, что такое историзм вообще и в психологии, в частности. Историзм значит тут взгляд, согласно которому вы ничего в любом явлении, как в психическом, так и в физическом, не поняли ни бельмеса, если вы не проследили, экспериментально не проверили самый акт возникновения вот этой вот вещи. Если у вас в руках понимания акта возникновения психики нету, то вы не знаете, что такое психика. И вот люди, которые апеллируют к врожденности психики и к передаче психики через гены, – это ведь просто дипломатически-жульнический ход, который снимает в психологии с повестки дня вопрос об акте возникновения *Я*, сваливает его в биологию, спуская на пол, отыскивает. А психология, если она хочет быть наукой о психике, о душе и о духе, о законах возникновения и развития его через противоречие, через стадии определенные, то она прежде всего это и должна делать. И вот эта точка зрения, точка зрения, на которую прочно вышла наша психология со времен Выготского. И попытки спихнуть ее с этой магистрали, с этого русла исторического подхода и исторического понимания психики, это кокетничанье со врожденными способностями, с биологией и с физиологией, попытка свалить проблему рождения психики туда – к физиологам, в институт Асратяна или еще куда подальше. Вот слава богу умные генетики, вроде Дубинина, – они поняли, что это им сваливают на шею не их задачу. И стали прислушиваться к психологии больше.

Концепция же, высказанная докладчиком, она, к моему сожалению, ориентирует прямо на какие-то другие рельсы. Поэтому так горячо и приходится возражать против такой постановки вопроса, ибо, начав со здравицы, с хороших слов Пушкина, Арсеньев кончил поддержкой тех людей, которые запрещают – сами не хотят и не могут, и другим запрещают – ставить вопрос об акте рождения души. Вот на этом я хотел закончить.

Публикация Е. Иллеш и А. Майданского

Александр СИМАКИН,

Александр СУРМАВА

Последний бой последнего шестидесятника

Статья повествует о последнем публичном выступлении Эвальда Васильевича Ильенкова, признанного духовного лидера советских «шестидесятников». Движение последних возникло в атмосфере хрущевской оттепели и провозглашало своей целью возрождение и очищение «аутентичного марксизма» от искажений эпохи так называемого «культа личности». Доклад Э.В. Ильенкова прозвучал 12 февраля 1979 г. на заседании «давыдовского» семинара в Институте общей и педагогической психологии АПН СССР и представлял собой полемику с точкой зрения А.С. Арсеньева на проблему «историзма в психологии». Статья написана на основе воспоминаний авторов, лично участвовавших в том историческом заседании. В ней представлена их точка зрения на нравственную и теоретическую драму, кульминационным актом которой и стала дискуссия Э.В. Ильенкова с его бывшим учеником и последователем. Острый драматизм полемике придавало то обстоятельство, что конец 1970 гг. был временем, когда идеи шестидесятничества не только перестали пользоваться популярностью в кругах советской интеллигенции, но стали агрессивно отторгаться ею.

Попыткам шестидесятников и прежде всего Э.В. Ильенкова и А.Н. Леонтьева построить основанную на спинозизме материалистическую психологию был противопоставлен всеобщий интерес к позитивизму и религии. В статье содержится попытка дать объективный анализ обсуждавшихся в ходе развернувшейся полемики теоретических проблем, и прежде всего духовной атмосферы того времени.

С апреля 1975 года вплоть до холодной весны 1979, до момента трагической смерти Э.В. Ильенкова на психфаке МГУ собирался руководимый им семинар по «диалектической логике». В жизни Э.В. Ильенкова это семинар стал, по существу, второй и последней возможностью серьезного и систематического общения с молодежью. Первый подобный семинар Ильенков вел для студентов философского факультета МГУ в начале пятидесятых, и имена его участников сейчас широко известны в России и за ее пределами всем, кто интересуется российской/советской философией XX века. Наш семинар отличался от того первого уже тем, что среди нас не было ни студентов философского факультета, ни дипломированных философов. Организовал и активно в нем участвовал народ самый разнообразный - в основном выпускники физфака и политэкономы, кибернетики, историки и биологи. И хотя семинар собирался на психфаке МГУ, как раз психологов среди нас было совсем немного. Разумеется, студенты и аспиранты психологического факультета, случалось, заглядывали к нам на огонек, но как правило совсем ненадолго, ибо и тематика, и подчеркнуто профессионально-философский уровень дискуссий на семинаре их очевидно не вдохновляли. Очень уж это все было далеко от того, к чему стремилась молодая психологическая поросль, недовольная излишне, на их

взгляд, теоретическим и чрезмерно марксистским направлением не только ильенковского семинара, но и тогдашнего леонтьевского факультета в целом.

Большинство наших «семинаристов» были выходцами из ТМЭФПа – Творческой Мастерской Экспериментальных Форм Пропаганды – неформальной левой студенческой политической группы, возникшей в 1971 году, в год столетнего юбилея Парижской Коммуны и окончательно разогнанной парткомом МГУ не без помощи и дружеской подсказки КГБ в январе 1975 года. Характерно, что первой акцией ТМЭФПа было празднование годовщины романтического восстания «штурмовавших небо» парижских коммунаров, положившего начало европейскому, а затем и мировому левому коммунистическому движению. Последним же заметным делом, исчерпавшим долготерпение университетского начальства в штатском, была серия акций солидарности с чилийскими демократами, организованная и проведенная тмэфповцами, в знак протеста против кровавого военного переворота в Чили. Вскоре после этого группа бывших активистов ТМЭФПа, предводительствуемая физиком Евгением Андрюшиным, отправилась к Эвальду Васильевичу Ильенкову с просьбой взять на себя руководство теоретическим семинаром по марксизму. Э.В. Ильенков согласился, а А.Н. Леонтьев придал семинару некоторый официальный статус, разрешив нам собираться на психфаке.

Так, завершив диалектический круг, стоявший у колыбели шестидесятничества Э.В.Ильенков, в конце жизни встретился с молодежью, которая приходила в философию в обстоятельствах острого кризиса шестидесятничества, но которая при этом стремилась сохранить и развить гуманистические идеи аутентичного марксизма, вдохновлявшие в пятидесятые – начале шестидесятых и его самого, и его тогда еще многочисленных единомышленников и последователей. Едва ли наше поколение – поколение, родившееся после Великой Войны, и вошедшее в сознательный возраст через десять лет после XX съезда и танков в Будапеште, после Новочеркасского расстрела и смещения Н. Хрущева - можно было назвать, как сейчас принято выражаться, «первым непоротым поколением». Разумеется, брежневский режим был бесконечно либеральнее сталинского тоталитаризма, а потому всеобъемлющий, затмевающий разум страх уже не господствовал над нами с такой силой, как над нашими отцами и старшими братьями. Но, хотя и изрядно одряхлевший, и отчасти усвоивший вегетарианскую диету сталинско-брежневский режим все еще оставался режимом репрессивным. И главное - для нас, для нашего поколения, в отличие от поколения старших шестидесятников, этот режим перестал ассоциироваться с какой бы то ни было коммунистической идеей.

Слишком очевидна для нас была та огромная пропасть, которая отделяла коррумпированную брежневскую номенклатуру от идеалов «Коммунистического манифеста», идеалов Революции. И в этом, в более трезвом и лишенном каких бы то ни было иллюзий в отношении к господствовавшему в стране политическому режиму, и было, пожалуй, наше главное отличие от нашего Учителя. В годы расцвета брежневского застоя, мы, молодежь семидесятых уже успели ощутить на собственной шкуре прелести репрессивной машины режима номенклатурного, или, как он предпочитал себя называть - «реального социализма» и понимали, что этот режим утратил всякое право на коммунистическую идею, что с ним предстоит самая серьезная борьба, и что успешность этой борьбы возможна только в том случае, если в ее основании будет лежать серьезная теоретическая мысль, большая философская культура. О лучшем проводнике в такую культуру, чем Эвальд Васильевич Ильенков, мы не могли и мечтать.

Так возник семинар, существование которого 21 марта 1979 года прервала безвременная и трагическая кончина Э.В. Ильенкова.

Но, кроме того малого, «ильенковского» семинара, который организовали мы сами, в Институте психологии, которым тогда руководил ученик и друг Э.В. Ильенкова – Василий Васильевич Давыдов, в те же семидесятые годы функционировал «большой», «давыдовский» семинар. «Большой», ибо объединял известных отечественных ученых - психологов и философов, биологов и историков. В марте 1982 года, на заседании семинара, посвященном трехлетней годовщине смерти Ильенкова, В.В. Давыдов вспоминал, что сама идея этого семинара исходила все от того же Э.В. Ильенкова. Так в начале семидесятых на фоне неуклонно сгущавшейся атмосферы брежневского застоя, в старом особняке на Моховой, в пяти минутах ходьбы от Кремля в Институте общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР возник оазис живой, не скованной казенной идеологией мысли. И просуществовал этот семинар, и этот оазис с начала семидесятых, до осени 1982 года, когда В.В. Давыдова исключили из КПСС и сняли с должности директора института за «идеологические и кадровые ошибки». Позднее, уже в годы Перестройки, когда Давыдова восстановили в партии и вернули ему Институт, он пытался возродить славный своими традициями семинар семидесятых. Увы… На этот раз у него ничего не получилось. Сотрудники института дисциплинированно приходили на заседания семинара, приглашенные докладчики, исправно произносили свои доклады. Но чуда так и не случилось. Семинар умер вторично и окончательно, и на этот раз уже своей собственной смертью, ибо в наступившие

времена что-то неуловимое изменилось в самой общественной атмосфере, *без чего,* вернее - *без кого,* семинар не мог существовать.

Сегодня, глядя с уже достаточно большой исторической дистанции, нетрудно понять, что в начале семидесятых послужило успеху, а в конце восьмидесятых провалу этой научной затеи.

Конференция или семинар либо являются данью научно-бюрократическому формализму, либо становятся действительно подлинно научным событием. В первом случае – ученые мужи и дамы профессионально имитируют научную деятельность, дабы украсить свои отчеты и curriculum vitae пунктом, повествующем об участии в данном мероприятии. В таком варианте, а этот вариант, во всяком случае в сфере гуманитарного знания, является сегодня во всем мире едва ли не доминирующим, содержание произносимых докладов в общем никого особенно не волнует, если автор не слишком выбивается из принятого на данный момент административно-академического мейнстрима. Каждый из выступающих на подобном мероприятии толкует что-то свое, не очень прислушиваясь к тому, о чем толкуют его коллеги. Содержательная критика оппонентов в рамках такой практики считается чем-то не вполне уместным и приличным. Господствует принцип – умствуй (в меру своих возможностей) сам, и умствовать давай другим, ибо не нами сказано, и не нам оспаривать ту глубокомысленную позитивистскую истину, что никакой истины не существует вовсе. А, следовательно, чем контрпродуктивно портить отношения с влиятельными коллегами, вступая с ними в бессмысленные дискуссии, лучше в расчете на взаимность лишний раз процитировать того же коллегу, повышая подспудно и свой академический статус и демонстрируя тем самым широкую научную эрудицию и высокий уровень социализации.

Давыдовский семинар семидесятых был явно непохож на подобную имитационную модель, и причиной тому был еще не до конца изжитый дух все того же шестидесятничества. Среди участников семинара были теоретики, придерживавшиеся самых разнообразных философско-теоретических взглядов, но это не превращало семинар ни в арену для взаимных идеологических разоблачений и доносов, ни в сцену для обмена политкорректными реверансами, но, напротив, создавало то напряжение противоречия, без которого невозможна теоретическая мысль как таковая. Дискуссии при этом не расплывались в бесформенную и бессмысленную полемику всех против всех, но так или иначе фокусировались вокруг единого центрального пункта, вокруг попытки дать человеческой психике и сознанию, самой человеческой природе последовательно материалистическое, научное объясне-

ние, либо опровергнуть, доказать принципиальную невозможность такового. И залогом теоретической бескомпромиссности и продуктивности дискуссий была позиция одного единственного участника семинара – позиция Эвальда Васильевича Ильенкова.

Утверждая последнее, мы вовсе не хотим преуменьшить роль и значение всех остальных участников семинара, и прежде всего его бессменного организатора и председателя Василия Васильевича Давыдова. Разумеется, семинар был бы невозможен без блестящего, острого ума Давыдова, умудрявшегося откровенно продремать иной скучный доклад и сразу же после этого сверкнув озорными глазами задать докладчику убийственный по точности вопрос. Но при всем при том, камертоном, с которым сверял свою теоретическую позицию прежде всего сам В.В. Давыдов, был, разумеется, Э.В. Ильенков и только Ильенков.

Разумеется, на роль формулировавшего теоретическую повестку дня интеллектуального лидера в эти годы мог претендовать и А.Н. Леонтьев, чья «Психологическая теория деятельности» не без оснований считалась чем-то вроде официально признанной на тот момент «марксистско-ленинской» теоретической доктрины, которую преподавали на немногочисленных тогда в СССР психологических факультетах, и ссылки на которую в научно-психологических и научно-педагогических публикациях считались идеологически желательными. К сказанному следует добавить, что А.Н. Леонтьева связывала с Э.В. Ильенковым принципиальная общность взглядов в главном, в понимании того, что теоретическое основание психики и сознания следует искать не в физиологии ЦНС, но в чувственно-предметной деятельности. Но при всей общности их теоретических взглядов, было нечто, что существенно разделяло этих двух теоретиков, и этим нечто была принадлежность их к принципиально разным советским поколениям. За плечами Э.В. Ильенкова была Война, в которой он, будучи еще юношей, прошел со своей пушкой бесконечно долгий путь до Берлина, путь на котором смерть была не теоретической возможностью, ожидающей человека в неопределенном будущем, но чем-то ежедневно присутствующим здесь и сейчас, чем-то, что требует от тебя не абстрактного страха, но реального, осмысленного, предметного действия. Если враг стреляет в тебя, то следует не просто «переживать» чувство страха, но осмысленно предметно действовать, заряжая и прицеливая во врага свою пушку. Что же касается А.Н. Леонтьева, то доминантой его социального опыта тоже был страх, но страх совсем иного рода, страх ночного стука в дверь, страх безвинно и безвестно сгинуть в бездне ГУЛАГа, страх, предполагавший необходимость не осмысленного, предметно-

го действия, но, в лучшем случае – специфической идеологической хитрости, своего рода византийства. Отсюда та отвага Э.В. Ильенкова, с которой он безоглядно бросался в самую гущу теоретических споров, не слишком заботясь о том, что по этому поводу подумает советское идеологическое начальство. Отсюда же специфическая осторожность А.Н. Леонтьева, который даже в конце своей жизни не осмелился публично сказать ни единого критического слова в адрес И.П. Павлова, чья теория, несомненно, была ему как теоретику крайне несимпатична. Поэтому, А.Н. Леонтьев замечательно подходил на роль мэтра со всей и даже несколько излишней осторожностью проповедующего свои передовые теоретические взгляды, теоретика, который прилагал немалые усилия не к тому, чтобы сделать свои взгляды максимально прозрачными и убедительными, но озабоченного прежде всего тем, как бы не попасть под беспощадное идеологическое колесо, а потому гримирующего свои теоретические идеи под казенный идеологический мейнстрим.

Ровно по этой причине, несмотря на всю близость их теоретических идей, нравственным и интеллектуальным лидером давыдовского семинара был не А.Н. Леонтьев, но Э.В. Ильенков. Совершенно очевидно, что эту ключевую роль Ильенкова явно или неявно признавали и его оппоненты, пытавшиеся противопоставить свою позицию позиции марксистской, воплощением которой являлся, разумеется, не официозный диамат/истмат и не казенные идеологические менторы вроде академика Федосеева, но все тот же Э.В. Ильенков. Здесь, правда, необходимо одно весьма существенное уточнение.

Сутью шестидесятничества была попытка провести отчетливую грань между казенным официозом, между «марксизмом» идеологическим, и марксизмом критическим, то есть подлинным. И надо сказать, что такая позиция требовала от теоретика высочайшего теоретического уровня. Обнаружить и публично разоблачить противоречия, внутренне присущие идеологии господствующего в обществе класса, – задача существенно более трудная и куда более опасная, чем попытка отбросить эту идеологию в целом, противопоставив ей не собственное новое видение противоречий современности, но просто иную идеологию. Тем более, если эту самую иную идеологию тщательно упаковать в привычную советскую и как бы марксистскую терминологию так, чтобы полная смена парадигмы не бросалась в глаза. Так, бóльшая часть тех шестидесятников, которые в пятидесятые годы заглядывали Ильенкову в глаза и почитали себя его преданными учениками, благополучно отказались от попыток дать научный, марксистский ответ на более чем сложные проблемы современности, и предпочли вариант куда более удобный и

легкий – отбросить марксизм и Маркса как дохлую собаку, и пойти на выучку к тем модным зарубежным философам, которые олицетворяли в их глазах «современную западную философию», а заодно известность, академический успех и всяческое благополучие, то есть прежде всего ко всевозможным позитивистам и экзистенциалистам. Естественно, что такая смена собственной позиции остро нуждалась в интеллектуальном и нравственном оправдании – не стали бы же новоявленные ренегаты шестидесятничества добровольно признаваться в том, что путь серьезного марксистского анализа советской и мировой реальности оказался им элементарно не по зубам, и что они предпочли более легкий и безопасный путь глубоко провинциальной вторичности, путь эпигонов эпигонов, ибо западная философия XX века была по-существу философией глубоко вторичной, философией в ухудшенном и разжиженном виде обсуждавшей проблемы, благополучно поставленные и снятые еще философией классической. Поэтому, отказавшись от серьезного, основанного на классической мысли обсуждения проблем современности, они заодно отказались видеть какую бы то ни было разницу, тем более противоположность блестящих теоретических идей Ильенкова и мышино-серых текстов казенного «марксизма-ленинизма», и тем самым фактически объявили своего вчерашнего кумира — Э.В. Ильенкова интеллектуально недостаточным поборником «советской идеологии».

Так, Э.В. Ильенков, который все пятидесятые и в начале шестидесятых был признанным интеллектуальным лидером шестидесятничества, остался едва ли не в полном одиночестве. Конечно, рядом с ним оставались преданные ему и его идеям друзья и ученики, рядом с ним оставался, все тот же его друг и ученик В.В. Давыдов с его семинаром, где-то на периферии его интересов существовал, наверное, и наш, малый ильенковский семинар с жаждущей общения с ним молодежью. Но на другой все более и более тяжелевшей чаше весов было значительное большинство коллег, не просто не способных понимать его идеи, но намеренно и враждебно не желавших этого.

В такой интеллектуальной и нравственной атмосфере 12 февраля 1979 года и произошла последняя дискуссия последнего шестидесятника Эвальда Ильенкова с его же собственным вчерашним учеником и последователем Анатолием Сергеевичем Арсеньевым.

Дискуссия происходила в забитой под завязку большой аудитории Института психологии, в которой один раз в две недели в пять вечера обычно и происходил давыдовский семинар. Заняты были не просто все места в аудитории, люди сиде-

ли на ступенях в проходах приблизительно так, как на знаменитом вечере поэтов в Политехническом из хуциевской «Заставы Ильича». За две недели до публикуемого нами выступления Э.В. Ильенкова состоялся доклад А.С. Арсеньева «Принцип историзма в психологической науке», Ильенков же выступал в порядке обсуждения арсеньевского сообщения. В.В. Давыдов, понимая важность темы, и значение того, что мог высказать в этой связи докладчик, не ограничивал Ильенкова жестким регламентом, но дал ему возможность высказать все, что он хотел сказать. Речь Ильенкова длилась где-то около часа и перемежалась обменом репликами между ним и Арсеньевым, сопровождавшимся оживленной эмоциональной реакцией на эти реплики присутствовавшей на семинаре публики.

Ни текста, ни аудиозаписи арсеньевского доклада, к сожалению, не сохранилось (во всяком случае пока что нам их найти не удалось), но и позднейшие публикации А.С. Арсеньева, и теоретический контекст ильенковской полемики с ним позволяет с достаточной убедительностью реконструировать основной, как теперь принято говорить, «месседж», основной посыл его доклада.

Напомним, и доклад А.С. Арсеньева, и контрдоклад Э.В. Ильенкова назывались «Принцип историзма в психологической науке». Сразу же, с места в карьер, возникает вопрос – а в чем, собственно говоря, была необходимость дискутировать, тем более столь остро на такую сугубо академическую тему, как «историзм»? В чем коренилась такая притягательность темы, интерес к которой под завязку наполнил аудиторию института?

Сегодня, из нашего исторического далека ответ совсем не очевиден. Между тем, тогда, в 1979 году практически все присутствующие достаточно ясно понимали в чем состоит главная интрига разворачивавшейся на их глазах и с их участием полемики. Понимал, что все всё понимают, разумеется, и Э.В. Ильенков, поэтому без долгих околичностей он с места в карьер заговорил о предельной важности обсуждаемой темы, важности «историзма в психологии».

Так в чем же заключалась таинственная важность именно этой категории?

Да в том, что пресловутый «историзм» со всей очевидностью выступал в роли эвфемизма, в котором большинство присутствующих без труда узнавали просто «марксизм».

Опять-таки, глядя из нашего сегодняшнего дня, может возникнуть совершенно закономерный вопрос – почему в 1979 году, в стране, претендовавшей на то, что в ней удалось практически реализовать марксовскую мечту о социализме, сло-

во марксизм надо было маскировать, как если бы дело происходило в исламистском Иране или в нацистской Германии?

Элементарно! Потому, что в стране, в которой из марксизма сделали идеологию, то есть, в соответствии с определением самого Маркса, - род ложного сознания, предназначенного для того, чтобы прикрывать специфическим квазимарксистским и квазиреволюционным красноречием реальные отношения эксплуатации, вести научную полемику вокруг слова, являвшегося общеобязательным символом веры, значило подставляться под немедленные и жесткие идеологические и административные, а в сталинские времена даже и уголовные репрессии властей, присвоивших себе право монопольно выступать от имени этого самого «марксизма».

Скажем, советский физик или математик мог, не греша против совести, спокойно упрекнуть коллегу в каких-то ошибках или недостаточной научности высказываемых им теоретических положений, ибо из этой критики не вытекало никаких трагических последствий для критикуемого. Напротив, если подобную бестактность, если не сказать сильнее, позволял себе философ или психолог, то это могло иметь для критикуемого, а заодно и для самого критика самые печальные последствия. Отсюда, кстати, специфическая трудность в интерпретации советской философии и психологии теми, кто не жил при советском режиме. Так, для такого наивного историка науки остается величайшей загадкой почему А.Н. Леонтьев, при всей противоположности его теоретических подходов, подходам Л.С. Выготского, до последней минуты своей жизни клялся в преданности идеям последнего, и всячески настаивал, что основные положения психологии деятельности были, пусть и в неразвитом виде, заложены основоположником единой марксистской психологической школы – Львом Семеновичем Выготским?

Между тем, объяснение лежит буквально на поверхности!

Если в естественных науках или в технике ученые могли позволить себе какую угодно разноголосицу, то в идеологической сфере, а философия и психология несомненно причислялась властями к последней, должен был господствовать принцип – одна наука – одно направление мысли, признанное партийно-идеологическим начальством в качестве правильного и «марксистско-ленинского», один официально одобряемый лидер направления. Иначе говоря, если в середине семидесятых таковым авторитетом в психологии официально считался А.Н. Леонтьев, то на идеологическом языке это значило, что леонтьевская «психологическая теория деятельности» есть наилучшее на данном историческом этапе воплощение марксизма в психологии. Но ретроспективно это одновременно означа-

ло, что и его старший товарищ Л.С. Выготский принадлежал к той же единственно верной «марксистской» школе. Открытое признание обратного, что его – Леонтьева, как деятельностника, отделяла от Выготского с его семиотикой теоретическая пропасть, означало бы признание в том, что если не сам Леонтьев, то Выготский – не «марксист», что в свою очередь означало бы как минимум второе издание запрета на публикацию трудов Выготского. Надо ли говорить, что подобный поступок был бы расценен всеми друзьями, входившими в узкий круг учеников и друзей Выготского, как прямое предательство памяти их общего друга, как вульгарный донос. Поэтому, едва ли не единственная статья, в которой А.Н. Леонтьев полемизирует с Л.С. Выготским, увидела свет только в девяностые годы, когда никого из участников той научной и человеческой драмы уже не было в живых, и, самое главное, на дворе была уже совершенно иная политическая реальность.

Ровно та же проблема лежала в основании специфической необходимости выражаться эвфемизмами, когда речь шла о марксизме и в 1979 году.

При этом надо сказать, что все участники давыдовского семинара были вполне осведомлены о том, что уже к середине шестидесятых, и тем более к концу семидесятых, большинство вчерашних марксистов-шестидесятников благополучно со своими прежними убеждениями распрощались, а иные даже, по выражению Э.В. Ильенкова, так даже просто «расплевались с марксизмом». (Это выражение Ильенков с искренней горечью обронил, описывая поведение А.А. Зиновьева, в связи с его скандальной книгой - «Зияющие высоты».) Не было ни для кого секретом, что подобную же метаморфозу к тому времени совершил и Анатолий Сергеевич Арсеньев, променявший ильенковский «высокий европейский рационализм» (по тому, как афористически точно ильенковскую философию охарактеризовал В.С. Библер) на причудливую эклектическую смесь случайных рудиментов этого самого рационализма с самым дюжинным иррационализмом, а то и просто с самой вульгарной мистикой. Времена на дворе на закате брежневской эпохи были не самые людоедские, а потому особой тайны из своих взглядов Анатолий Сергеевич не делал, и, когда позволяли обстоятельства, подчеркнуто бравировал своим специфическим свободомыслием, вызывая восторженные рукоплескания своих многочисленных поклонников и поклонниц. Между тем, и ограниченному свободомыслию, негласно дозволявшемуся в годы брежневского застоя, была положена своя мера и свой предел. Одно дело дерзко фрондировать за рюмкой чая в кругу сочувствующих друзей и подруг на собственной кухне или в институтской курилке, и совсем иное - заявить об этом публично с кафедры докладчика на семинаре в

Институте психологии, подставляя этим не только самого себя, но и своих коллег и прежде всего В.В. Давыдова, как директора института.

Поэтому в своем докладе А.С. Арсеньев ниспровергал упаси боже не марксизм, но всего лишь… «историзм в психологии». Тем более, что любой элементарно грамотный участник семинара великолепно понимал, что конкретно докладчик подразумевает под этим самым «историзмом». Посему и Э.В. Ильенков сразу же демонстрирует, что понимает против чего и против кого полемизирует А.С. Арсеньев, и что он принимает брошенный ему вызов.

«Тема эта предельно, по-моему, важная – историзм в психологии» – заявляет Э.В. Ильенков. Но вся аудитория слышит не это, но нечто иное, и слышит, заметим, совершенно правильно: «Тема эта предельно, по-моему, важная – *марксизм* в психологии».

«Начал Анатолий Сергеевич свой доклад, - продолжает Э.В. Ильенков, – с утверждения, что прежде, чем говорить об историзме в психологии, надо ясно понять, что такое историзм. Правильно. Разъяснить, что такое историзм в общей форме, конечно, нужно было бы хотя бы коротко, прежде чем говорить об историзме в психологии. Но как раз этого Анатолий Сергеевич, к сожалению, не сделал. Он сказал: ну, а что такое историзм – никто не знает».

Все, кто был знаком с А.С. Арсеньевым, легко могут представить себе фирменную обаятельно-ироничную улыбку, сопровождавшую эту его пилатовскую реплику «…а что такое марксизм – никто не знает», а подавляющее большинство участников того исторического семинара, представлявших на тот день цвет советской гуманитарной мысли, могли с легкостью продолжить его высказывание, ибо оно было абсолютно созвучно их собственным мыслям и убеждениям. Как-нибудь в таком роде: «Что такое ваш «марксизм» - никто не знает, и не хочет знать, ибо никому ваш марксизм не нужен и не интересен».

Надо ли говорить, что у посвятившего всю свою жизнь задаче возрождения подлинного марксизма первого, а теперь едва ли не последнего шестидесятника, подобная адресованная публике легковесная игра вокруг того, что он считал главным делом всей своей жизни, не могло не вызвать самого резкого протеста.

Ильенков поднимает брошенную ему перчатку и с открытым забралом вступает в теоретический поединок, не обращая внимания на то, что в этом своем поединке он находится в абсолютном меньшинстве и уже поэтому обречен на поражение. Ибо победа в подобных академических спорах определяется не содержанием и теоретической весомостью аргументов, но владеющими на данный мо-

мент большинством аудитории предрассудками, за которыми, глядя с нашей исторической колокольни, нетрудно в свою очередь разглядеть самые банальные *интересы*.

«Анатолий Сергеевич, - обращается Э.В. Ильенков к своему бывшему ученику, - а вдруг окажется, что кто-то знает, что такое историзм (читай – марксизм – А.С. и А.С)? (реплика из зала, нрзб). Так что фраза эта – никто не знает, что такое марксизм (здесь и далее до конца цитируемого фрагмента мы на место слова *историзм* подставили эквивалентный в данном контексте термин *марксизм* – А.С. и А.С.)… Себя вы сюда включаете, или нет? (ответ из зала, нрзб). Я могу допустить, что эта фраза если и имеет смысл, то смысл несколько другой: ни одна из имеющихся концепций марксизма меня, Анатолия Сергеевича, не устраивает. Так? А свою собственную я предложить не могу. Вот это и был, очевидно, рациональный смысл этого его заявления. Хорошо, Анатолий Сергеевич. Но тогда вы обязаны были по самой элементарной логике выступающего рассмотреть достаточно хорошо и прочно сложившиеся в истории культуры концепции марксизма и показать, почему они вас не устраивают. И этого вы не сделали».

Думается, что в такой редакции диалог Ильенкова и Арсеньева перестает быть неким абстрактно-академическим междусобойчиком и наполняется совершенно иным, драматическим смыслом.

«Своего понимания марксизма докладчик, к сожалению, нам не сформулировал, - продолжает Э.В.Ильенков, - хотя бы в самой общей форме, хотя бы коротко. Этого он как раз сознательно избегал, ходил вокруг да около. С одними мыслителями он в чем-то соглашался, других мыслителей он в чем-то упрекал. Упрекал, не доказывая, почему же это неверно. Ну а поскольку он нам не объяснил, что такое марксизм в общей форме, он, естественно, так и не подвел нас к тому, что значит марксизм применительно к психологии.

А между тем психология как раз, по-моему, и нуждается очень остро в очень четко продуманном историческом (читай – марксистском – А.С. и А.С) воззрении на свой предмет. И нужда эта возникла не сегодня, и не вчера…»

Прервем цитирование.

Все что мог тогда сказать Э.В. Ильенков, он сказал. И сегодня к этому уже невозможно что-то прибавить, или от этого отнять. Единственное, что необходимо подчеркнуть, - выступление Э.В. Ильенкова ознаменовало собой конец эпохи – эпохи Оттепели, эпохи шестидесятничества, бесспорным духовным лидером которой был именно он, как бы это сегодня не пытались вытеснить из исторической па-

мяти сегодняшние либеральные историки и публицисты. Тогда, 12 февраля 1979 года история буквально на наших глазах окончательно перевернула эту страницу так, что впредь всякий возврат к ней, по крайней мере в той ее классически ильенковской форме, был уже полностью исключен. Тогда его ученики, начиная с нас – в ту пору еще зеленой молодежи, и кончая все тем же В.В. Давыдовым, не хотели верить в это. Между тем, то, что не было понято нами, было понятно самому Эвальду Васильевичу Ильенкову. Как свойственно крупным мыслителям, Э.В. Ильенков остро чувствовал историческое время и тогда, когда он в начале пятидесятых возглавил общественное движение за возрождение подлинного революционного, гуманистического марксизма, и позже, когда в 1968 году он в письме к Юрию Жданову писал:

«Жаль, что не удалось поговорить. Вы помогли бы мне выбраться из дурного настроения. Никак оно не проходит – а в итоге даже письмо написать – и то превращается в проблему. Уж очень хочется этим молодцовым вернуть все назад. А их, увы, много. Вот и думается – еще двести лет будет тянуться эта ерунда, если раньше бедой не кончится. И валится все из рук, хочется махнуть рукой на всю эту философию несчастную и беспомощную и заняться чем-нибудь другим... Такие-то вот настроения совсем меня одолели. И трудно решить – насколько они оправданы. Но впечатление все же такое, – интегрально-интуитивное – что наступает полоса тухлого безвременья, когда все те, кто мог бы что-то делать интересное – забираются в свои норы, а на свет опять выползает всякая нечисть, ничего не забывшая и ничему не научившаяся, только сделавшаяся еще злее и сволочнее, поскольку проголодалась. И никак не удается взглянуть на все это дело «философски», то бишь «суб специе этернитатис». Даже не знаю – посылать Вам эти ламентации или лучше порвать и переждать с письмом, пока не посветлеет на душе».

В 1968 году у Э.В.Ильенкова еще хватило физических и нравственных сил вынести все это и продолжить свое нелегкое теоретическое дело, продолжить свою отчаянную и преимущественно одинокую борьбу за свои гуманистические, свои коммунистические идеалы. Между тем, общественная атмосфера в стране не только не прояснялась, но с каждым годом становилась все тяжелее и тяжелее, а идейное и нравственное одиночество все невыносимее. И дружный смех участников давыдовского семинара, радостно приветствовавший какую-то плоскую и пошлую, но прицельно точно адресованную господствовавшим в конце семидесятых общественным настроениям академической и околоакадемической публики реплику его оппонента, не мог не ранить его сознания.

Да, конечно, это была всего лишь небольшая частность, да, Э.В. Ильенков, как опытный полемист в своей жизни выдерживал и куда более болезненные наскоки и нападки. Вот только человеческие силы не беспредельны. И кто знает, возможно именно этот смех стал той соломинкой, которая переломила верблюду спину.

Чуть больше, чем через месяц после этого исторического диспута Э.В. Ильенкова не стало.

Олег СМОЛИН

Системные проблемы образования: решения и парламентский контроль[1]

24 июня 2019 года в Государственной Думе произошло, на мой взгляд, знаковое событие: расширенные парламентские слушания на тему «О мерах по повышению качества образования в Российской Федерации».

Эти слушания состоялись по решению Председателя Государственной Думы, который дал поручение об их проведении на основании моего выступления от имени фракции КПРФ 18 сентября 2018 года. В этом выступлении были поставлены несколько важнейших системных проблем отечественного образования.

Благодаря позиции Председателя Думы мы смогли получить на этих слушаниях достаточно объективную картину проблем отечественной школы и дошкольного образования, хотя многие педагоги отказывались честно о них рассказывать по, мягко скажем, рекомендации руководства образовательных организаций либо органов управления образованием. Явление тоже примечательное.

23 июля 2019 года, насколько помню, впервые не решением Комитета, но Постановлением Государственной Думы в целом (№ 6683-7 ГД «О рекомендации парламентских слушаний на тему «О мерах по повышению качества образования в Российской Федерации») были утверждены рекомендации парламентских слушаний. Скажу откровенно: считал это большим нашим общим и своим личным достижением и надеялся, что правительство прислушается к единогласному мнению всех фракций парламента. Однако на смену надежде пришло разочарование.

20 февраля текущего года Комитет Государственной Думы по образованию и науке в порядке парламентского контроля рассмотрел вопрос о реализации

1 Статья подготовлена на основе материалов выступления автора в Государственной Думе. Опубликовано под названием: Слушали, рекомендовали, забыли. Долгий ящик системных проблем // Образовательная политика. – 2020. - № 2. – С. 18-28.

рекомендаций парламентских слушаний. При этом выяснилось: подавляющее большинство ключевых рекомендаций Государственной Думы не исполнены и, более того, к их реализации правительство даже не приступало. Чувство глубокого неудовлетворения (чтобы не сказать: возмущения) выражали депутаты всех фракций, начиная с Председателя Комитета.

Мы далеки от мысли упрекать в неисполнении Постановления Госдумы новое руководство правительства, Минпросвещения России или Минобрнауки России, однако считаем необходимым обратить их внимание и внимание гражданского общества на этот вопиющий факт в надежде, что ситуация изменится в лучшую сторону.

Обратимся к конкретным пунктам Постановления, адресованным именно Правительству РФ.

1. 23 июля 2019 года Государственная Дума единогласно рекомендовала Правительству

«разработать и утвердить в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 года N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" стратегию развития образования в Российской Федерации, структурированную по видам образования»[1].

Напомню: Комитет Государственной Думы по образованию и науке и прежде неоднократно рекомендовал правительству разработать стратегию развития российского образования в целом. В частности, рекомендации парламентских слушаний «О стратегическом планировании развития образования в Российской Федерации», прошедшие в Думе 21 ноября 2017 года, содержали рекомендацию «подготовить и представить для общественного обсуждения:

концепцию стратегического планирования развития образования в Российской Федерации;

проекты документов, определяющих стратегию развития российской системы образования на среднесрочный период, включая вопросы законодательного обеспечения планируемых изменений;

проект прогноза научно-технологического развития образования на среднесрочный период, включающий вопросы научного и научно-технологического обеспечения развития отрасли».

1 Правильнее было бы сказать: структурированную по основным уровням образования и направлениям образовательной политики.

Однако в настоящее время стратегия отсутствует. Подготовлен лишь проект «Стратегии развития образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и с инвалидностью в Российской Федерации на период до 2030 года», который нуждается в серьезной переработке. Соответственно, не исполнена и рекомендация расширенных парламентских слушаний.

2. Правительству РФ было также рекомендовано: «… разработать комплекс мероприятий и сформировать совместно с субъектами Российской Федерации "дорожные карты", гарантирующие минимальную заработную плату при условии работы за одну ставку заработной платы (18 часов) в размере не менее 70 процентов от средней заработной платы в субъекте Российской Федерации и ее фиксацию в трудовых договорах с каждым педагогическим работником, проработав одновременно механизмы оказания субъектам Российской Федерации финансовой поддержки в случае недостаточности у них собственных средств».

Не исполнено и это требование. В федеральном бюджете и бюджетах большинства субъектов Российской Федерации средства отсутствуют. При формировании федерального бюджета на 2020 год Минфином и Минпросвещения РФ рекомендация даже не рассматривалась.

Позволю себе обратить внимание на пять обстоятельств.

Во-первых, именно это положение было согласовано на расширенных парламентских слушаниях 24 июня 2019 года Председателем Госдумы и Министром просвещения РФ (в то время О.Ю. Васильева).

Во-вторых, несмотря на это, на заседании Комитета Госдумы по образованию и науке 22 июля 2019 года, где рассматривался проект Постановления, представители Минпросвещения выступали против! Т.е. министерство было не согласно с министром или министр оказалась несогласной с собственным мнением… Короче, без комментариев!

В-третьих, при обсуждении на Комитете Госдумы по образованию и науке проекта бюджета на 2020-22 г. 10 октября 2019 года представители Минфина прямо заявили, что, формируя бюджет, рекомендацию Государственной Думы во внимание не принимали.

В-четвертых, когда мы предложили поправку к бюджету 2020-22 гг. с тем, чтобы в течение трёх лет исполнить требование Государственной Думы, независимо от его игнорирования Минфином, это вызвало возмущение руководства Бюджетного комитета, и поправка была провалена.

Перед вами сравнительные результаты голосований за Постановление и за нашу поправку, которая предполагала его поэтапную реализацию.

Таблица 1. Сравнительная характеристика результатов голосований по вопросу о повышении базового оклада педагогических работников (за 18 часов) до 70% от средней заработной платы по региону

Наименование фракции ГД	Результат голосования за Постановление ГД № 6683-7 ГД 23.07.2019 г.	Результат голосования за поправку О.Н. Смолина № 59 от 19.11.2019 г.
КПРФ	За: 95,3%	За: 79,1%
«Справедливая Россия»	За: 82,6%	За: 78,3%
ЛДПР	За: 84,6%	За: 75%
«Единая Россия»	За: 95%	За: 0

Как видим, в непоследовательность проявили не только руководство Минпросвещения, но и сами депутаты. После того, как все они проголосовали за Постановление 23 июля, оставалось только два варианта: либо добиваться, чтобы правительство его исполнило, либо принимать решение самостоятельно, независимо от правительства. Иначе получается, что и большинство Государственной Думы, принимая бюджет, не согласилось с собственным мнением, которое оно же высказало, принимая Постановление.

В-пятых, каждый, кто встречается с педагогическими коллективами в регионах, прекрасно знает, что социальное напряжение в этих коллективах растёт. Думаю, наиболее высокую зарплату учителей в реальном исчислении в целом по России мы наблюдали в 2012 г. А затем она, если и росла, то не выше инфляции и почти исключительно за счёт роста нагрузки. Сошлюсь на информацию от Общероссийского народного фронта.

По данным опроса 5000 учителей, выполненного группой экспертов ОНФ под руководством Л.Н. Духаниной (2016 год), в 75-ти регионах РФ Указ президента № 597 в части заработной платы учителей не исполнялся.

Разрыв в оплате труда учителей по регионам (2017 год) – более 4,5 раз: от 20 085 рублей в Алтайском крае до 96 220 рублей в Ямало-Ненецком автономном округе.

По данным аналогичного опроса ОНФ в 2018 году, средняя зарплата учителя, например, в Курганской области - 15,8 тыс. руб., а в Архангельской - 42 тыс. руб.

При этом, по данным ОНФ за 2015 год, средняя нагрузка российского учителя – 28 уроков в неделю, т.е. более 1,5 ставок.

По данным же РАНХиГС, количество учителей, работающих на две ставки (36 часов в неделю и более) с 2015 по 2017 год увеличилось почти вдвое – с 7 до почти 14%.

Недавно в передовой омской гимназии учителя мне сказали, что их нагрузка еще больше: многие ведут по 40 часов в неделю, а некоторые – по 50. Это безумие!

Соответственно, нарастает и кадровый кризис. Так, в ноябре 2018 года на «правительственном часе» Министр просвещения О. Васильева оценивала кадровый дефицит в 1%, а в июне 2019 г. на расширенных парламентских слушаниях в 11%. На самом деле, если бы учителя работали на одну ставку, этот дефицит был бы несравненно выше.

Согласно данным другого опроса 1300 учителей, выполненного экспертами ОНФ (2018 год), дефицит педагогических кадров в России, по мнению опрошенных, составляет:

учителя математики – 44%;

учителя иностранного языка – 39 %;

учителя русского языка и литературы – 30 %;

учителя начальных классов – 26 %.

Напомню: в 2020 году расходы федерального бюджета на здравоохранение растут на 51,6%, что оказалось крайне своевременным, но явно недостаточным в год пандемии новой коронавирусной инфекции. На образование же расходы увеличены лишь на 5,7%. Думаю, это во многом связано с тем, что в прошлом году медики в регионах начали коллективно увольняться в знак протеста против низкой зарплаты, несоответствующей колоссальной нагрузке. Разница в росте бюджетных расходов свидетельствует: власть фактически провоцирует педагогов делать то же самое.

3. Продолжу цитирование рекомендаций Государственной Думы в адрес правительства:

«комплексно рассмотреть вопрос снижения административной нагрузки на педагогических работников, в том числе путем внесения изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, в части уменьшения отчетной документации, заполняемой учителями».

И эта рекомендация не исполнена. Российский учитель остаётся мировым рекордсменом по количеству времени, которое он затрачивает на бюрократические процедуры (4 часа в неделю – цифра, по мнению многих педагогов, явно занижен-

ная). Времени на работу с детьми и студентами становится всё меньше и меньше. Формализация и бюрократизация образования продолжают убивать его живую душу. Вот грустная сатирическая иллюстрация на эту тему, правда, в отношении преподавателя высшего учебного заведения, но сути дела это не меняет.

Поймал как-то преподаватель рыбку. Она оказалась золотой. И взмолилась золотая рыбка:

- Отпусти меня, умудрённый препод! Всё, что попросишь, исполню!

И сказал ей преподаватель, недолго думая:

- Составь УМКД (*учебно-методический комплекс дисциплины*) по всем дисциплинам;

не забудь про ОП (*образовательная программа*), чтобы каждая компетенция была охвачена, межпредметные связи реализовывались, литература была актуальна, СРС (*самостоятельная работа студента*) детализирована по видам деятельности, и чтобы можно было измерить, как формируются компетенции;

да чтобы все было по ФГОС3++;

заполни ИПР (*индивидуальный план работы*) преподавателя и журнал взаимопосещений;

составь план профориентационной работы и прими все необходимые профилактические меры, чтобы студенты были воспитанными и без пропусков посещали занятия;

и не приведи господи, чтобы попали под отчисление!

К тому же продумай, как обеспечить качественный набор на следующий год и трудоустройство каждого выпускника этого года, чтобы показатели эффективности были выполнены;

подготовь статьи для журналов из списка ВАК и Scopus.

И все это сделай к октябрю.

И ещё не упусти из виду электронные Ведомости и контрольные точки, а также контент в отдел ДО (*дополнительного образования*);

не забывай при этом о качественной подготовке к лекциям и практическим занятиям;

о выступлениях на методсеминарах по используемым инновационным технологиям;

о подготовке студенческих проектов на конкурсы и олимпиады;

да, и ещё про заявки на гранты не забудь!..

И ответила рыбка, не раздумывая:

- Лучше жарь!..

Вспоминая известную формулу, преподаватели утверждают: в этой шутке доля шутки весьма незначительна.

4. Вернёмся к тексту Постановления Госдумы:

«проработать возможные механизмы обеспечения роста заработной платы отдельных категорий педагогических работников начиная с 2020 года, исходя из общего либо дифференцированного повышения уровня средней заработной платы для соответствующих референтных групп и (или) корректировки в соответствии с темпом роста реальной заработной платы работников образовательных организаций». – Сформулировано не лучшим образом.

Однако если бы 15 января 2020 года Президент России не внёс предложение об установлении за счёт федерального бюджета надбавок классным руководителям в объёме 5 тыс. руб. в месяц, пришлось бы констатировать: и в данном случае не сделано ничего.

Между прочим, законопроекты об установлении классным руководителям надбавки в 3 тыс. руб., причем именно за счет федерального бюджета, неоднократно вносились нами, начиная с 2011 года. Однако столь же регулярно отвергались думским большинством. Инициативу же Президента это же большинство, разумеется, с восторгом поддержало.

5. Обратимся вновь к Постановлению Госдумы:

«выработать эффективную модель оказания воспитанникам дошкольных образовательных организаций и обучающимся образовательных организаций медицинской помощи с учетом разнообразия условий деятельности образовательных организаций, подготовить и внести необходимые изменения в нормативные правовые акты».

Если не считать законопроекта группы депутатов, инициированного, видимо, Минздравом РФ, согласно которому обязанность оказывать медицинскую помощь школьникам должна быть фактически возложена на учителей, приходится и в данном случае констатировать нулевой результат исполнения. Кстати, этот законопроект вызывает серьезные дискуссии в профильном думском комитете, поскольку многие депутаты справедливо полагают: правильным путём было бы возвращение медпунктов и медицинских работников в образовательные организации.

6. Продолжим цитирование Постановления:

«ускорить согласование базовых принципов законодательного обеспечения основных гарантий прав ребенка на качественное, безопасное и здоровое питание

и принятие обеспечивающих их реализацию предложений по внесению изменений в законодательные акты Российской Федерации».

Это единственный пункт Постановления, реализованный практически полностью. Как известно, Государственная Дума приняла, а Президент РФ подписал Федеральный закон от 1 марта 2020 года № 47-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и статью 37 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Однако и в данном случае рекомендация Государственной Думы исполнена не Правительством. Напомню: Президент России заявлял о том, что для принятия закона ему приходилось преодолевать сопротивление высокопоставленных чиновников[1]. Думаю, это были министры финансово-экономического блока. Иными словами, и в данном случае исполнение рекомендаций в заслугу правительству не поставишь.

7. Вернемся к тексту Постановления:

«при подготовке проекта федерального закона о государственном и муниципальном контроле и надзоре в рамках исполнения Перечня поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию, утвержденного Президентом Российской Федерации 27 февраля 2019 года N Пр-294, предусмотреть снижение административной нагрузки на образовательные организации, ограничить количество плановых проверок до одной проверки в год, совместив ее с завершением подготовки образовательной организации к новому учебному году,

ввести запрет на запрос информации, которая в соответствии с законодательством об образовании должна размещаться на сайтах образовательных организаций».

Фактически данный пункт содержит две рекомендации: сократить число проверок образовательных организаций и запретить запрашивать информацию, которая должна располагаться на их официальных сайтах. Приходится констатировать: то и другое не исполнено. Бюрократизация российского образования, как, впрочем, и других сфер общественной жизни, несмотря на объявленную «регуляторную гильотину», продолжается нарастающими темпами.

1 В Послании Федеральному Собранию 15 января 2020 года В. Путин заметил: «Не буду скрывать, у нас большие дискуссии шли на этот счёт. И коллеги в общем и целом, некоторые, возражают не потому, что им детей не хочется поддержать, но говорят о том, что не очень справедливо, что и люди с приличными доходами, и с маленькими доходами будут получать одинаковую поддержку от государства. В этом, конечно, есть логика, это правда, но есть и логика тоже, характерная для нашего общества, – все должны себя чувствовать в равных условиях, не должны дети и родители, которых часто сегодняшнее положение унижает, чувствовать, что они даже ребёнка прокормить не могут».

Так, по данным Комитета Государственной Думы VI созыва по образованию, в среднем каждое учебное заведение в России ежегодно заполняло около 300 отчётов по 11700 показателей. С тех пор ситуация ухудшилась.

По свидетельству ректора крупного московского частного вуза, деятельность высших учебных заведений в Москве, помимо Рособрнадзора, контролируется 18 контрольно-надзорными органами. При этом примерно 80% всех контрольных процедур не связаны с деятельностью органов управления образованием.

Лет пять назад знакомый ректор из Санкт-Петербурга утверждал, что, отправляя материалы на документарную проверку в Рособрнадзор и, взвешивая их перед отправкой, обнаружил: на каждый филиал пришлось по 18 кг бумаг!

А год назад другой знакомый ректор, также из Санкт-Петербурга на каждый филиал отправлял уже около 200 кг документов. В такой ситуации времени на работу со студентами и научной литературой остаётся все меньше. Его отнимают бумаги. И цифровизация в данном случае не помогает: уменьшая вес документов в килограммах, она увеличивает его в мегабайтах.

8. Продолжим цитирование Постановления Госдумы:

«нормативно определить понятие категории "малокомплектная общеобразовательная организация" и установить критерии отнесения образовательных организаций к данной категории с учетом территориальных и иных особенностей, проработать вопросы расширения применения нормативов финансирования малокомплектных общеобразовательных организаций, не зависящих от количества обучающихся».

Напомню: общее количество школ в Российской Федерации за послесоветский период сократилось примерно на 28 тысяч, в т.ч. сельских школ – на 24,5 тысячи.

Таблица 2. Численность школ (общеобразовательных организаций) в РФ

Общая численность школ (общеобразовательных организаций) в РФ	Численность сельских школ (общеобразовательных организаций) в РФ
1990/91 - 69,7 тыс.	1990/91 - 48,6 тыс.
1995/96 – 70,2 тыс.	1995/96 – 47,8 тыс.
2000/01 – 68,1 тыс.	2000/01 – 45,4 тыс.
2005/06 – 62,5 тыс.	2005/06 – 40,7 тыс.
2006/07 – 60,3 тыс.	2006/07 – 38,9 тыс.
2007/08 – 57,3 тыс.	2007/08 – 36,3 тыс.

2008/09 – 55,1 тыс.	2008/09 – 34,6 тыс.
2009/10 – 52,4 тыс.	2009/10 – 32,5 тыс.
2010/11 - 50,1 тыс.	2010/11 – 30,6 тыс.
2011/12 - 47,7 тыс.	2011/12 – 28,6 тыс.
2012/13 – 46,2 тыс.	2012/13 – 27,4 тыс.
2013/14 – 44,7 тыс.	2013/14 – 26,4 тыс.
2014/15 - 44,1 тыс.	2014/15 - 26,1 тыс.
2015/16 - 43,4 тыс.	2015/16 - 25,3 тыс.
2016/17 – 42,6 тыс.	2016/17 – 24,6 тыс.
2017/18 – 42 тыс.	2017/18 – 24,1 тыс.

Мы неоднократно предлагали законопроекты, направленные на защиту сельской школы, в т.ч. норму о том, чтобы финансирование этих школ не зависело от количества детских душ. Все эти законопроекты были отвергнуты парламентским большинством по требованию правительства. И это несмотря на то, что несколько министров, включая Дмитрия Ливанова и Ольгу Васильеву, призывали остановить ликвидацию школ на селе.

Теперь приходится констатировать: даже эта скромная рекомендация Государственной Думы, которая не предполагает запрета на ликвидацию сельской школы, но содержит для нее некоторые предпосылки, ни в какой мере не исполнена правительством. Наши коллеги из исполнительной власти ссылаются на то, что это вопрос регионов.

9. Вернемся к Постановлению Думы: «дополнить национальный проект "Образование" показателями, характеризующими реализацию мер, направленных на снижение образовательного неравенства как между образовательными организациями, так и между воспитанниками и обучающимися».

Неравенство образовательных возможностей в России превысило допустимые пределы, причем по причинам, большая часть которых лежит вне самой системы образования. Наша страна - рекордсмен «Большой двадцатки» по уровню социального неравенства, поскольку 1% населения владеет 71% национального богатства.

Заблокировать перенос в сферу образования столь высокий уровень социального неравенства крайне сложно. Но и в самой образовательной политике приняты решения, которые этот уровень увеличивают.

Напомню: если разделить граждан России по уровню доходов на 10 групп, то в двух верхних децильных группах затраты на образование в 4-5 раз превышают затраты тех, кто находится в двух нижних децильных группах. Одна из причин – единый госэкзамен. Мы признаем: ЕГЭ увеличил академическую мобильность молодежи из российских регионов и тем самым уменьшил образовательное неравенство в территориальном плане. Однако в подавляющем большинстве случаев ЕГЭ требует занятий с репетиторами и тем самым увеличивает роль денег в подготовке абитуриентов и во многом определяет шансы на поступление в престижные вузы.

Недавно я проводил встречу со старшеклассниками хорошей (подчеркиваю: хорошей) московской гимназии и попросил поднять руки тех, кто готовится или намерен готовиться к ЕГЭ с помощью репетиторов. Подняли практически все. Вряд ли нужно повторять, что семьи с невысокими доходами платить репетиторам по 2-3 тысячи за час работы не могут.

Другой пример – дополнительное образование. Напомню: согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 года № 599, в 2020 году дополнительным образованием необходимо охватить 70-75% всех российских детей и при этом половина из них должна получать дополнительное образование за счет федерального бюджета.

Согласно же исследованию Общероссийского народного фронта (первый квартал 2019 года), в настоящее время 87% детей получают дополнительное образование за деньги[1], которых у бедных семей и семей со средними доходами, естественно, не хватает. Это еще один фактор образовательного неравенства, поскольку именно на основе дополнительного образования многие впоследствии выбирают профессию (художники, музыканты, инженеры, спортсмены и т.п.).

При обсуждении на комитете по образованию и науке проекта бюджета на 2020 год я задал вопрос представителям Минфина и Минпросвещения: какое количество детей получит дополнительное образование за счет федерального бюджета в наступающем году? И никакого вразумительного ответа не получил. Похоже, наши коллеги из правительства вообще не помнили про это положение Указа Президента РФ № 599! Как видим, и в данном случае для реализации рекомендаций Государственной Думы не сделано ничего.

1 По итогам опроса более 2,7 тыс. родителей из 84 регионов, проведенного Общероссийским народным фронтом совместно с Фондом «Национальные ресурсы образования» в первом квартале 2019 г.

В 2020 году Счетная палата намерена проводить экспертно-аналитическое мероприятие – анализ эффективности мер государственной политики в отношении решения проблем детей, испытывающих трудности в освоении школьной программы. Надеюсь, мы получим результаты исследования, а правительство – стимул хоть что-нибудь сделать в этом отношении.

10. Цитирую следующую рекомендацию Государственной Думы:

«внести изменения в федеральный проект "Современная школа" национального проекта "Образование", обеспечивающие исполнение поручений Президента Российской Федерации, касающихся ликвидации второй и третьей смен и перехода к односменному режиму работы общеобразовательных организаций с возможностью реализации во второй половине дня развивающих занятий для обучающихся»…

Напоминаю: в соответствии с поручениями Президента, поддержанными парламентом, Правительство РФ приняло Распоряжение от 23 октября 2015 года N 2145-р, согласно которому в течение 10 лет на создание новых учебных мест в школах должно было быть выделено 2,8 трлн руб., в т. ч. 1,9 трлн из бюджетной системы Российской Федерации.

А теперь сравним показатели, указанные в Распоряжении правительства, с реальными затратами федерального бюджета.

Таблица 3.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 23 октября 2015 года N 2145-р	**Согласно федеральным законам о федеральных бюджетах на очередной год**
	2016 - 25 млрд руб.
2016 - 2020 годы – 850 млрд руб.	2017 – 25 млрд руб.
	2018 – 25 млрд руб.
	2019 - 43 млрд руб.
	2020 - 46 + 19 млрд руб. по предложению Президента РФ в послании Федеральному Собранию РФ от 15.01.2020
2021 - 2025 годы – 1 трлн 135 млрд руб.	2021 - 46 + 44 млрд руб., согласно тому же предложению Президента РФ

Если политика радикально не изменится, на реализацию поручений Президента РФ придется затратить 42 года: 1,9 трлн руб. разделить на 45 млрд руб. (среднегодовые затраты на создание новых учебных мест, согласно федеральным законам о федеральных бюджетах на очередной год). Понятно, что

за это время, как говорится в известной притче, либо Хаджа, либо визирь, либо ишак… А если серьезно, скорость выбывания основных фондов школьных зданий в итоге явно превысит скорость их обновления.

Напоминаю: в 1930-х годах в Советском Союзе было открыто примерно 25 тыс. новых школ и еще примерно 20 тыс. восстановлено или вновь открыто в первое послевоенное десятилетие.

Пользуясь случаем, хочу обратить внимание еще на одно важное обстоятельство, о котором нам постоянно говорят Главы местного самоуправления: выделяя деньги на новое строительство, мы сплошь и рядом забываем о капитальном ремонте того, что существует. Например, в Москаленском районе Омской области в одном из самых передовых хозяйств недавно закрыли двухэтажную амбулаторию. Теперь предлагают вместо нее открыть временный ФАП. Амбулатория стояла бы еще 100 лет, а ФАП, в лучшем случае, - пару десятилетий. Но на временные ФАПы деньги есть, а на восстановление работы амбулатории отсутствуют. Где здравый смысл? Это и есть та самая бюрократизация, которая губит любое живое дело.

Согласно данным аудитора Счетной палаты Д.А. Зайцева, «озвученным» на заседании Комитета Государственной Думы по образованию и науке 20 февраля 2020 года, даже выделенные средства регионы не могут использовать полностью из-за бюрократических процедур. Например, освоение средств на создание новых мест в общеобразовательных организациях составляет 68,8%, в т.ч. на ликвидацию третьей смены обучения – 67%.

Добавим к этому, что, по данным тог же аудитора Счетной палаты, российские расходы на образование при пересчете по паритету покупательной способности примерно втрое ниже, чем германские: в Германии – 1895 долларов на душу населения, в России – 646 долларов. Это к вопросу о том, что Россия должна войти в пятерку наиболее мощных экономик, т.е. Германию обогнать.

11. Вернемся еще раз к Постановлению Думы:

«инициировать разработку федерального проекта в составе национального проекта "Здравоохранение", направленного на сохранение и укрепление здоровья обучающихся и воспитанников дошкольных образовательных организаций».

Уточню: речь в данном случае идет не только о дошкольниках (воспитанниках), но также о школьниках и студентах (обучающихся). Тема была одной из

основных на расширенных Парламентских слушаниях 24 июня 2019 года. Однако и в этом направлении не сделано ничего, а состояние здоровья наших детей продолжает ухудшаться. Вот данные Роспотребнадзора, которые радикально отличаются от чрезмерно оптимистических данных Минздрава.

По оценкам РФ В.И. Скворцовой, в то время министра здравоохранения (2015 год), за последние 10 лет здоровье школьников значительно улучшилось:

85% всех детей от 0 до 18 лет – практически здоровые дети или дети, имеющие обратимые функциональные изменения. Количество тяжелых «хроников» среди детей – всего 4,5%[1].

Напротив, согласно информации Роспотребнадзора за 2017 год, число абсолютно здоровых школьников – 10-12%. Соответственно, доля школьников, имеющих хронические заболевания:

в возрасте 7-9 лет – более половины;

в старших классах – 60%.

По оценкам доктора медицинских наук В.Ф. Базарного, который занимается проблемами детского здоровья несколько десятилетий, практически здоровые школьники составляют около 3-5%.

По заявлению В.Р. Кучмы, директора НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, лишь 4% детей приходят в школу здоровыми, а более половины уже имеют хронические заболевания. Абсолютно здоровых детей в школах нет уже ко 2 – 3 классу, а в целом 60% школьников страдают неврозами, болезнями желудка и проблемами с позвоночником.

Тем не менее, данная рекомендация Госдумы предыдущим правительством не реализована ни в малейшей степени.

Подведем итоги.

11 пунктов Рекомендаций Парламентских слушаний в адрес правительства, утвержденных Постановлением Государственной Думы, содержат 12 позиций. Из них одна полностью реализована Президентом и Парламентом; две частично реализованы правительством по настоянию Президента. По собственной инициативе предыдущее правительство не реализовало ни одной из рекомендаций, а многие вообще не принимало во внимание.

1 См. стенограмму доклада министра здравоохранения В.И. Скворцовой на «правительственном часе» в Государственной Думе ФС РФ 25 февраля 2015 года.

Ежегодный отчет правительства в Госдуме, который должен был состояться 15 апреля, перенесен на более поздний срок. Понятно, что в центре отчета окажутся меры по преодолению последствий пандемии COVID-19. Тем не менее, считаю необходимым включить в постановление Государственной Думы по отчету правительства специальный пункт о необходимости исполнения Рекомендаций Парламентских слушаний, утвержденных Постановлением Госдумы от 23 июля 2019 года № 6683-7 ГД. В противном случае правительственные чиновник и далее будут воспринимать решения парламента как сотрясение воздуха.

Вадим МУХАЧЕВ

Великий Октябрь – не просто дата в календаре

«Каждый имеет право на собственное мнение, но не собственные факты».

Д. Мойнихан (1927 – 2003), государственный деятель США, историк, социолог, политолог.

Великий Октябрь – не просто дата в календаре; он – событие всемирно-исторического масштаба, которое нельзя ни национализировать, ни приватизировать, поскольку оно принадлежит *всему* человечеству. Любые политические игры, интриги, буржуазных политиков и теоретиков вокруг этого события не могут принизить его всемирно-исторического значения.

Никто не может отменить факта перехода государственной власти в России от Временного буржуазного правительства к Советам трудящихся масс, которые, борясь за социальное равенство людей, в октябре 1917 г. пошли за партией большевиков, партией *Ленина*, и на протяжении 74 лет строили и защищали *социалистическое* общество. Никто не может отменить и того исторического факта, что военная победа *советских* людей над фашистской Германией и ее сателлитами стала *также* политической победой *мирового социализма*, во главе которого тогда шла родина Великого Октября, над империалистическим авангардом капитализма. Победой, которая во всем мире вызвала подъем революционного движения и обострение классовой борьбы трудящихся за свои экономические и социальные права. Победой, которая привела в капиталистических странах к росту авторитета и численности коммунистических партий, а также мощному национально-освободительному движению, приведшему к краху колониальной системы империализма и образованию десятков новых независимых государств.

Эти *капитальные* факты всемирной истории XX века знают, помнят и чтут миллиарды людей в разных странах и частях света. Но на родине Великого Октября, где власть имущие строят, как утверждает В. Путин, «нормальный капитализм для каждого»[1], об этих фактах предпочитают не вспоминать. Более

1Путин В. О наших экономических задачах //Ведомости от 30 января 2012.

того. После роспуска СССР уже на протяжении 30 лет либеральные политики и теоретики, а также штампующие *фейковые* «новости» журналисты упрямо *фальсифицируют*реальный образ Октябрьской революции в надежде вытравить его из сознания россиян. С этой целью они как малые дети затеяли «войну» с днем 7 ноября *как*«Днем Великой Октябрьской революции», заменив его в 1996 г. на «День согласия и примирения», а затем, лишив в 2004 г. статуса *государственного* праздника, назвали этот день «Днем воинской славы России». Государственным праздником назначили 4 ноября, повелев считать его «Днем народного единства». Между тем, само *такое* название, равно как и название *кремлевской* партии («Единая Россия»), говорит об *отсутствии*реального единства граждан по причине существующего между ними громадного социально-экономического неравенства.

То, что Великий Октябрь принадлежит всему человечеству и с ним нельзя обращаться как со своей собственностью, власть имущим пришлось вспомнить в 2017 г. накануне его 100-летнего юбилея. Понимая, что это событие в любом случае получит международный размах и будет отмечаться в других странах, российские либералы впервые за всю историю постсоветской России решились отметить это событие *официально*. В декабре 2016 в ежегодном послании Федеральному собранию Президент РФ говорил: «Наступающий, 2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий»[1]. Но «объективно и честно» не получилось уже с самого начала, когда власть решила отметить *вместе*столетие*двух* - совершенно *разных по своей природе и последствиям*–революций.

ЛИБЕРАЛЬНОЕ НЕВЕЖЕСТВО И НАУКА О СОЦИАЛИЗМЕ

Не только *российское* общество и не только в *вопросе природы* русских революций 1917 г. нуждается в «объективном, честном, глубоком анализе». В *таком* анализе нуждается *все* человечество*во всех вопросах* его прошлого и настоящего *бытия*. Однако беда либеральных политиков и теоретиков в том, что со второй половины XIX в., когда на политическую арену классовой борьбы вышел пролетариат, «объективный, честный и глубокий анализ» истории людей для них,состоящих

1Послание Президента Федеральному Собранию 1 декабря 2016 г. - http://www.-kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения: 01.12.2016).

на службе капиталистического класса, в принципе стал им не под силу. Символично, что самый глубокий, точный и всесторонний, анализ Капитала дал не буржуазный экономист, а *пролетарский* теоретик, каким был Маркс.

Капитализм как социальный строй, поправший мечты буржуазных революционеров XVIII в. о «царстве Разума», отвергнувший провозглашенные Великой Французской революцией общечеловеческие ценности, давно обанкротился. Все возможное богатство отношений между людьми он извратил, подчинив их товарно-денежным отношениям и погоне за прибылью. Капитализм, а вместе с ним и либерализм как его идеология, это – *отживающее прошлое* человечества, *гниющее* мировыми кризисами и войнами *в настоящем*. О соотношении буржуазной теоретической мысли и науки Маркс писал: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т.е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а, наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной, лишь... пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»[1]. Полагая капитализм *абсолютной* и *конечной*формой развития общества, идеологи буржуазии, от самых либеральных до консервативных и откровенно реакционных, объективно, независимо от их субъективной позиции, оказываются именно *буржуазными* политиками и теоретиками, чтобы они затем не говорили о своей «любви» к «простым людям» и сколько бы не призывали своих чиновников к заботе о них.

К этому добавляется и то обстоятельство, что «человек науки», по словам авторов «Манифеста Коммунистической партии», вместе с врачами, юристами и поэтами изначально был превращен буржуазией в «платного наемного работника». Финансовая (шире – социальная) зависимость от буржуазии, ее государства, определяет классовый характер обществознания при капитализме и, соответственно, ограничивает его представителей впоиске *объективной*, требующей *точного* знания, истины.

Классово-ограниченная позиция буржуазных идеологов, игнорирование ими всего того, что находится в оппозиции к капитализму, подмена независимого от интересов господствующего класса, свободного и объективного, исследования субъективизмом, когда «личное мнение» *преобладает* над фактами истории, неизбежно предстает в виде либерального невежества этих людей. Прежде всего, по части

1Маркс К. Капитал. Т.1 // Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. 23. С. 14.

социализма как исторически необходимого движения наемных трудящихся масс буржуазного общества, требующий социального равенства.

Если социалистически-ориентированные политики и теоретики, от утопистов до марксистов, живя и работая ради «социального равенства» *всех* индивидов, тщательно и всесторонне изучали капитализм и буржуазное общество, что, в конце концов, и вылилось в диалектико-материалистическое учение Маркса, которым неопровержимо доказана историческаянеобходимость, закономерность, перехода человечества к посткапиталистическому (социалистическому!) обществу, то идеологи буржуазии в силу своей классовой, насквозь *антидиалектической*, позиции всегда относились к социализму лишь как к своему классовому противнику, *субъективно*. Они всегда здесь были и остаются до сих пор «двоечниками», которым присуще поверхностное, страхом перед неизбежным будущим искаженное, представление об истории и теории *этого* социального движения.

Либеральное невежество как исторически-ущербное состояние буржуазных «умов» в вопросах социализма и марксизма проявляется чаще всего в виде *словоблудия* апологетов капитализма, когда либеральные политики и наемные работники официальной науки, вопреки общеизвестным всему миру эмпирическим фактам, манипулируют с наследием крупнейших теоретиков социализма, искажают содержание и смысл отдельных суждений и фраз создателей марксизма и Ленина.

Конечно, либеральное невежество постсоветских апологетов капитализма проявляется по-разному, индивидуально, в зависимости от степени теоретической оснащенности каждого из них. Например, гуру постсоветских либералов Егор Гайдар, который не видел разницы между коммунизмом и фашизмом, в своих автобиографических очерках писал, что еще школьником «открыл для себя марксизм» и хвастливо писал: «Цитаты отскакивают у меня от зубов, как «дважды два – четыре». Возможно, это так и было. Но одно дело - цитаты и зубы. Другое – мозг и мышление, где в процессе познания объективной истинытребуется *научное* мировоззрение.Марксизма как целостного учения, опирающегося на (a) диалектико-материалистическое мировоззрение и (b) материалистическую диалектику, являющую собой *общенаучный* метод познания, Гайдар точно не знал. Это хорошо видно на примере написанной им в соавторстве с В. Мау *наукообразной* статьи «Марксизм: между научной теорией и «светской религией». (Либеральная апология)»[1], где два буржуазных экономиста занялись теоретическим *шулерством*,

1Гайдар Е. и Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией» (либеральная апология) // Вопросы экономики, 2004, №№ 5,6.

когда, исказив основное содержание и суть учения Маркса, подменили его собственной, *ими самими сочиненной* и *от оригинала далекой*, интерпретацией идейно-теоретического наследия создателей марксизма, которую затем сами же подвергли либеральной критике.

Другие, теоретически менее искушенные, чем Гайдар, постсоветские либеральные идеологи говорят и пишут о марксизме и социализме менее «наукообразно», попроще, благодаря чему их классовая ограниченность и невежество становятся более очевидными. Когда историю отечественного социализма, героев и вождей российского рабочего класса, большевиков и Ленина, пытаются очернить *профессиональные* теоретики из тесных стен официальной «науки», когда они сочиняют скучные наукообразные антисоциалистические опусы, которые, кроме них самих давно никто не читает, это понятно. В данном случае, не успев обзавестись «научной совестью», обязывающей к поиску «объективной истины», ониисполняют социально-классовый долг наемных апологетов капитализма и отрабатывают свою пайку буржуазного «пирога».

Менее понятно, когда этим сомнительным делом порой пытаются заниматься далекие от систематической теоретической работы люди, чьей профессией является *политическая* деятельность и чьи невежественные, лишенные необходимой научной аргументации, наскоки на большевиков и Ленина сродни уличным ругательствам. И, уж совсем непонятно, когда к общему антисоциалистическому шабашу присоединяются *кремлевские* политики, чьи слова громким эхом разносятся не только по всей стране, но и за ее пределами?

Не может от подобного искушения удержаться и ПрезидентПутин, который периодически выступает с противоречащими эмпирическим фактам*обвинениями*в адрес большевиков и Ленина. В июне 2012 г., выступаяв Совете Федерации и, отвечая на вопрос о Первой мировой войне, он сказал: «Это забытая война. Забыта она понятно почему... Эту войну называли империалистической в советское время. Но я думаю, что замалчивали ее не потому, что ее обозвали империалистической, хотя речь шла прежде всего о геополитических интересах стран, вовлеченных в конфликт. Замалчивали ее совсем по другим причинам. Мы почти не задумываемся над тем, что произошло. Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества! Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. И это результат национального предательства

тогдашнего руководства страны. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, и замалчивали это, и несли на себе этот крест»[1].

Компетентными и добросовестными историкамибыл дан обстоятельный ответ на *президентскую* версию вынужденного заключения большевистским правительством Брестского, названного самим Лениным «похабным», мира. В частности, профессор Санкт-Петербургского университета И.Я. Фроянов, опровергая *мнение*Путина, привел достаточно *фактов* в пользу того, что в советское время Первая мировая война вовсе не была забыта, что никто ее не замалчивал и что «национальное предательство», о котором говорил Путин, началось сразу после Февральской революции, когда вожди большевиков еще находились в вынужденной эмиграции. Оно началось тогда, когда Временное правительство, состоявшее из либеральных кадетов вроде П. Милюкова и монархистов вроде А.Гучкова, потребовало у Николая II отречения от престола, а высший генералитет нарушил присягу самодержцу[2].

Нельзя игнорировать и тот факт, что Первую мировую войну считали и, вопреки лексике Путина, «не обзывали», а называли *империалистической* не только советские руководители или историки, не только большевики или социалисты европейских стран (Каутский, Гильфердинг). Термин «империализм» вошел в научный оборот и получил постоянную «прописку» в литературе после того, как английский, отнюдь, не социалистический, а *либеральный*, экономист Дж. Гобсон «обозвал» изданное им в 1902 г.сочинение «Империализмом».

Что же до действительного, а не надуманного, исторического значения Брестского мира, когда Ленин чуть-ли не в одиночку боролся с Троцким и «левыми» коммунистами, готовыми принести в жертву Советскую власть ради будущей мировой революции, сошлюсь на полные исторической истины слова С. Кургиняна о вожде большевиков: «Он один был не растерян, предельно собран и абсолютно точен в своих прогнозах. Без него революция бы не состоялась... Такое же одиночество имело место в период заключения Брестского мира. А если бы он не был заключен, не было бы ни Советского Союза, ни знамени над рейхстагом. А вот рейхстаг бы был. И властвовал бы над миром»[3].

1http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/15781/work

2Фроянов И. Брестский мир стал спасением России //https://ruskline.ru/news_rl/2012/07/06/igor_froyanov_brestskij_mir_stal_spaseniem_rossii/

3Кургинян С. Чудо Ленина //https://rossaprimavera.ru/article/1c6f0476

Недавно на Валдайском форуме в Сочи Президент РФ вновь не удержался, чтобы не кинуть камушек в адрес большевиков. 21 октября 2021 г. в эклектичном по содержанию и категоричном по форме выступлении, больше обращаясь к зарубежной аудитории, чем к россиянам, он говорил «Адепты так называемого социального прогресса полагают, что несут человечеству какое-то новое сознание, более правильное, чем прежде... Большевики после революции 1917 года, опираясь на догмы Маркса и Энгельса, тоже объявили, что изменят весь привычный уклад... Разрушение вековых ценностей, веры, отношений между людьми вплоть до полного отказа от семьи – такое было, – насаждение и поощрение доносительства на близких – всё это объявлялось поступью прогресса и, кстати говоря, в мире достаточно широко поддерживалось тогда и было модным, так же, как и сегодня... Смотрите, дойдёте там до того, как большевики предлагали, не только кур обобществлять, но и женщин обобществлять. Ещё один шаг – и вы там будете»[1].Когда слышишь такое от Президента России, то«за державу обидно»становится, поскольку снова встречаешь «мнение», которое противоречит реальным *фактам*.

Как можно на ходу и небрежно обронить что-то про «догмы» Маркса и Энгельса, когда известно, что именно Маркс и Энгельс были *единственными* среди немецких теоретиков, кто спас «гегелевскую диалектику» от догматиков и перевел ее в материалистическое понимание истории. Они же в середине 40-х гг. XIX в. создали *общенаучный* метод познания – материалистическую диалектику - и пользовались им в своих последующих исследованиях.С его помощью Марксом был написан «Капитал».

Или. Сколько можно повторять затасканные обвинения коммунистов и большевиков апологетами капитализма «в полном отказе от семьи» и «обобществлении женщин». Узнать бы *кто* из большевиков *персонально*, когда и где, выступал с такими идеями? Историография большевистской литературы, включая официальные партийные документы, ничего этого не знает. Зато известно другое. В «Манифесте Коммунистической партии» среди «догм» Маркса и Энгельса по вопросу семьи сказано: «Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов». И далее: «На чем основана современная, буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии; но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в публичной проституции.

1http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975

Буржуазная семья естественно отпадает вместе с отпадением этого ее дополнения, и обе вместе исчезнут с исчезновением капитала»[1].

О чем здесь, в *программном* документе мирового коммунистического движения, говорят Маркс и Энгельс? Очевидно, что создатели марксизма, у которых учились большевики, говорят здесь об уничтожении *буржуазной* семьи, существующей вразвитом виде *только* «для буржуазии», и что *дополнением* к ней являются *вынужденная* «бессемейность пролетариев» и «публичная проституция». Именно против последнихвыступают коммунисты. А когда вбудущемэто «дополнение» к буржуазной семье *отпадет*, тогда отпадет и она сама, а у *всех*, экономически равных между собой индивидов, будут свои семьи.

Г-н Президент, где здесь «полный отказ от семьи» или «обобществление женщин»? Их обобществляют в публичных домах, которые были в царской России, которые есть в буржуазных странах, но которых не было в СССР.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАССЛОЕНИЕ И ПОИСК ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА

Возникшая в России из отрицания социализма (коммунизма) власть, сама ставшая таким отрицанием в проводимой ею политике строительства «нормального» капитализма, может относится к *социалистической* революции 1917 г. лишь отрицательно. Грубые стратегические просчеты, допущенные в 90-е гг. не по уму амбициозными и недальновидными политиками ельцинского «призыва» в период перехода страны к «рыночной экономике», до сих пор мешают строительству «нормального капитализма для каждого», которого попросту не бывает. *Нормальный* капитализм это тот, где меньшинство живет и богатеет за счет большинства, находящегося в положении наемных работников. Другого капитализма, как бы он не эволюционировал и какие бы политические формы не принимал, история не знает. Поэтому принятое властью решение отметить 100-летие большевистской революции стало для нее *вынужденным*, а по содержанию - *двусмысленным*.

Это решение оказалось двусмысленным из-за ряда *вненаучных*, отражающих политические задачи нынешней власти, оговорок, которыми сопровождалась задача «объективного и честного» анализа истории 1917 года. Сформулировав эту задачу, Президент тут же счел нужным добавить, что «уроки истории нужны нам

1Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Сочинения. Т. 4. С. 443.

прежде всего для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам сегодня удалось достичь», после чего завершил эту часть своего выступления словами: «Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь...».

«Тащить в сегодняшнюю жизнь расколы, обиды и ожесточение прошлого» всегда неправильно. Особенно это неправильно, когда этих расколов и обид и без революционного «прошлого» хватает в жизни современной России, где, как и в 1917 г., они связаны с очевидным имущественным неравенством и социальным расслоением российского общества. Не воспоминания о прошлом, а *нынешнее* бытие россиян, в XXI веке, определяет их сознание. «Расколы и обиды прошлого» *нельзя* «притащить в настоящее», если само настоящее ничем не напоминает прошлого.

В конце 2016 г. CreditSuisse опубликовал доклад о мировом благосостоянии, из которого следует, что у 28 млн. взрослых россиян размер личных активов не превышает 248 долл., и по числу таких «состоятельных» людей Россия находится между Индонезией и Эфиопией[1]. Вместе с увеличением числа «бедных» в постсоветской России продолжает расти концентрация богатств, в результате чего в руках немногочисленной прослойки «самых богатых» находится 89% всего благосостояния страны, что выше, чем в США (78%) или в Китае (73%). Эти данные CreditSuisse подтверждаются одной из крупнейших в мире консалтинговых компаний Capgemini, согласно которой 62% богатств России находится в руках долларовых миллионеров и 26% - у долларовых миллиардеров.

Близкие этим данным цифры о состоянии российской экономики приводят и отечественные эксперты. На заседании Совета ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентноспособности экономики России 22.09.2020 гендиректор Института проблем энергетики Б. Нигматулин говорил, что «несмотря на постоянные разговоры о росте ВВП, Россия в экономическом плане за последние 30 лет отстала не только от развитых, но и от развивающихся стран». Так, «если в Китае валовый продукт с 1990 по 2019 год увеличился в 14, в Южной Корее — в 4,1, а в США в 2 раза, то ВВП России за это время вырос всего лишь в 1,2 раза». При этом, если по числу долларовых миллиардеров Россия «впереди планеты всей», то «доля общего дохода российского населения в ВВП упала с 62% до 55%, а в Польше и стра-

---

1Россия плодит миллиардеров на фоне обнищания населения. - http://www.finanz.ru/novosti/lichnyye-finansy/rossiya-plodit-milliarderov-na-fone-obnishchaniya-naseleniya-1001538712 (дата обращения: 22.11.2016).

нах Балтии этот показатель составляет 69,6%, в Германии, Франции, Италии и других европейских государствах он держится на уровне 71,7%.»[1].

Своими оговорками и установками власть предложила обществу политико-идеологический *компромисс* между научным анализом истории 1917 г. и решением ею проблемы «социального мира» в постсоветском, экономически и социально разнородном, обществе. Между тем, если желать *объективной* истины, тов отличие от политики или бизнесаникакие компромиссы здесь невозможны.

ЧИТАТЬ ЛЕНИНА! НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ И ТЕЗИСОВ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ И СССР

“Post hoc non est propter hoc”

Латинская поговорка “posthocnonestpropterhoc” («после того – не значит вследствие того») имеет прямое отношение к превратным представлениям либеральных умов, которые, путая *причины* и *следствия*, возлагают вину за любые невзгоды жизни людей при Советской власти в России и СССР на большевиков, Ленина и Октябрьскую революцию. Ранее такая путаница отчасти была связана с тем, что существовали закрытые архивы, которые позже стали доступны. Но уже к концу XX века *фактическая* история Октябрьского переворота, гражданской войны и *советской* власти от ее зарождения весной 1917 г. до упразднения осенью 1993 г. была изучена, если не досконально, то достаточно полно и детально, в чем нетрудно убедиться, взяв в руки хорошо документированную, свободную от каких-либо не подкрепленных конкретными фактами «мнений» и произвольных оценок происходившего, книгу питерских авторов И. Ратьковского и М. Ходякова «История Советской России» (СПб., 2001).

Сегодня дело заключается уже не столько в поиске новых документов и сведений, сколько в том, чтобы понять *логику* происходившего и, опираясь на собранный добросовестными историками фактический материал, дать правильную в научном отношении оценку отдельным процессам, событиям и личностям того времени. И здесь, наряду с добросовестной историографией и марксистской методологией анализа, никак не обойтись без обращения к литературному наследию Ленина, которое само является важнейшим документом той эпохи, поскольку в книгах, статьях, выступлениях и письмах вождя Октябрьской революции и первого руководителя советского государства постоянно фиксировался, анализировался и

1Нигматулин Б. Российское правительство убивает экономику // https://finance.rambler.ru/economics/44888297-rossiyskoe-pravitelstvo-ubivaet-ekonomiku/

с марксистской точки зрения оценивался ход истории того времени и действия ее участников (классов, слоев, политических партий и отдельных личностей).

ВЕЛИКАЯ...

Нельзя смешивать Февраль и Октябрь 1917 г. и, украв *величие* второго, превращать два совершенно разных исторических события в одну «Великую российскую революцию 1917 года». В Феврале 1917 г. власть в России от *слабохарактерного* царя перешла к политически *безвольной* русской буржуазии, для которой непроходимой преградой стали все те же «проклятые» вопросы русской жизни, о которые разбилась и рассыпалась империя Романовых.

В истории капитализма только английская и французская буржуазия в дни своей молодости, были по-настоящему революционной силой. Все прочие отряды национальной буржуазии, сталкиваясь в своих странах с пережитками феодализма, действовали нерешительно и непоследовательно. Маркс и Энгельс не раз писали о политической трусости немецких бюргеров середины XIX века. Чего уж тут говорить о российской буржуазии, которая в 1905 г. испугалась собственной демократической революции. Не успев родиться, она всем ходом предшествующей истории была обречена на то, чтобы быть не революционной, а консервативной силой. Именно политическое безволие привело в октябре 1917 г. к большевистской революции, которая не только решила жгучие вопросы войны и земли, но также открыла для *всего* человечества окно в другой, по-настоящему равноправный и справедливый, мир, благодаря чему сразу стала Великой!

Французская революция 1789-1794 гг. тоже по праву считается и называется «великой». Но величие величию – рознь. Французская революция является «великой» на фоне длинной череды *буржуазно*-демократических революций, от английской XVII в. до тех, которым еще предстоит случиться. И совсем другое дело *величие* Октября 1917 г., который вывел 100-миллионное население огромной России *за пределы* буржуазного мира и с упразднением частной собственности и эксплуатации трудящегося большинства населения праздным меньшинством позволил, кто бы и что бы об этом не говорил, впервые в истории построить, лишенное классового *антагонизма*, «советское общество» и *практически* доказать возможность иной, более справедливой и человечной, организации общественной жизни.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ...

Нередко поднимают связанный с СССР и его трагическим финалом вопрос: «Была ли Октябрьская революция социалистической?». Если не быть догматиком

и рассматривать вопрос диалектически, то, конечно, была. Но была частично, не полностью. Октябрьская революция - детище не только истории России, тех острейших социально-экономических и политических проблем, которые не смогли решить ни царь, ни Временное правительство, и той конкретно-исторической ситуации, которая после расстрела рабочих демонстраций в июле и корниловского мятежа в августе сложилась к осени 1917 года. Эта революция – *также* детище *международногосоциалистического* движения, за которым стояли накопленные к тому времени практика и теория революционного пролетариата. Без марксизма, Парижской Коммуны, истории двух Интернационалов и постоянной борьбы внутри социализма революционного крыла с оппортунистическим большевистская революция была бы невозможна. Однако полностью, в одной, отдельно взятой стране, социализма построить нельзя. Это дело трудящихся всех стран. Герою повести А. Платонова «Джан» (1934), Назару Чагатаеву, много пришлось увидеть и пережить, прежде чем узнать простую истину: «Счастье всегда имеет большой размер, оно равняется всему социализму».

У человечества сегодня, как и в годы Первой мировой войны, лишь два выхода из капкана капитализма: или преждевременно исчезнуть в очередной мировой войне из-за корыстных интересов буржуазии ведущих капиталистических стран, или каким-то образом положить конец существующему миропорядку. Именно благодаря Великому Октябрю впервые в виде СССР возникло т.н. «социальное государство». Не то, которое продекларировано в Конституции постсоветской России, где нынешняя власть устанавливает полунищенский прожиточный минимум, а средняя заработная плата по стране в 10-15 раз меньше той, что депутаты, согласно *принятому ими же* закону, ежемесячно получают. И не то, что, *вопреки* социальной сущности буржуа, под давлением *примера* Советского Союза и борьбы трудящихся за свои социальные права, уже несколько десятилетий на зыбкой частнособственнической основе строится в отдельных странах развитого капитализма. А то, где социальные права человека на труд, образование, медицинское обслуживание, жилье и отдых были *гарантированы* общественной собственностью на средства производства. В этом отношении даже при всех негативных явлениях в истории СССР Октябрьская революция явилась огромным завоеванием международного пролетариата и социализма.

То, чего не хотят признать противники Октября 1917 г., в том числе из бывших «советских», разными путями в период криминальной приватизации перебравшихся в разряд «имущих» и богатых, в том мире, где властвует капитал,

очень быстро разглядели и поняли не только активные борцы за «освобождение труда», но и признанные во всем мире представители гуманитарной культуры. «Я особенно благодарен советской революции за то, - писал в 1937 г. американский писатель Т. Драйзер, - что она впервые остро поставила в мировом масштабе вопрос об имущих и неимущих. Советский Союз в 1917 году начал великий поход в защиту неимущих... Использовать труд, сельское хозяйство, промышленность, естественные богатства, технику, человеческие знания... на благо всех трудящихся, чтобы обеспечить всем зажиточную и культурную жизнь, - вот урок, который советская революция преподает остальному человечеству...»[1] Спустя 80 лет либеральная власть постсоветской России из опыта Октябрьской революции извлекает *для себя* совсем другие уроки и предлагает обществу согласиться с ней в поисках социального мира между имущими и неимущими.

ОСОБЕННОСТИ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПУТИ» РОССИИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

Двумя особенностями, с самого начала порождавшими невероятные трудности для развития Октябрьской революции и строительства социалистического общества, были: а) значительное преобладание *крестьянского*, по своему классовому положению *мелкобуржуазного*, населения над фабрично-заводскими пролетариями и б) не получившая продолжения в те годы *мировая* коммунистическая революция, с победой которой большевики связывали надежды на успех Великого Октября. В итоге даже после победы в гражданской войне и над Антантой, они оказались в огромной, заселенной мелкобуржуазным, чуждым социализму, людом и находившейся в окружении капиталистических государств стране.

В этой связи наши либеральные идеологи любят вспоминать, что в период между Февралем и Октябрем 1917 г. Плеханов назидательно говорил большевикам: «Русская история не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма». Но разве Ленин этого не знал? Знал не хуже Плеханова. Работая в апреле 1918 г. над брошюрой «Очередные задачи Советской власти», он писал: «...Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = социализм»[2]. А если знал, то почему звал к вооруженному восстанию?

1Мир о стране Октября. М., 1967. С. 37.

2Ленин В. И. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 550.

Дело в том, что Плеханов был прав как либеральный интеллигент, который всегда жил внутри него и время от времени, особенно в спорах большевиков с меньшевиками, выползал наружу. А Ленин был прав как марксист, как пролетарский революционер и потому, в отличие от Плеханова, он всегда помнил *материалистическую* заповедь Маркса и Энгельса: «*История* не делает *ничего*, она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек*, действительный, живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется»[1]. К тому же, в отличие от Плеханова, отталкивавшегося в данном случае от *русской* истории, Ленин рассуждал и действовал как представитель *международного* рабочего и социалистического движения.

Ждать, когда «история» испечет «пирог социализма» для сотен миллионов «униженных и оскорбленных» всей Земли, он, как и многие другие революционеры, включая вождей французской революции конца XVIII в., не мог. В то же время, о том, насколько Ленин ясно видел и точно оценивал сложившееся после Октября 1917 г. внутреннее и международное положение России можно судить по написанной им в ответ на издание группой «левых коммунистов» журнала «Коммунист» брошюре «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Вот лишь несколько выдержек из нее.

В связи с Брестским миром: «Ибо пока не вспыхнула международная, несколько стран охватывающая, социалистическая революция, настолько сильная, чтобы она могла победить *международный империализм*, до тех пор прямой долг социалистов, победивших в одной (особенно отсталой) стране *не* принимать боя с гигантами империализма, стараться уклониться от боя, выжидать, пока схватка империалистов между собою *еще более* ослабит их, еще более приблизит революцию в других странах»[2].

В отношении лозунга «левых» о «решительном обобществлении»: «Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации. Но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода *от* национализации и конфискации *к* обобществлению. ...Сегодня только слепые не видят, что мы больше национализировали, конфисковали, набили и наломали, *чем успели подсчитать*. А обобществление тем как раз

1Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. С. 102.

2Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 287.

и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без уменья правильно учесть и правильно распределить, *обобществить же без такого умения нельзя*»[1].

О непонимании того, что переход к государственному капитализму в тех исторических условиях для Советской России был бы шагом вперед: «Именно здесь лежит корень *экономической* ошибки «левых коммунистов». ...Во- первых, «левые коммунисты» не поняли, каков именно тот *переход* от капитализма к социализму, который дает нам право и основание называться социалистической республикой Советов. Во-вторых, они обнаруживают свою мелкобуржуазность именно тем, что *не видят* мелкобуржуазной стихии, как главного врага социализма у нас. В-третьих, выдвигая пугало «государственного капитализма», они обнаруживают непонимание Советского государства в его экономическом отличии от буржуазного государства»[2].

Об «экономическом отличии Советского государства от буржуазного»: «Неужели не ясно, что *в материальном*, экономическом, производственном смысле мы еще в «преддверии» социализма не находимся? И что иначе, как через это, не достигнутое нами еще «преддверие», в дверь социализма не войдешь?»[3].

Написано все это в мае 1918 г., но уже здесь хорошо просматриваются очертания будущего НЭПа и политики госкапитализма под контролем Советской власти как диктатуры пролетариата. Читайте Ленина, г-да либеральные политики и теоретики, прежде чем давать ему свои по-детски невежественные оценки.

Кому доводилось внимательно читать все послеоктябрьские работы Ленина хорошо знает, в чем он видел преимущества *советской* организации государственной власти по отношению - к возрожденному в постсоветской России - буржуазному парламентаризму и как много внимания он уделял становлению и развитию этой форме государства трудящихся рабочих и крестьян. В марте 1919 г. он писал: «Старая, т.е. буржуазная, демократия и парламентаризм были организованы так, что именно массы трудящихся всего более были отчуждены от аппарата управления. Советская власть, т.е. диктатура пролетариата, напротив построена так, чтобы сблизить массы трудящихся с аппаратом управления. Той же цели служит соединение законодательной и исполнительной власти при советской органи-

1Там же. С. 293-294.

2Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 295.

3Там же. С. 303.

зации государства и замена территориальных избирательных округов производственными единицами, каковы завод, фабрика»[1].

Именно в Советах рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов как форме *непосредственного* участия трудящихся в управлении своей жизнью он видел гарантию от реставрации капитализма, которой, между прочим, не исключал. Выступая на VII экстренном съезде РКП (б) в марте 1918 г., Ленин говорил: «Думать, что нас не откинут назад, - утопия. ...Мы говорим, что при всяком откидывании назад, не отказываясь от буржуазного парламентаризма, - если классовые, враждебные силы загонят нас на эту старую позицию, - мы будем идти к тому, что опытом завоевано, - к Советской власти, к советскому типу государства, государства типа Парижской Коммуны»[2].

Одним словом, читайте Ленина, г-да либералы, прежде чем высказывать о нем свое мнение. Членам КПРФ, которая из-за отсутствия в послевоенном СССР и постсоветской России *революционного* рабочего класса никогда не была революционной партией и, превратившись в оппозиционную часть политического истеблишмента, стала аналогом «легального» марксизма, тоже не мешает внимательно читать и изучать труды Ленина.

СССР: МЕЛКОБУРЖУАЗНЫЙ ПАРТОКРАТИЧЕСКИ-БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ «ТЕРМИДОР». (ОТ СТАЛИНА ДО ЕЛЬЦИНА)

Когда после гражданской войны началось строительство новой, свободной от эксплуатации человека человеком, жизни и Ленин увидел, что мелкобуржуазная стихия проникает (зачастую через членов РКП(б)) в органы Советов, начинает их изнутри разъедать, он тут же повел борьбу с этой «заразой». И чем меньше из-за болезни у него оставалось сил, тем более прямой и требовательной была его речь. Он все чаще бичует «комчванство», «комвранье», а также бюрократизм в работе исполнительных органов Советской власти. Дело дошло до того, что знаменитое «Письмо к съезду», которое он начал диктовать в декабре 1922 г. через не-

1Ленин В.И. Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта 1919 г. на I конгрессе Коммунистического Интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 500.

2Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта 1918 г. – Седьмой экстренный съезд РКП (б) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 54.

делю после сильного приступа, начиналось словами: «Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе»[1].

Перемены в «политическом строе» (!) Советской России предполагали, кроме всего прочего, «чистку партии» от мелкобуржуазных элементов путем усиления рабочего контроля за ее деятельностью, вплоть до ЦК. В «Письме к съезду» говорилось: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. ...несколько десятков рабочих, входя в ЦК, могут лучше, чем кто-бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. ...Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу..., потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться»[2].

Эти и другие политические «заветы» Ленина после его ухода из жизни были полностью проигнорированы. Вместо «чистки партии» был объявлен «ленинский призыв», который, конечно, не ослабил, а лишь усилил ее мелкобуржуазную часть. Между оставшимися «вождями» большевистской партии, Троцким и Сталиным в первую очередь, началась, чего опасался Ленин, борьба за «первое место». В этом «забеге за властью», будучи генсеком ЦК и имея наибольшее в нем влияние, Сталин организовал и возглавил походы против внутрипартийной оппозиции и ее разгром, что привело, в конце концов, к установлению им режима личной власти, оборотной стороной которого стал культ его личности. Так, в истории Октябрьской революции произошел *мелкобуржуазный* «термидор», который принял форму *партократического бюрократизма*.

В своей биографии, написанной им в 1929 г., Троцкий сравнил историю СССР второй половины 20-х гг. с консервативным переворотом в революционной Франции после свержения Робеспьера 9 термидора. И это сравнение справедливо. Чем дальше Великий Октябрь оставался позади, тем все сильнее руководящий слой ВКП(б)-КПСС, говоря от имени марксизма и Ленина, заражался бациллой мелкобуржуазности в виде бытового мещанства, что вело к порче нравов, росту «комчванства» и «комвранья». Разумеется, все это разлагало рядовое, партийное и беспартийное, население страны, в сознании которого все более росла пропасть между официальной идеологией и восприятием существующей реальности. Как

1Ленин В. И. Письмо к съезду // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 45. С. 343..

2Там же. С. 347.

обычно, данное противоречие решилось в пользу бытия, на этот раз мелкобуржуазного бытия, из которого со временем выросли «герои» Беловежья и реставраторы капитализма на родине Великого Октября.

В 1967 г. к 50-летию большевистской революции *крепкий* советский марксист М. Лифшиц написал статью «Нравственное значение Октябрьской революции», которая увидела свет лишь в начале перестройки. В ней он писал: «Чудес в истории не бывает, но в ней бывают великие повороты, иногда неожиданные и настолько богатые историческим содержанием, что они могут казаться настоящим чудом. Невыносимость мировой казармы создала в наши дни громадную массовую силу, пугающую обывателя и действительно чреватую большими бедами, если она не получит свободного выхода. Но эта сила является также великой надеждой человечества... Хотите видеть пример такого чуда? Взгляните на Октябрьскую революцию».

Григорий ВОДОЛАЗОВ

Сократ нашего времени

«**По-моему, он поступил правильно, Сократ»**

Н.И. Бухарин

Полного совпадения, конечно, нет. Всё-таки разные времена, разные нравы. **Античные Афины** времён Сократа, где, хотя к 399 году до н.э. и установилась тирания, но всё ещё жива была память о недавнем «золотом веке» демократии Перикла. И – **сталинский Советский Союз** 30-х годов XX века, где на все лады славили «диктатуру» (партии, пролетариата, вождя) и клеймили «демократию», за симпатию к которой нередко расстреливали – без суда и следствия.

Да, полного совпадения не было. Различия эпох и нравов накладывали свой отпечаток на *формы* деятельности героических личностей. Но всё-таки было много общего в судьбах великих гуманистов – знаменитого античного мыслителя **Сократа** и демократического социалиста XX века **Бухарина**.

Оклеветанные мракобесными силами, оба они были приговорены к смертной казни.

То, что приговор будет таким, они не сомневались с самого начала судебных действий. Но пощады себе не вымаливали. Вели себя на суде в высшей степени достойно. Используя лингвистические хитрости эзопова языка, сумели пригвоздить к позорному столбу своих истязателей и передать потомкам свои заветы, полные веры в торжество человечности и гуманизма.

Последний бой Николая Бухарина

Смиряться под ударами судьбы,
иль надо оказать сопротивленье?
Шекспир. «Гамлет»

Ленинское Завещание: пересмотреть теорию социализма

Последние статьи Ленина, называемые его «Завещанием», открыли новую эпоху в понимании «социализма», методов и путей его построения. Вот этот главный ленинский тезис: «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (6 января 1923 года, статья «О кооперации»[1]).

Надо было обладать удивительной политической и человеческой смелостью, чтобы написать это. Ведь сразу, после таких слов, в головах «верных ленинцев» возникало лёгкое головокружение и масса недоумённых вопросов.

Мы, в Октябре 1917 года поддержали Вас, дорогой Владимир Ильич, и возглавляемую Вами партию с её планами построения нового, справедливого, социалистического общества. Мы за реализацию этих планов бились с интервенцией 14 государств буржуазного мира. Мы сражались за Ваши (ставшие нашими) идеи в жесточайшей гражданской войне. И мы победили. Мы взяли (заплатив немалую цену человеческими жизнями) и отстояли нашу с Вами власть – власть трудящихся. Мы, засучив рукава, приготовились, следуя за Вами, строить и защищать эту новую власть – власть трудящихся. И вдруг Вы заявляете, что нам надо «переменить», к тому же «коренным» образом «всю нашу точку зрения» на социализм.

Никому, кроме Вас, Владимир Ильич, мы, взявшие в Октябре власть, не простили бы такого заявления. Только Ваш громадный авторитет, только неоднократно продемонстрированная Вами «наука побеждать» обеспечили Вам нашу поддержку. Но далее нам всем предстояло понять, что конкретно стоит за этими Вашими словами. И Вы, как всегда в переломные моменты, развернули чёткую стратегию нового пути, предложив принципиально новую экономическую политику (НЭП).

Вот её краткая формула:

Общественная собственность (приоритет) + частная

Социализм (приоритет) + капитализм (исключая олигархат)

План (приоритет) + рынок

Национальная экономика (приоритет) + зарубежные Концессии

+ Кооперация

+ «Перемены в нашем политическом строе»

Вы убедили. И только Вы могли убедить, ибо слишком необычно для нашего традиционного понимания социализма звучали Ваши новые идеи и лозунги. Вы

1Ленин В.И. Полн. собр. Соч., т. 45, с. 376.

убедили партию и народ в необходимости нового курса. Вы нас повели по нему. И первые же шаги провозглашённой Вами новой экономической политики показали её жизненность и эффективность. К 1923 г. восстановлены дореволюционные посевные площади; в 1925 г. валовой сбор зерна на 20,7% превысил среднегодовой сбор благоприятного пятилетия 1909-1913 гг.; в 1927 г. довоенный уровень был достигнут в животноводстве; к 1928 г. страна достигла основных экономических показателей 1913г.; рост середняцких хозяйств (на 60%); рост промышленной продукции составлял 30% ежегодно, что свидетельствовало о быстром росте производительности труда; национальная валюта страны стала крепкой и стабильной.

Естественно, на этом новом (не описанном в классических марксистских теориях) пути возникали и новые, непростые проблемы, которые надо было решать, и трудности, которые надо было преодолевать. Но с Вами, под Вашим началом мы были уверены – справимся, решим, преодолеем.

И вот на этом переломе истории, на этом взлёте теории и практики нового социализма Вы ушли из жизни: Ваш организм, подорванный титанической работой по преобразованию российского бытия, не выдержал…

Это стало страшной бедой для нашей страны, нашего народа, для открытой Вами новой теории социализма. Ваши соратники, ученики, преемники, о которых Вы писали в своём Завещании – Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Пятаков – растерялись. Всё-таки то была **Ваша** теория, **Ваши** идеи, которые не каждому из них, что называется, легли на душу, не каждый из них был готов к тому, чтобы понимать и решать проблемы, возникающие на намеченном Вами (и, добавим, не до конца прописанном) новом пути.

Да, они храбрились, давали над Вашим гробом клятвы, что пойдут по намеченному Вами пути. Но без Вас дело было обречено в значительной степени на неудачу. Тут нужен был Ваш гений, или, по крайней мере, дружные усилия Ваших учеников и последователей, коллективно, в содержательных дискуссиях, решающих проблемы. И, в случае необходимости, также дружно, также коллективно исправляющих неизбежно возникающие на новом пути неудачи и ошибки. Тогда могло бы получиться.

Но ученики Ваши сразу же после Вашего ухода затеяли постыдную драчку за власть – кто из них будет «вторым Лениным» и первым – среди них.

И вот эти два фактора: неготовность к основательному пониманию и тонкому, филигранному осуществлению предложенных Вами, Владимир Ильич, новых

идей и сосредоточение всех своих сил на борьбе за политическое первенство – всё это во многом предопределило последовавшую катастрофу.

Сложность ситуации, сложность проблем, с которыми столкнулись Ваши ученики на нэповском пути усугублялись ещё и тем, что Вы только НАЧАЛИ разработку новой теории социализма, что не все ещё прежние установки и тезисы прежней теории, требующие корректировки, были Вами пересмотрены. И главное, что нуждалось в таком пересмотре, - это пересмотр не только экономической составляющей прежней теории (что Вами в целом было сделано), но и её политической составляющей (к чему Вы только подходили, но что не смогли или не успели завершить). Наряду с предложенной Вами экономической реформой (которую, без всякого преувеличения, можно назвать революцией) нужна была разработка столь же фундаментальной политической реформы – перехода от старой, полюбившейся всем «Диктатуры пролетариата» к ещё мало понимаемой общенародной, политической «Демократии».

В общем: от политической Диктатуры – к политической Демократии! Без неё нэп, эта экономическая демократия, была обречена на неудачу. Экономическая демократия нэпа могла функционировать, развиваться и реализовать в полной мере свой мощный социальный потенциал ТОЛЬКО в условиях политической демократии.

X X X

Такова была ситуация после ухода Ленина.

И тут вместо дружной, коллективной, демократически организованной работы над проблематикой нэпа (а, следовательно, Нового Социализма) началась отчаянная схватка лидеров партии за власть. Она подробно описана нами в статье «Что делать и чего не делать? (уроки истории)» («Демократия и социализм XXI века» №10, 2021). В этих условиях надежда на продолжение ленинской нэповской линии могла быть связана только с одним человеком из руководящей партийной шестёрки – с Николаем Ивановичем Бухариным.

Бухарин старался не ввязываться в постыдную драчку лидеров, старался сохранить со всеми цивилизованные, товарищеские отношения, свободные от инсинуаций, грязных намёков и прямых оскорблений, вести дискуссию не на уничтожение оппонентов, а на выяснение истины. Именно он поддерживал содержательность обсуждения новых серьёзных и непростых проблем экономического и политического развития страны.

И вот когда Зиновьев и Каменев (при содействии Сталина) оттёрли Троцкого от руководящих партийных и государственных постов, тогда особенно остро возник запрос на развитие ленинской идеи Нового Социализма. И тут оказалось, что у победителей Троцкого – Зиновьева и Каменева (претендовавших на первые роли в партии) – за душой ничего нет, кроме старых, избитых истин догматически понимаемого марксизма и желания захватить руководящее кресло Ильича (см. работы 1925 года Зиновьева «Философия эпохи»,«Ленинизм: введение в изучение ленинизма», и Каменева «Ленин и его партия»). И начали они свою самостоятельную политическую линию с критики нэповских идей. И, естественно, обрушились на главного в ту пору идеолога и защитника нэпа – Бухарина.

После съедения Троцкого решили закусить Бухариным. Цитата

Но тут появился и порушил всю их стратегию один фактор. «Фактор» этот – их прежний союзник в борьбе с Троцким. Имя этого «фактора» - Иосиф Сталин. Сталин не поддержал их нападок на Бухарина (Цитата). Он твёрдо взял бухаринскую сторону. И выглядел поистине «верным ленинцем», реализующим данную им у гроба вождя клятву. Он в тандеме с Бухариным решительно защищал от Зиновьева и Каменева ленинскую стратегию нэпа. Цит.

Но всё же обратим при этом внимание, что не забывал товарищ Сталин и свою мечту – стать «вторым Лениным». Мощный барьер на пути к этой цели – Троцкий – был отброшен. Теперь на этом пути стояли перед Сталиным Зиновьев и Каменев.

Идеи идеями, но иметь хорошую, сплоченную, политически организованную, защищающую эти идеи команду – немаловажно (да такая «команда» и сама по себе имела бы высокую политическую ценность, что, конечно, очень могло пригодиться в будущем). Союз с Бухариным (а значит и с его очень авторитетными друзьями – председателем правительства Рыковым и профсоюзным руководителем Томским) давал Сталину прочное большинство в руководящих органах - против Зиновьева и Каменева. Сталин методично и целенаправленно выращивал свою команду в Политбюро и ЦК партии.

Вообще-то Зиновьев и Каменев были уже обречены, но дальновидный Сталин понимал, что в самом ближайшем будущем будет неизбежный бой с его последним соперником – Николаем Бухариным, что наивному (в чистоте своих помыслов) Бухарчику даже в голову не приходило. Ну, как же? Ведь они с Кобой не разлей воды единомышленники. Бухарин об этих кадровых потаённых

конфигурациях просто не задумывался. Главное – Дело, правильно намеченная стратегия, а не какое-то там господство над товарищами. Поэтому-то так любили его эти товарищи.

И соратники-ученики у него были другого типа, нежели у Сталина. Там, у Сталина, - преданные подчиненные, заглядывающие в рот Хозяину (так, между собой, они его и называли), ревностные и непрекословные исполнители его воли. Тут, у Бухарина, - молодые, очень образованные, очень самостоятельно думающие люди. Тут ни «командиров», ни «подчинённых». Они могли свободно спорить с их учителем, Бухариным – так же, как он сам когда-то, случалось, спорил с Лениным. Но и так же, как он обожал Ленина, так же они обожали теперь его.

Замечу, однако, что не заботился об увеличении армии своих учеников и последователей Николай Иванович зря. Подучился бы он тут у своего кумира – Ленина, который был не только выдающимся мыслителем, но и блистательным организатором-практиком. Ильич знал цену знаменитой формулы Маркса: идеи только тогда «становятся материальной силой» когда «овладевают массами». Бухарин же больше уповал на неотразимую силу самих идей. И у Ленина была такая «материальная сила» - выращенная, воспитанная и сплочённая им ПАРТИЯ. А у Бухарина был лишь симпатичный кружок молодых талантливых единомышленников, которые не заботились о создании своей политической силы. А зачем? Есть же партия, где Бухарин – один из её лидеров. Но беда-то вся для Бухарина была в том, что партия всё больше становилась инструментом Сталина. И Бухарин был «лидером», пока и поскольку это дозволялось Сталиным.

И ещё был замечательный и, казалось, такой надёжный дуумвират: выдающийся теоретик Бухарин (со своей «школой») и выдающийся организатор, который обеспечивает массовую поддержку его идеям – Сталин.

Скоро Бухарину и его молодым политическим друзьям аукнется их политическое легкомыслие.

Но поначалу всё было просто замечательно. Бухарин и его молодые друзья поставляли идеи, развивали ленинскую концепцию нового социализма. Сталин, сплотивший вокруг Политбюро и ЦК сторонников их с Бухариным курса, обеспечивал этим идеям и их творцам сильную массовую поддержку. И Зиновьев с Каменевым были смяты.

XIV и XVсъезды партии – торжество бухаринско-сталинской (а, по сути, ленинской) линии.

Ну, так что же – победила ленинская линия? Надежды на «новый социализм», на социальные успехи усиливались?

Увы!

Дуумвират, тандем Бухарин-Сталин вдруг (в 1928 году) зашатался. Два фактора повлияли на это.

Ну, первый фактор – кто теперь, после устранения Троцкого, а потом Зиновьева с Каменевым, будет главным, «вторым Лениным»? Бухарин? Сталин?

Прямо скажем, Бухарин в эти игры не играл. Для него главным было - разработка идей нового социализма в соответствии с программой, намеченной Лениным в конце его жизни. Кто будет политическим, партийным лидером, реализующим эту программу – для Бухарина не имело никакого значения. Тем более, что на роль такого лидера претендовал его единомышленник Иосиф Сталин (дружески называемый им давней подпольной кличкой – Коба). А Бухарин готов быть вторым, третьим, четвёртым – любым, лишь бы воплощалась в жизнь их с Кобой (то есть – ленинская) программа.

А вот Кобе очень не хотелось быть «вторым» нигде – ни в политико-организационной сфере, ни в идеологической. Ведь, быть «вторым Лениным», действительным вождём партии означало быть первым везде – и в сфере политики, и в сфере идеологии, теории. А вот с теорией, идеологией дело у него обстояло не очень хорошо: ни глубокого, разностороннего философско-исторического образования, ни основательной теоретической культуры, ни знания иностранных языков… Где ему тут соперничать с Бухариным, у которого всего этого было сполна. Политический Сальери, чтобы стать первым, должен был устранить политического Моцарта.

И второй фактор, разрушавший дуэт. Практика новой экономической политики порождала очень сложные и очень опасные для социалистического развития проблемы, связанные с усилением частнособственнических начал в обществе. Рос и усиливался класс сельских богатеев (так называемых «кулаков» и средних крестьян). Разбогатевшие при нэпе, они не спешили откликаться на призывы политического руководства страны – везти на рынок свои хлебные запасы. Их больше заботило получение более высокой собственной прибыли. Они ждали более благоприятной для них конъюнктуры – когда можно будет продавать зерно по более высоким ценам. Зерно придерживали до лучших времён. Рынок не насыщался.

Отсюда – жёсткий, даже жестокий кризис хлебозаготовок в 1928 году. И когда в этом году Сталин поехал в Сибирь, чтобы разобраться с проблемой хлебозаготовок, он столкнулся с фактами, повергшими его в уныние – по поводу эффективности нэпа. Хлеб в амбарах есть, а на рынок его не везут – ждут более благоприятную конъюнктуру. А общество, а трудящиеся городов ждать не могут. Им грозит голод и повторение голодомора 1920-21 гг. И Сталин начал терять веру в методы нэпа, в возможности Бухарина на базе нэповских идей решить возникающие проблемы[1].

Хлеба не хватает, зерно на рынок крестьяне не везут, экономические механизмы, которые должны были бы заинтересовать крестьян в продаже хлеба на рынке, работают плохо. Приближается ситуация очередного голодомора. Значит? Значит – долой нэп, значит взять у крестьян хлеб с помощью силы, то есть – по сути, вернуться к методам военного коммунизма. А чтобы легче этот хлеб забирать, надо объединить единоличников в коллективные хозяйства – тогда будем иметь дело не с миллионами единоличников, а с тысячами крупных хозяйств; процесс взимания «дани» с крестьян (как любили говорить сталинцы) значительно упростится и облегчится. А все эти бухаринские (а, по сути, ленинские) тонкости экономического воздействия на крестьянство, на его психологию следует отбросить, как наивную утопию. И идти напролом, используя политическую и всякую другую силу. Нужен второй Октябрь, нужна вторая революция («революция сверху») – вместо частных индивидуальных хозяйств создать коллективные (реально подчиненные государству). И брать с них хлеба – столько, сколько, по нашему мнению, нужно городу, промышленности.

Решения XV, нэповского, съезда отбрасываются по личному указанию Сталина. Апеллирование к ним сторонников нэпа оставляется без внимания. Более того, «нэписты» именуются «оппортунистами», «уклонистами»

Бухаринцы (и бывшие сталинцы-нэповцы) взывают своих критиков к совести и партийной дисциплине: как же так, ведь есть же решения XV съезда, как

1Весьма знаменательно, что Сталин, редко путешествовавший по стране, 15 января лично отправился в поездку по Сибири и Уралу, где, несмотря на хороший урожай, хлебозаготовки шли плохо. Поездка напоминала военную экспедицию. На каждой остановке Сталин вызывал местных работников и, грубо отмахиваясь от ссылок на местные условия и необходимость соблюдения законности, обрушивал на них обвинения в некомпетентности, трусости, а подчас называл их кулацкими агентами. Перед отъездом он поставил перед потрясенными и пережившими чистку партийными организациями ультиматум: или они увеличат хлебозаготовки, или понесут еще большее наказание (См. Коэн С. Бухарин. С.35) .

же можно игнорировать решения высшего политического органа страны? Если есть желание скорректировать политику – давайте собирать новый съезд и на нём обсуждать новую, на ваш взгляд, ситуацию, взвешивать все аргументы, различные предложения по решению возникших проблем: можно ли и нужно ли решать их на основе нэпа или путём отказа от него.

Зашаталось не только единство тандема, но и фундаментальные (и пока ещё довольно хрупкие) принципы партийной демократии: генсек самолично и самовольно пересматривает решения съезда, его коллективно выработанные и одобренные решения. Если здесь отступить, если с этим молчаливо согласиться, то это будет уже ДРУГАЯ партия – не-демократическая (какой она как будто бы становилась) и не-социалистическая. Это будет диктаторская, подчинённая вождю тоталитарная организация. А это, в свою очередь, будет означать конец надежд на построение демократического, социалистического общества.

Бухарин пытается найти мягкие, демократические, товарищеские способы не допустить такого развития событий. Но Сталин уже решил идти ва-банк. Он по-бонапартистски берёт всю полноту власти в свои руки. Поддержка подобранного и сформированного им высшего органа политической власти в стране – ЦК партии - ему обеспечена: тут все «свои», прикормленные им люди. Бухаринизм – только идеи и горстка учеников. Не соперники! Правда, «ещё есть решения съезда». Но мы не молимся на какие-то там «демократические принципы»; главное, ведь, революционная целесообразность (Каганович). Да, в конце концов, чтобы заткнуть рот этим поборникам «демократии», соберём быстренько Пленум ЦК, а то и новый съезд – и все свои новации узаконим.

И тут заметался Бухарин: куда ни сунется со своими «идеями» - везде наглые физиономии сталинистов. Он ещё пытается сделать две вещи: убедить генсека, своего недавнего единомышленника, в верности нэповского курса и путем умной и умелой пропаганды расширить круг своих единомышленников – нэповцев.

Вот они с Рыковым, с бутылками вина, по-старому, по-дружески, заваливаются под Новый (1929 год) к своему другу Кобе: выпьем, как прежде, поговорим по душам, поймём друг друга, и всё наладится (мы же все «верные ленинцы»!). А друга-то их словно подменили: так в гоголевской Диканьке доброе, казалось бы, существо оборачивается вдруг «нечистой силою». А Кобу вовсе и не «подменили». Наивные, интеллигентные бухаринцы не смогли разглядеть, что «нечистой силой» он был всегда. А вот Ленин это разглядел и потому так

настоятельно советовал сместить его с поста генсека. Не поверили Ильичу. Да и Коба прикинулся «святым», дав смиренную клятву у гроба вождя…

Иосиф их встретил хорошо, тепло: заходите, ребята, что же не выпить под Новый год, почему бы не посентиментальничать немного, не попеть хором душевные русские романсы и грузинские народные песни, «Сулеко», например… Но серьёзные дела начнём теперь с чистого листа. И по-дружески предупреждаю: следуйте за мной, иначе сомну. И грозные намёки в публичных выступлениях.

Надо срочно что-то делать. Иначе – беда, иначе гибель новаторских идей ленинизма и перспектив социализма. Расширять армию своих сторонников, пытаясь, согласно понятому, наконец, Марксу, делать свои идеи материальной силой? Попробуем. Может, всё-таки скажется сила идей, умело и убедительно высказанных?

И появляется тогда в «Правде» 30 сентября 1928 года бухаринская статья со скромным (чтобы не раздражать изменявших ленинскому курсу сталинистов) названием «Заметки экономиста» и громоподобным (не без эзоповских хитростей составленным) содержанием. Вообще теперь, в условиях тоталитарного политического господства Сталина, эзоповская манера письма (со скрытыми подтекстами) станет для Бухарина нормой.

«Заметки экономиста» как будто бы посвящены полемике со взглядами Троцкого. Но что-то уж подозрительно страстно полемизирует Бухарин с Троцким, который давно уже потерял влияние в партии и уже связанный по рукам и ногам втащен в поезд, отправленный на далёкий юг России, откуда он затем будет вышвырнут за границу – пиши там, что хочешь, критикуй кого хочешь. Заграничному читателю это будет совершенно не нужно и не интересно; у них там своих забот по горло…

И вот эту-то отыгранную на просторах России фигуру оживляет своей страстной полемикой Бухарин.

Загадка-то эта разгадывалась в общем-то легко, и Бухарин вовсе не старался совсем уж скрыть эту разгадку; ему надо было только соблюсти некоторые правила приличия.

А внимательный читатель сразу понял, о каком «Троцком» ведёт речь Бухарин. Действительное имя *сегодняшнего*, критикуемого Бухариным «Троцкого» - Сталин.

Антисталинские «Заметки экономиста»

В 1928 году Сталин вдруг заговорил троцкистским языком и настолько явно, что и Лев Давидович, и его сторонники уже писали из мест своих ссылок оптимистические письма друг другу: О, Сталин и большинство ЦК, очевидно, видя «провал» своих прежних (с Бухариным) позиций («защита нэпа», курс на добровольное, без принуждения, кооперирование), поворачивают к ним. Они даже (о, наивная русская революционная интеллигенция!) надеются, что теперь Сталин позовет их, вернет из тюрем и ссылок, и будут они вместе, Иосиф Виссарионович и Лев Давидович, оттеснив бухаринцев, вершить делами страны.

В таком повороте Сталина Бухарин провидел грядущую грандиозную трагедию страны. И потому-то – со всей страстностью – бросился это доказывать, всё еще надеясь (тоже с традиционной наивностью русского интеллигента), что его поймут, что он докажет, объяснит, чем такой поворот грозит стране. И его недавний единомышленник «Коба» вдумается в его аргументы, поймет их и откажется от намечаемого им нового курса на массовую, насильственную коллективизацию. Вместе с тем Бухарин, с интеллигентской деликатностью и щепетильностью, дает возможность Кобе исправить свои заблуждения и ошибки, не потеряв лица. Он, Бухарин, будет критиковать Троцкого и троцкистов, но Сталин поймет, о ком, на самом деле, идет речь. И, может быть, даже (как то нередко бывало прежде) позвонит по телефону и скажет что-нибудь вроде того, что, мол, «извини, Николай, ошибся я малость. Бес попутал. Уж очень запутаны и трудны обстоятельства, сбившие меня с пути истинного. Ты меня убедил. Возвращаемся к нашей антитроцкистской позиции, которую мы с тобой отстояли на XV съезде партии…».

Сталин же, как теперь хорошо известно, поступил иначе. И всё чаще звонил он по поводу взглядов Бухарина не «другу своему Николаю», а своим новым близким друзьям - палачам 30-х годов Вышинскому, Ульриху, Ежову…

И вот знаменитые «Заметки экономиста» - «альтернатива Бухарина» против «альтернативы Троцкого» (которая в конце 20-х годов стала и «альтернативой Сталина»). Поэтому – читая и цитируя эту бухаринскую статью, будем не забывать: где стоит фамилия «Троцкий», читай: «и Сталин», а где упоминаются «троцкисты», читай: «и сталинцы». Поэтому в дальнейшем, цитируя бухаринскую статью, мы будем брать фамилию «Троцкий» и слово «троцкисты» в кавычки, давая тем читателю понять, что кавычки означают добавление к имени «Троцкий»

имя «Сталин», а к слову «троцкисты» - слово «сталинисты» - как того, нет сомнений, и желал сам Бухарин.

У Бухарина есть великолепный образ: «троцкисты», пишет он, — это «садовники, дергающие растение за верхушку, чтобы оно "скорее росло"»[1]. Именно так: не пробуждать внутренние силы саморазвития организма, а с помощью внешних, насильственных методов тянуть его «к солнцу». Тянуть за уши к социализму, загонять в рай дубиной — вот действительное объективное содержание их программы.

Бухарин последовательно, из статьи в статью, напоминает ленинскую мысль, что социализм может быть только результатом исторического творчества самих масс, путь к социализму — это путь развития **самодеятельности** трудящихся. «Троцкизм» же воспроизводит прежние схемы политических отношений и исторического движения: правящее, все понимающее, всесильное меньшинство и неразвитое, пассивное большинство трудящихся, загоняемое с помощью кнута и пряника в счастливое будущее. Странный путь строительства «общества без эксплуатации», не правда ли?

Демократическая организация народа — вот, по Ленину, любил говорить Бухарин, неотъемлемый компонент не только политической системы социализма, но и системы действительно общественной собственности. Без такой организации государство может быть только орудием в руках *правящего меньшинства* (какие бы народолюбивые слова не вылетали из правительственных канцелярий), а собственность — *орудием господства бюрократии*. Демократическая организация народа, утверждал Бухарин, не есть некое желаемое политическое дополнение к общественной собственности, но необходимое условие ее реализации. Сутью же «троцкистских» установок было: меньше демократии, больше бюрократических, командно-приказных методов управления.

Бухарин абсолютно прав: «троцкизм» (вы не забыли мысленно добавлять: «и сталинизм»?) объективно — не ленинизм, не путь к действительному социализму. «Троцкизм» - это путь к становлению иной системы отношений — не капиталистической, но и не социалистической. Какой же именно? Бухарин не дает ответа, ему, по-видимому, представлялось это пока не актуальным. Он надеется, что к его аргументам прислушаются, и критикуемая им альтернатива не осуществится.

1Бухарин Н. Заметки экономиста. Москва-Ленинград, 1928, с. 19.

Но на другой важный вопрос Бухарин посчитал нужным ответить. Предлагаемая «Троцким» система - не социализм и не путь к социализму, но, может быть, она всё же способна решить насущные проблемы страны? Ведь считаем же мы период первоначального накопления капитала, несмотря на всю его жестокость, предпосылкой перехода от феодального общества к более прогрессивному – буржуазному и, следовательно, - шагом по пути прогресса. Почему бы по аналогии с ним и «первоначальное *социалистическое* накопление», отстаивавшееся «троцкистами», не рассматривать в этом ключе: тяжелая цена, но всё же - в интересах прогресса.

Бухарин и в этом отказывает «троцкистским» социальным прожектам. Аналогия с первоначальным капиталистическим накоплением, по его мнению, тут не проходит. Тогда действительно шло формирование предпосылок капитализма. А «первоначальное *социалистическое* накопление» в трактовке «троцкистов»? Разве готовит оно элементы социалистических отношений, в первую очередь, - работника-хозяина, наравне с другими участвующего в управлении экономикой и политикой? Разве откроет оно возможности превратить человека из средства для накопления вещного богатства (как то было прежде в истории) в самоцель исторического развития? Нет, оно только называется *социалистическим,* не будучи таковым по существу. Более того, оно предполагает применение ряда методов именно первоначального *капиталистического* накопления (эксплуатация крестьянства, неэкономическое принуждение, репрессивное законодательство и т. д.). В программах «троцкистов», отмечает Бухарин, «пролетариат действует по аналогии с рыцарями первоначального накопления»[1].

Кроме того, губительна, считал Бухарин, сама исходная идея «троцкистов» о развитии промышленности *за счет* села, *за счет* эксплуатации крестьян и ограбления сельского хозяйства. Предельно высокий налог на крестьянство, его жесткая эксплуатация с целью побыстрее получить для промышленности крупные средства даст прямо противоположный результат. «Троцкисты» не понимают, подчеркивал Бухарин, что развитие индустрии зависит от подъема сельского хозяйства, и потому планы «Троцкого» приведут не просто к краху крестьянского хозяйства, но к кризису промышленности и всего народного хозяйства в целом[2]. Иначе говоря, — и снова яркий и точный бухаринский образ – «троцкисты» (не забыли – почему «кавычки»?), по сути, «предлагают пролетариату зарезать

1За ленинизм, с. 293.

2См. там же, с. 303.

курицу, несущую золотые яйца, и исходят при том из того соображения, что кормить курицу — это значит заниматься филантропией»[1].

Альтернативой идее «первоначального социалистического накопления» (и сталинским планам 1928 года) выступает бухаринская линия на *продолжение и углубление нэп*а, понимаемого широко, а не как некоторый «допуск частной инициативы» в «железно-плановую структуру государственного хозяйства». Системе принудительного труда и внеэкономического принуждения Бухарин противопоставляет труд работника-хозяина; диктатуре бюрократического меньшинства — самоуправление большинства, трудящихся; эксплуатации крестьянства — прочный и равноправный союз с ним; развитию промышленности за счет сельского хозяйства — диалектику взаимного стимулирования обеих ветвей народного хозяйства; жесткому, бюрократически-централистскому плану — гибкое планирование, дающее простор инициативе. И когда Бухарина просили кратко выразить, в чем, по его мнению, состоит суть социализма, он неизменно отвечал ленинскими словами: это строй цивилизованных кооператоров.

Просто и глубоко характеризовал он, обращаясь к передовым пролетариям, основные методы социалистического строительства в ту эпоху: «Не отрывайся от мужицкой базы и постепенно развивай промышленность. Помни, что накопление в крестьянском хозяйстве копейки есть основа для того, чтобы накопить рубль в социалистической промышленности. Постоянно во всей своей хозяйственной и прочей политике держись руками за мужика. Его переделывай через кооперацию, тащи его к объединению в кооперативе. Ты имеешь банки и кредит. В течение десятков лет переделывай его, перерабатывай, не смущаясь тем, что он собственник. Помни, что он должен быть твоим союзником, которого ты должен переработать. Имей терпение, не спеши, не зарывайся, не выставляй своих коммунистических добродетелей, которые могут отпугнуть мужика, спрячь их иногда в карман, если они его пугают, умей осторожно и мудро вести его за собой, тогда только ты победишь»[2].

«Нелепая утопия, порожденная бухаринским схоластическим умом», — иронизировали по этому поводу оппоненты Бухарина, он хочет-де строить социализм при поддержке и всемерном поощрении крестьянина, системы мелкотоварного производства, т. е. того, что, говоря словами Ленина, ежеминутно порождает капитализм. Тут, действительно, есть проблема! И надо сказать,

1Там же, с. 304.

2Там же, с. 371.

идейные противники Бухарина обозначили ее достаточно точно. Бухарин принял их вызов и дал, опираясь на Ленина, блистательную разгадку, впрочем, забытую историей. Попробуем реанимировать бухаринский совет.

Бухарин точно обнажает «методологический корень» ошибки своих оппонентов: они «берут вопрос в *статике*, а не в *динамике*»[1], т. е. не принимают во внимание, что в ходе революционных преобразований люди, изменяя обстоятельства, *тем самым* изменяют и себя. Именно это происходит с крестьянством в ходе движения революции от одной ступени к другой. Не надо ничего навязывать крестьянам, не надо их «принуждать» к социализму. Нужно вовлекать их в борьбу, исходя из их собственных интересов. Они сами в своей борьбе, в своей деятельности переделают себя. Задача марксистов-ленинцев лишь в том, чтобы найти точные лозунги и наиболее совершенные формы ускорения этого процесса.

Другой упрек бухаринской альтернативе: она-де пропагандирует медлительность, низкие темпы развития. И снова мимо цели: что значит медленно, по сравнению с чем? Чтобы разобраться в этом, вспомним знаменитый бухаринский афоризм: вы, мои уважаемые оппоненты, хотите *зарезать* курицу, несущую золотые яйца, мы же предлагаем пока *кормить* эту курицу. Да, вы, зарезав курицу, быстро, немедленно дадите стране куриное мясо, но дальше что? Через короткое время курица будет съедена и вы, оставив страну и без мяса, и без яиц, обречете ее на голод, К этому и сводятся все ваши сверхскоростные темпы, пророчествовал Бухарин. Нельзя «резать» деревню, «срывать» в целях ускорения с нее всё, что можно «сорвать сегодня», ибо вопрос о накоплении в *социалистической промышленности* выступает неизбежно как вопрос, связанный с проблемой накопления в *крестьянском* хозяйстве»[2].

Бухарин вовсе не стоял за «низкие темпы», за какую-то особую «медлительность» - это еще один миф о нем. Он прямо писал: «Мы должны стремиться к возможно более быстрому темпу индустриализации»[3]. То, что этот вывод не умозрительный, Бухарин демонстрирует ссылками на важный и поучительный исторический опыт США, которые оказались впереди всех по мощи и размаху индустриального развития. «В своей наивности идеологи троцкизма полагают, — писал Бухарин, что максимум годовой перекачки из крестьянского

1За ленинизм, с. 303.

2См. там же, с. 303.

3Бухарин Н. Указ. соч., с.43.

хозяйства в индустрию обеспечивает максимальный темп развития индустрии вообще. Но это явно неверно. *Наивысший длительно* темп получится при таком сочетании, когда индустрия поднимется на *быстро растущем* сельском хозяйстве. Именно тогда и индустрия дает рекордные цифры своего развития»[1].

Подводя итоги дискуссии, XVсъезд (1927г.) в духе бухаринской позиции записал в решениях: «Неправильно исходить из требований максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы. С другой стороны, неправильно было бы отказываться от привлечения средств деревни к строительству индустрии; это в настоящее время означало бы замедление темпа развития и нарушение равновесия в ущерб индустриализации страны»[2]. Бухарин твёрдо следовал ленинским идеям.

И это верно и точно прокомментировал Стивен Коэн: «Ключевыми лозунгами ленинского „Завещания" были: осторожность, примирение, гражданский мир, образование и эффективность. Основным его указанием был призыв к предотвращению „раскола" с крестьянством, который означал бы „гибель Советской республики". Составленное по большей части ленинскими словами и подписанное Бухариным, „Политическое завещание Ленина" представляло собой полнозвучный антисталинский манифест в защиту нэповской философии и политики, от которых избавлялся теперь генсек. Еще год назад это была бы проповедь официальной политики. В январе 1929 г. это была платформа оппозиции, которую сталинское большинство назвало „ревизией и извращением важнейших принципов ленинизма", попыткой представить Ленина „обыкновенным крестьянским философом". Это было также последнее прямое изложение бухаринской философии и политических воззрений, опубликованное в Советском Союзе. Предчувствуя то, что предстоит впереди, Бухарин взывал к большевистской традиции критической мысли, выражая надежду, что партработники „ни слова не возьмут на веру... ни слова не скажут против совести". Он добавил с горечью: „...совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике"[3].

1Там же, с. 20.

2КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 4. Москва, 1984, с. 277.

3С. Коэн. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. М., прогресс. !988. С. 367.

Оказалось – отменяется: 8 октября сталинское большинство в Политбюро, вопреки возражениям Бухарина, Рыкова и Томского, осудило публикацию статьи „без ведома ЦК”. Политические разногласия теперь охватывали все вопросы и, по-видимому, не оставляли места для компромисса. Разрешить их могло только решающее политическое столкновение.

И тут Бухарина пришла в голову шальная мысль: Сталин, на основе отрицания нэпа, может объединиться с Троцким, Зиновьевым и Каменевым. И тогда перевес группы Сталин-Троцкий-Зиновьев над бухаринцами будет громадный. Бухарин в смятении. Он кидается к наиболее объективному среди них товарищу - к Каменеву. Раскрыть тому глаза на действительную суть Сталина. Слишком лихорадочно, слишком несерьёзно, но главное – слишком глупо обращаться за поддержкой к Каменеву (и Зиновьеву), за которыми давно уже нет никаких реальных политических и социальных сил. Да и ничего нового для Каменева Бухарин сообщить не может. Каменев и Зиновьев давно уже поняли, что собой представляет Сталин.

Последствия этого визита были довольно печальны. Каменев передаёт содержание монологов Бухарина Троцкому и его единомышленникам. Те, считающие Бухарина с его нэповскими теориями наиболее опасным для развития страны политиком (Троцкий о своей позиции: «Со Сталиным против Бухарина –да! С Бухариным против Сталина – никогда!»), публикуют основное содержание речей Бухарина на встрече с Каменевым в своей газете. (Хотя Каменев дал Бухарину слово, что никто об их разговоре не узнает). И вот троцкистская газета с антисталинскими речами Бухарина ложится на стол Сталину…

И эти прежние вожди партии ещё пытаются изображать из себя тонких и мудрых политиков – подло предали товарища, приватно и дружески обратившегося к ним с предложением коллективно обсудить непростую проблему политического развития страны, да к тому же предали с идиотским простодушием, полагая, что разоблачают наиболее опасного для дела социализма теоретика. Сталин должен был бы очень отблагодарить их за такую помощь (но как он любил говорить – ему не свойственно «собачье чувство благодарности»). Сдали Бухарина – ну, и прекрасно, теперь Бухарин будет уничтожен. А с ним будет уничтожено последнее препятствие на пути Сталина к абсолютной власти[1].

1Самый сильный удар был нанесен по партии. Из 2,8 млн. членов и кандидатов в члены, насчитывающихся в партии в 1934 г., был арестован по меньшей мере 1 млн. (антисталинисты наравне со сталинистами) и две трети из этого числа были расстреляны. Было уничтожено старое партийное руководство сверху донизу. Исчезли целые -86

«С петлёй на шее»

Последний бой Николая Бухарина

Вообще-то никаких условий для «боя» не было.

Была ситуация «расправы».

Колонный зал Дома Союзов, заполненный «трудящимися» - теми, кто «трудился» на Лубянке и в подведомственных ей конторах. Трудился в поте лица, хватая невинных людей, выбивая из них угрозами и садистскими пытками «признания» в разного рода «преступлениях» (которых они не совершали), в «антисоветской деятельности» (которой они не вели). Сегодня им приказали придти в этот торжественный зал в цивильной форме, без чекистских мундиров и знаков чекистского отличия. Такие вот скромные, рядовые граждане страны советов – «народ», который, затаив дыхание, будет слушать сталинского прокурора Вышинского, выражая горячую поддержку его речам, и возмущённо реагировать, выражая чувства «всего советского народа», на слова людей, сидящих на скамье подсудимых, на головы которых блистательный прокурор будет обрушивать водопады зловещих обвинений. И эти скромные, но такие патриотичные советские «труженики» обязательно продемонстрируют горячее единодушие, когда в конце своей речи Вышинский пафосно, с благородным надрывом, выкрикнет в зал: «Вся наша страна, от малого до старого, ждёт и требует одного: изменников и шпионов, продававших врагу нашу родину, расстрелять как поганых псов!». И понесут затем эти «трудящиеся» из Колонного зала на массовые митинги на заводах и сельских артелях эти слова про «поганых псов».

местные, областные и республиканские комитеты. Были арестованы 1108 из 1966 делегатов состоявшегося в 1934 г. XVII съезда партии, большинство из которых были расстреляны. Из 139 членов и кандидатов в члены ЦК в 1934 г. 110 были уничтожены или доведены до самоубийства. После убийства Троцкого в Мексике в 1940 г. из ближайшего окружения Ленина в живых остался один Сталин. Официальное объяснение террора заключалось в том, что все его жертвы являлись врагами народа, участвовавшими в разветвленном антисоветском заговоре и прибегавшими к диверсиям, государственной измене и покушениям. Наиболее подробно эти насквозь ложные обвинения излагались на показательных процессах старых большевиков в 1936, 1937 и 1938 гг., из которых наиболее важным являлся последний — процесс Бухарина. Кровавая сталинская чистка представляла собой революцию, „столь же глубокую, сколь любой предыдущий сдвиг в России, хотя и в замаскированной форме". Место уничтоженной большевистской партии заняла новая партия с иным составом и иным духовным обликом. Лишь 3% делегатов последнего съезда (1934 г.), состоявшегося до чистки, вновь появились на следующем съезде в 1939 году. 75% членов партии в 1939 г. вступили в нее после 1929 г., то есть уже при Сталине, и лишь 3% состояли в ней до 1917 года. Коэн С. Бухарин. С. 407.

А сидящие на скамье подсудимых «поганые псы» - это 21 человек, собранные в одну «организацию», придуманную чекистами. Среди них добиваемые сталинистами последние остатки так называемой ленинской гвардии: бывший член Политбюро Н.И. Бухарин, бывший глава правительства А.И. Рыков, бывший секретарь ЦК Н.Н. Крестинский; незримой тенью за их спинами стоит лидер советских профсоюзов М.П. Томский (застрелившийся незадолго до начала процесса). Они тут главные, ради них затеяно всё это представление. Рядом с ними – бывшие министры, ответственные работники, назначение которых здесь олицетворять собой сторонников Бухарина и Рыкова, членов их подпольной, преступной организации (естественно, никогда и нигде не существовавшей). Есть тут и люди, которых Бухарин назовёт «провокаторами» - они «признаются» в различных чудовищных «преступлениях», совершавшихся ими будто бы по заданию главарей этой банды «поганых псов».

Всё тут заранее отработано, договорено, отрепетировано. Представление это готовилось несколько месяцев. Чекистская команда под управлением наркома НКВД Николая Ежова трудилась в поте своего лица, в поте и крови лиц, сидящих на скамье подсудимых. Методы «работы» с подследственными отработаны чётко. Их определил товарищ Сталин в известном (теперь) письме.

Нарком Ежов, трогательно названный «ежовыми руковицами» вождя, следил за тем, чтобы пыточная машина работала без перебоев и изощрённо: наряду с прямыми избиениями подследственных, в ходу были расправы с их женами (лагеря и расстрелы) и детьми (совершеннолетним – лагерь или расстрел, несовершеннолетних – в детские приюты, нередко со сменой имён и фамилий).

Хорошо отлаженная система. Правда, иногда случались сбои. В частности, и на этом процессе. Ну, обо всём же «договорились», всё согласовали, всё на предварительном следствии подсудимые подписали, все показания «провокаторов» и «свидетелей» тщательно отработаны, все «признания» и «раскаяния» подсудимых тщательно отрепетированы. И вот на тебе: в самом начале так классно подготовленного (в том числе и для «мировой общественности») судебного представления, за которым из потаённого кабинета Колонного следит сам «Великий Вождь», вдруг один из подсудимых – Николай Крестинский - отказывается от данных на предварительном следствии признаний. Неужели «недоработали»? Неужели «перегуманизировали» с ним? Ведь, за Крестинским могут последовать и другие. И, значит, сейчас может рухнуть весь этот карточный домик чудовищных обвинений и «признаний»?

Пришлось прерваться, пришлось взять на процессе паузу. И «переговорить» с Крестинским «по душам». И вскоре Крестинский, несколько «изменившись» в лице (как отметили некоторые очевидцы), вернулся на скамью подсудимых, всё «признал» и больше уже никогда не вступал в пререкания с прокурором и судьями.

И со «свидетелями» иногда случались «взрывоопасные ситуации». Например, с видным левым эсером Кавелиным, которого Бухарину «трудно было узнать».

Но всё это были незначительные «шероховатости». Они забывались, когда гремел Вышинский и когда свидетели-подсудимые (вроде, например, Манцева) уверенно и громко «разоблачали» и себя, и «вожаков» их «банды». Всякому нормальном человеку, слушая такого рода «признания» было бы ясно: тут что-то не так. Ну, не может человек ТАК говорить о себе, о своих нелепых и чудовищных «преступлениях» - какая-то тут нарочитость, какая-то фальшь. То ли ребята-ежовцы чересчур переусердствовали в «работе» с такими, как Манцев, то ли этот Манцев переусердствовал, выполняя порученную ему роль провокатора (памятуя об обещании его освободить, а то и наградить). Но плохо рассчитал недальновидный товарищ Манцев. Расстреляли его вместе с «разоблачёнными» им «псами». Дело своё он сделал, теперь – концы в воду: и лежит товарищ Манцев в братской могиле вместе с «разоблачёнными» им «погаными псами».

В общем, ситуация тяжёлая, безнадёжная, беспросветная.

Сникли все, сидящие на скамье подсудимых.

Кроме одного - Николая Бухарина.

Он всё прекрасно понимал: это – последние дни его жизни. И надо дать бой, последний бой в его жизни. В условиях, когда, казалось, отняты все возможности сопротивления. И всё же – суметь, дать последнее сражение, попытаться сказать правду, не посрамить память бойцов ленинской когорты.

И он сумел, и он дал этот бой. И вышел ПОБЕДИТЕЛЕМ из этой потрясающей схватки «с петлёй на шее». Ему удалось сказать и передать следующим поколениям граждан России всё, что он хотел. Он спас честь первой, октябрьской, когорты большевиков-ленинцев.

Только надо внимательно вникнуть в перипетии его борьбы на суде. Невнимательному, скользящему по поверхности событий и речей читателю не удастся это увидеть. К сожалению, таким очень невнимательным, таким поверхностно-самоуверенным читателем оказался Александр Исаевич Солженицын. Большой

писатель, самоотверженный защитник униженных и обездоленных, он нередко был совершенно беспомощен и наивно-самоуверен в понимании глубинной сути социальных и политических событий. «Бухарин во всём покаялся», - с грустью и негодованием написал он. Недостало Александру Исаевичу проницательности проникнуть через пелену инсценировки Колонного зла в действительную суть, в сердцевину событий.

Давайте же как следует вчитаемся в перипетии этого необычного боя, данного Бухариным «с петлёй на шее» (прибегнем к этому известному выражению Юлиуса Фучика, хотя и сказанного по другому поводу).

Бухарин на суде:
«Мы хотели опрокинуть доблестное руководство Сталина»

Вот так чётко, ясно, открыто заявляет на суде о главной цели своей и своих друзей деятельности Николай Бухарин. Под углом этой провозглашенной цели и надо рассматривать, и надо понимать всё его поведение и все его заявления на суде. При этом - учитывать его эзопову манеру выражаться, непревзойдённым мастером которой был Николай Иванович. Манеру, отличительной чертой которой является постоянная двусмысленность, сокрытие истинного смысла под покровом скрывающих истинную суть банальностей.

Вот и здесь нельзя, прежде всего, не увидеть скрытую иронию в этом эпитете «доблестное»: понятно, ведь, если люди хотят «опрокинуть» «руководство», то, стало быть, никаким «доблестным» оно для них не является. «Доблестное» не «опрокидывают», «доблестное» защищают и продолжают. А, кроме того, внешне это выглядит как «признание» своих преступных намерений: ну, как же, планируют «опрокинуть» существующее в стране и партии «руководство». Такое «признание» позволяет длиться судебному процессу. Тем более, что в следующей формулировке «признание» вины подсудимым достигает своего апогея: «Я признаю себя виновным», говорит Бухарин, «в принадлежности к контрреволюционной организации». Тут-то наивные, не понимающие бухаринского эзопова языка люди отмечают: «Ну, вот, видите, сломали Николая Ивановича – сам открыто признал свою контрреволюционность. Сдался, подыграл сталинистам. Дальше его речи можно уже не читать, пойдёт игра в одни ворота: сталинисты будут вещать о «преступлениях» Бухарина, а сознавшийся

«контрреволюционер» будет им подыгрывать». Именно так, например, будет комментировать поведение на суде Бухарина Александр Исаевич Солженицын.

Но в этом частом и навязчивом повторе о «контрреволюционности» чувствуется какая-то нарочитость. Какая? Да, очень простая. Контрреволюционность в те времена ассоциировалась с борьбой против хода событий, начало которым положила Октябрьская **Революция**. Если ты «контрреволюционер», значит ты – против Октября, против Ленина, против победившей большевистской партии. И поэтому такая, «контрреволюционная», автохарактеристика вполне устраивала сталинистов, этот судебный процесс организовавших. Но более внимательный читатель материалов этого процесса заметит, что «революция», против которой выступает Бухарин, это не Октябрьская революция, а провозглашённая Сталиным в конце 20-х годов «революция сверху» (связанная с масштабной и кроваво-насильственной коллективизацией и разрывом с намеченным Лениным нэповским путём). Стало быть, задача «контрреволюционной» политики Бухарина - не уничтожение революционного наследия Октября, а противостояние сталинской «революции сверху».

Председатель суда Ульрих, чувствующий, что как-то двусмысленно звучит это бухаринское признание в «контрреволюционности», рвётся снять эту двусмысленность: «Подсудимый Бухарин, продолжайте Ваши показания о вашей антисоветской деятельности». Вот так-то лучше, так-то шире: о всей «антисоветской» деятельности! А «советская власть» - это и Октябрь, и тридцатые годы…

Ну, что же, прояснять так прояснять: «**Бухарин.** Слушаю. Третьего дня я закончил на том, что в конце 1932 года образовался блок правых-троцкистов-зиновьевцев примерно на основе рютинской платформы». Подробно рассказать об этой «платформе» Бухарину, естественно, не дали. Но идеологические основы бухаринской позиции названы, и теперь всякий интересующийся мог заглянуть в текст этой «платформы», довольно широко ходившей по рукам, и получить ясное представление о сути этой «контрреволюционной» позиции. Так Ульрих хорошо поспособствовал снятию двусмысленности в позиции бухаринцев. Вот некоторые, весьма впечатляющие тезисы этой «платформы».

Мартемьян Рютин

Ко всем членам ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи!

Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора, под флагом борьбы за чистоту принципов большевизма и единства партии, опираясь на централизованный мощный партийный аппарат, Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь самого необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти…

Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревнях, так и в городах…

Еще более мрачная и тяжелая картина в деревне.

Ограбление сельского населения, принудительная коллективизация привели к тому, что скота осталось не более 30 процентов от 1927 года, причем и эти остатки в колхозах и совхозах гибнут от бескормицы; новых крестьянских построек не возводится, а старые не ремонтируются и большей частью растаскиваются, сельскохозяйственный инвентарь разбит и разрушен, семян на посев не хватает больше чем наполовину; земля обработана плохо, а часто совсем не обработана, тягловой силы недостает.

Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях; насильственно созданные колхозы разваливаются. Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает и питается суррогатами. Эпидемии начинают свою работу.

В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни.

В перспективе — угроза сильнейшего голода на будущий год…

Планирование превратилось в сплошное очковтирательство и обман; всюду получаются неизбежные прорывы, вину за которые сталинское руководство взваливает на низовых работников; планы выполняются на 60—70 процентов, возможность экономического продвижения и регулирования сведена на нет, экономика страны дезорганизована, и все ее развитие поставлено под власть стихии.

А в это время XVII Всесоюзная партконференция сталинских чиновников, нагло и цинично издеваясь над партией, пролетариатом и всеми трудящимися, заявляет, что мы вступили в социалистическое общество и что у нас «растет недостижимыми для капиталистических стран темпами народный доход, уничтожены безработица и нищета, уничтожаются “ножницы цен” и противоположность между городом и деревней, растут из года в год благосостояние и культурный уровень рабочих и трудящихся крестьян».

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попрана! Всякая уверенность в завтрашнем дне потеряна! Рабочий класс и трудящиеся массы деревни доведены сталинской политикой до отчаяния.

Учение Маркса и Ленина Сталиным и его кликой бесстыдно извращается и фальсифицируется. Наука, литература, искусство низведены до уровня низких служанок и подпорок сталинского руководства. Борьба с оппортунизмом опошлена, превращена в карикатуру, в орудие клеветы и террора против самостоятельно мыслящих членов партии. Права партии, гарантированные Уставом, узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов. Демократический централизм подменен личным усмотрением вождя, а коллективное руководство — системой доверенных людей.

Центральный Комитет стал совещательным органом при «непогрешимом» диктаторе, а областные комитеты — бесправными придатками при секретарях областкомов.

Политбюро, Президиум ЦКК, секретари областных комитетов в результате происшедших изменений в жизни партии и «18 брюмера Сталина» превратились в банду беспринципных, изолгавшихся и трусливых политиканов, а Сталин — в неограниченного и несменяемого диктатора, проявляющего в де-

сятки раз больше тупого произвола, самодурства и насилия над массами, чем любой самодержавный монарх…

Всякая живая, большевистская партийная мысль угрозой исключения из партии, снятием с работы и лишением всех средств к существованию задушена; все подлинно ленинское загнано в подполье; подлинный ленинизм становится в значительной мере запрещенным, нелегальным учением…

Сталин и его клика не могут повернуть на верный ленинский путь, у них нет выхода, они безнадежно изолгались и попали в безвыходный тупик. Они будут и дальше беспомощно метаться из стороны в сторону, все больше запутываться и запутывать других, все больше усложнять и ухудшать положение, не смея допустить, чтобы партия свободно выразила свою волю. Ложью и клеветой, расстрелами и арестами, пушками и пулеметами, всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них, как на свою вотчину.

Ни один самый смелый и гениальный провокатор для гибели пролетарской диктатуры, для дискредитации ленинизма не мог бы придумать ничего лучшего, чем руководство Сталина и его клики.

Партийные и рабочие массы обязаны спасти дело большевизма, они обязаны свою судьбу взять в свои собственные руки. Сталин и его клика не уходят и не могут добровольно уйти со своих мест, поэтому они должны быть устранены силой…

Для борьбы, со сталинщиной, за восстановление прав партии и пролетарской диктатуры, за возвращение партии на старый испытанный ленинский путь социалистического строительства, мы, члены ВКП(б), собравшись на всесоюзную конференцию, постановили организовать «Союз марксистов-ленинцев».

Этот «Союз» — союз защиты ленинизма — является частью ВКП(б), не имеет интересов, отличных от интересов партийных масс и рабочего класса. Он, наоборот, будет лишь наиболее последовательно и решительно выражать и защищать эти интересы. Он не противопоставляет себя партии, а противопоставляет лишь Сталину и его клике.

«Союз марксистов-ленинцев» стоит на точке зрения необходимости систематического развертывания индустриализации страны на основе действительного улучшения материального положения пролетариата и всех трудящихся...«Союз марксистов-ленинцев» стоит на точке зрения необходимости

всемерного содействия действительно добровольной коллективизации при одновременной систематической помощи развитию индивидуального бедняцко-середняцкого крестьянского хозяйства, но в настоящий момент он будет в первую очередь решительно бороться против насильственной сталинской коллективизации, так как она в корне противоречит программе партии и Коминтерна и на практике потерпела полное банкротство.

Основной водораздел партии проходит в настоящее время … за продолжение сталинского руководства и неизбежной гибели ленинской партии и Советской власти или за ликвидацию сталинщины, спасение ВКП(б) и пролетарской диктатуры…

Опасения Ленина в отношении Сталина — о его нелояльности, нечестности и недобросовестности, о неумении пользоваться властью — целиком и полностью оправдались: Сталин и его клика губят дело коммунизма, и с руководством Сталина должно быть покончено как можно скорее.

Мы призываем всех истинных ленинцев всюду и везде на местах организовать ячейки Союза защиты ленинизма и сплотиться под его знаменем для ликвидации сталинской диктатуры.

Немедленно за работу! Пора покончить с состоянием растерянности и страха перед репрессиями обнаглевшего беспринципного политикана и изменника делу ленинизма, покончить с бессильным брюзжанием и нытьем и начать самоотверженно бороться, не ждать начала борьбы сверху, а начинать ее снизу. Террору противопоставить мужество и сознание величайшей правоты нашего дела. Каждый член партии, которому дороги завоевания Октября и дело социализма, должен быть организующим центром для объединения вокруг себя преданных, честных, надежных товарищей. Каждый подлинный ленинец везде, где это возможно, должен пропагандировать разрешение стоящих перед нами задач в кратчайший срок, ибо события не ждут.

От товарища к товарищу, от группы к группе, от города к городу должен передаваться наш основной лозунг: долой диктатуру Сталина и его клику, долой банду беспринципных политиканов и политических обманщиков! Долой узурпатора прав партии! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует ленинизм!

Июнь 1932 г.[1]

1*Рютин М.Н. На колени не встану. М.: Издательство политической литературы, 1992*

Такая вот она, эта бухаринско-рютинская «платформа». Понятно было и Ульриху, и Вышинскому, что завязать на суде разговор вокруг идей этой платформы, значит не выполнить ясное указание их «Хозяина». А они хорошо знали, чем заканчиваются такие «невыполнения». «Указания» эти накануне процесса были сформулированы с привычной сталинской четкостью, и о них с бесстыдной откровенностью сказал на процессе Вышинский: ««**товарищ Сталин**… говорил: "Два слова о вредителях, диверсантах, шпионах и т. д. Теперь, я думаю, ясно для всех, что нынешние вредители и диверсанты, каким бы флагом они ни маскировались, троцкистским или бухаринским, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем движении, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц. Понятно, что этих господ придется громить и корчевать беспощадно, как врагов рабочего класса, как изменников нашей родине. Это ясно и не требует дальнейших разъяснении". Прошел год, подобострастно комментирует слова Сталина Вышинский, на примере настоящего процесса мы видим, как глубоко прав был товарищ Сталин в своей оценке троцкистов и бухаринцев. Троцкисты и бухаринцы, то есть "право-троцкистский блок", верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных. Так называемый "право-троцкистский блок" - это организация шпионажа, диверсий, вредительства, политических убийств и распродажи своей родины врагам».

И, стараясь попасть в тон «Хозяину», **Вышинский** продолжает: «подсудимый Бухарин, делал на этом процессе не раз попытки … принять вид "идейных" людей, прикрыть свою бандитско-уголовную деятельность всякого рода "философскими", "идеологическими" и тому подобными разговорами. Бухарин пытался здесь весь кошмар своих гнусных преступлений свести к каким-то "идейным установкам".

В общем, никакого разговора об «идеях», «программах» не будет. Суд, как и указывал товарищ Сталин, будет «громить и корчевать» «беспринципную и безыдейную банду профессиональных вредителей, диверсантов, шпионов, убийц».

А начнет **Вышинский** с иронии: **«**Вы считали себя идеологом?

Бухарин (продолжая держаться эзоповского стиля**).** «В том числе - и идеологом контрреволюционного переворота и практиком». И добавит иронично и гордо:

«Вам, конечно, предпочтительнее сказать, что я считал себя шпионом, но я им себя не считал и не считаю».

Вышинский. Это было бы правильнее всего.

Бухарин. Это ваше мнение, а мое мнение другое.

Вышинский. Посмотрим, какое будет мнение суда.

Прокурор дурачится и дурачит. Всем (в том числе и Бухарину) хорошо известно, каким будет это «мнение». Товарищ Сталин задолго до суда его озвучил: «расстрелять!»

Но важно людям, народу это «мнение» как-то обосновать. Чтобы – как дважды два…

И начнут эти два ассенизатора – Вышинский и Ульрих - выливать соответствующую жижу на Бухарина, чтобы он выглядел, как можно гаже, как можно отвратительнее. И помогать им будут «свидетели», над которыми на этапе предварительного следствия хорошо «поработали» лубянские садисты. И удивительно: ничего у них не получится: Бухарин не признает ни одного (!) вменяемого ему *конкретного* преступления. Связанный по рукам и ногам, в одиночку, окружённый натравливаемой на него чекистской сворой, ясно осознавая неизбежность расстрельного приговора, он не сникнет, не скиснет. Спокойно, гордо, временами – иронично – он поведёт бой, последний бой в своей жизни. И победит!! За явным преимуществом!!

Вот как это было…

Окончание статьи – в следующем номере

Борис СЛАВИН

Карл Маркс о труде как основе человеческой истории

Модным суждением, направленным против социального идеала Маркса, является его обвинение в «религиозном эсхатологизме» (учение о конце света). В этой связи возрождены многие антимарксистские стереотипы, присущие представителям ныне модной религиозно-философской мысли в России начала прошлого века. В частности, считается, что Маркс, обосновывая свой социальный идеал, исходил не из науки, а из религиозной идеи конца истории, связанного с наступлением в будущем некоего «земного рая» под названием «коммунизм». Так, в свое время Николай Бердяев писал о Марксе: «Он исповедует в секуляризованной, т.е. оторванной от религиозных своих корней форме древне-еврейский хилиазм, т.е. ожидание наступления чувственного тысячелетнего царства Божьего на земле»[1] . Позднее то же самое напишет американский исследователь и критик марксизма Карл Поппер, утверждая, что «Маркс видел действительную задачу научного социализма в провозглашении и приближении тысячелетнего царства социализма»[2] . Нечто подобное говорил известный философ и писатель Александр Зиновьев. По его мнению коммунизм «образует своего рода райскую часть марксизма. Здесь этот рай спущен с небес на землю»[3].

Авторы этих и подобных суждений пытаются доказать одно – осуществление социального идеала Маркса есть своеобразная «эсхатология», то есть религиозное учение о конце человеческой истории. Что можно сказать по этому поводу? На самом деле научно-философские взгляды Маркса были прямой противоположностью религиозного сознания вообще. Более того они полностью противоречат его действительным взглядам, его философии истории.

---

1 Бердяев Н. Марксизм и религия. Варшава. «Добро».1929. С.30.

2 Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. М.: Феникс. 1991. С.10.

3 Зиновьев А. Русская трагедия. Гибель утопии. М.: Алгоритм. 2002. С.161.

Исходным началом человеческой истории, по Марксу, выступает труд как «положительная, творческая деятельность» людей, как способ взаимодействия человека с природой и себе подобными[1]. С его точки зрения, труд является тем качеством, которое отличает жизнедеятельность людей от жизнедеятельности животных. Благодаря труду люди совершают необходимый для их жизни обмен веществ и энергии с природой и друг с другом. В этом смысле труд является всеобщим и существенным моментом самой человеческой жизни.

Уже в своих первых экономических работах Маркс приходит к пониманию труда как субстанции развития человеческого общества. Он начинает рассматривать всемирную историю человечества как «порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека»[2]. Такое самопорождение человека в процессе трудовой деятельности, по мнению Маркса, полностью опровергает идею его божественного творения. Если физически человек рождается как природное существо, то посредством труда и общения, он становится общественным, родовым существом. «Только в обществе, - пишет Маркс, - его природное бытие является для него его человеческим бытием и природа становится для него человеком»[3]

На важную роль труда в жизни человеческого общества обращали внимание многие ученые и до Маркса, однако они не видели в нем той глубинной основы общества, из которой проистекали все современные общественные коллизии. Так, например, представители классической политэкономии не сумели понять органической взаимосвязи между трудом и частной собственностью, трудом и капиталом, без чего невозможно понимание ни прошлой, ни современной истории.

В отличие от Гегеля, рассматривающего труд, как правило, с положительной стороны, Маркс выделяет в нем как положительную сторону (творческую, самодеятельную), так и отрицательную (отчуждающую, подневольную). Отрицательная сторона труда связана с антагонистическим устройством общества и особенно наглядно проявляется в условиях буржуазного строя, когда происходит его превращение в наемный труд, противостоящий капиталу. Отсюда знаменитое требование Маркса об «освобождении труда», предполагающее замену наемного труда свободной творческой деятельностью людей[4].

1 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.2. С.113.

2 Там же. Т.42. С.126.

3 Там же. С.118.

4 См.: там же. Т. 45. С. 471,

Материалистическое понимание истории немыслимо без категории «труд», выражающей основу существования человеческого общества. Рассматривая историю человечества, Маркс, на мой взгляд, считал, что труд в своем развитии проходит три характерные стадии: от коллективного труда на ранних ступенях человеческой истории - к его разделению и отчуждению в классовом обществе, и затем - к преодолению отчуждения и объединению труда в условиях становления бесклассового свободного общества. В последнем случае труд со всей очевидностью приобретает универсальный характер «свободной сознательной деятельности», составляющей «родовой характер человека»[1]

Как известно, в современном обществе рост производительности труда вовсе не тождествен развитию индивидов. Парадокс истории заключается в том, что сначала производительность труда приводит к разделению труда между людьми, к образованию различных общественных классов и эксплуатации, и лишь после этого та же производительность (ее рост и развитие) с необходимостью требует объединения труда, ликвидации эксплуатации, бесклассового общества и свободного развития личности. Маркс считал, что снятие самоотчуждения проходит тот же путь, что и самоотчуждение. Главный вывод его работ можно свести к одному тезису: исторический прогресс общества со временем перестанет быть регрессом в развитии личности. Человеческое общество в этом случае становится условием не порабощения, а свободного развития индивида, а это и есть осуществление идеала «свободного человеческого общества», к которому с необходимостью движется человечество.

В соответствие с исторической логикой развития труда происходит эволюция человеческой личности: от несвободы к свободе через вещную зависимость. Маркс писал по этому поводу: «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, - такова третья ступень. Вторая ступень создает

1 .См.: там же. Т. 42. С. 93.

условия для третьей» [1]. Такова историческая логика осуществления социального идеала Маркса.

Как мы видим, этот идеал находится не вне истории, наоборот, он рождается историей и подтверждается ею.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что реализацию своего социального идеала «свободной индивидуальности» в «свободном человеческом обществе» Маркс связывал не с «концом» истории, а, напротив, - с ее «началом». Он считал, что человечество рано или поздно осуществит свой исторический переход от сугубо стихийной стадии развития к сознательной стадии, от господства вещей над человеком к господству человека над вещами, от власти прошлого над настоящем – к власти настоящего над прошлым, от «царства необходимости» - к «царству свободы». Исходя из этого, первую стадию общественного развития Маркс называл «предысторией человеческого общества»[2], а вторую – «подлинной историей». Здесь понятие «предыстория» включает в себя доклассовое и классовое общество, а понятие «подлинная история» - начало той «более высокой» посткапиталистической «общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивида»[3].

На первой стадии истории человечества, индивиды, в силу относительной неразвитости производительных сил человеческого общества и господства частной собственности, находятся друг с другом в постоянной конкурентной борьбе из-за «куска хлеба» и «крыши над головой». Здесь, по мнению Маркса, действуют законы аналогичные закону борьбы за существование в животном мире, открытого Ч. Дарвином. В этой связи единомышленник Маркса Фридрих Энгельс писал: «Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, …когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием мира животных»[4] . Существует и более глубокая аналогия между взглядами Маркса и Дарвина. Как известно, у Дарвина эволюция биологических видов связана с изменением естественных органов животного. У Маркса эволюция общественных организмов определяется, в

1 Там же. Т.46. Ч.1. С.101-101.

2 Там же. Т.13. С.8.

3 Там же. Т.23. С.605)

4 Там же. Т.20. Т.359.

конечном счете, развитием искусственно созданных орудий труда - этими «производительными органами общественного человека»[1].

На второй, высшей стадии развития человечества, характеризуемой высоким уровнем развития производительных сил, отсутствием частной собственности и социального отчуждения, возникает ассоциация свободных и солидарных индивидов, которые в процессе своего творчества, осуществляют сознательное отношение к природе и друг к другу. Здесь люди полностью подчиняют себе материальное производство, превращая его в средство удовлетворения своих постоянно растущих материальных и духовных потребностей. В таком обществе ликвидируется наемный труд и производство начинает функционировать не по законам «рабочего», а по законам «свободного» времени. Здесь вместо рынка и товарно-денежных отношений осуществляется непосредственный обмен результатами творческой деятельности людей, их взаимное материальное и духовное обогащение.

Маркс назвал эту стадию развития человечества –«царством свободы», подразумевая под свободой власть объединившихся индивидов над собственными производительными силами и отношениями в отличии от «царства необходимости», где господствует случай и конкуренция в общественных отношениях и где абсолютное большинство людей отчуждено от средств производства и вынуждено вследствие этого громадную часть своего времени уделять работе, связанной с удовлетворением своих элементарных физических потребностей. «Царство свободы, - писали Маркс и Энгельс, - начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»[2]. Эта мысль Маркса, конечно, не означает, что в будущем прекратится материальное производство: оно просто «уйдет в основание» общества, освободив дорогу для творческой деятельности людей [3].

По мнению Маркса только в условиях полной свободы люди могут сознательно творить свою собственную историю, в то время как раньше история творила их. Только в таком обществе случайность перестает господствовать над

1 Там же. Т.23. С. 383.

2 Там же. Т.25. Ч.2. С.386-387.

3 См.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат. 1980. С.117,163.

человеком, и люди начинают полностью контролировать свои отношения с природой и друг с другом.

Если под коммунизмом понимать движение, а не некое застывшее состояние, то он, с одной стороны, призван завершить стихийный период развития человечества (его «предысторию»), с другой, открыть новую эру, связанную со свободным и сознательным развитием, как каждого индивида, так и всего человечества, в целом. Эта новая эра и означает начало «подлинной истории» человечества. «Коммунизм, - писали Маркс и Энгельс,- отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в самой основе всех прежних отношений производства и общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»[1].

Итак, из сказанного выше можно сделать следующий вывод: Маркс не связывал с коммунизмом некое завершение истории, подобное «тысячелетнему царству божьему на земле». Напротив, он выводил его из настоящего, из сугубо эмпирических и живых противоречий действительности. Эти противоречия, являясь двигателем истории, проявляют глубинные законы общественно-исторического развития, честь открытия которых также принадлежит Марксу.

К сожалению, многочисленные критики Маркса, как правило, никогда не понимали сути и механизма действия этих законов. Фиксируя уникальный характер событий истории, непохожесть одного исторического явления на другое, они либо вообще отрицали возможность научного познания социальных явлений и установления закономерностей в истории [2], либо отождествляли общественные законы со всеобщими законами естествознания, что не давало возможность понять историческую специфику тех или иных форм общества: например, отличить, экономические отношения в античную и современную эпоху. Последнее особенно характерно для взглядов позитивистски настроенных социальных философов и экономистов [3] .

Нельзя забывать, что Маркс в своих исследованиях исходил из сугубо оригинального философского взгляда на историю человечества, вошедшего в

1 См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С.70-71.

2 Такой точки зрения, например, придерживался Карл Поппер, обвинявший Маркса в «историцизме». См.: Поппер К. Указ. Соч. Т.1.С.31-32 .

3 Критику их см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46 Ч.1. С.39-48, 205-206.

науку как «материалистическое понимание истории». Энгельс считал его гениальным открытием, которое наряду с экономическими открытиями (двойственная природа труда, прибавочная стоимость), обессмертило имя Маркса. В предельно сжатом виде это понимание выглядит следующим образом.

Для того, чтобы существовать люди должны постоянно производить и потреблять материальные блага. Для этого они вынуждены развивать свои производительные силы: орудия труда, знания, опыт. Развиваясь, производительные силы приходят в противоречие (конфликт) с существующими производственными отношениями. В результате этого противоречия, существующие производственные отношения отмирают, и на смену им приходят новые отношения, способствующие дальнейшему развитию производительных сил.

С появлением новых производственных отношений возникает новый способ производства, а вместе с ним и новая общественно-экономическая формация (форма общества), включающая в себя, помимо производственных, все остальные отношения: семейные, социальные, правовые, политические, духовные и т.д. Однако, на этом историческое движение не прекращается. Вновь выросшие производительные силы входят в конфликт с некогда новыми, но со временем устаревшими производственными отношениями: все повторяется сначала, но уже на другом витке исторической спирали.

Таким образом, человеческая история представляет собой расширяющуюся спираль сменяющих друг друга различных общественно-экономических формаций и их типов. Как змея, обновляя себя, сбрасывает свою устаревшую кожу, так история человечества, развиваясь и создавая новые формы общества, отодвигает в небытие устаревшие общественные отношения. Конечно, прежние отношения и их носители могут определенное время сосуществовать с новыми отношениями, тормозя их развитие («мертвый хватает живого»), но они уже не в состоянии определять направление истории.

Таково, в сжатом виде, открытое Марксом сугубо объективное понимание человеческой истории как части истории природы,

Несмотря на свою объективность, оно не исключает, а помогает объяснить роль масс и личности в историческом процессе. Дело в том, что нередко марксову теорию смены общественно-экономических формаций пытаются трактовать сугубо объективистски, как некий фатальный, или кем-то запрограммированный исторический процесс (особенно этим отличались работы некогда либерального

марксиста Петра Струве). Однако, нет ничего более далекого от истины. Нельзя забывать, что производительные силы и производственные отношения – это силы и отношения людей. По Марксу, за каждым объективным общественным противоречием стоят живые люди. Без них в истории ничего не делается и не совершается. Например, только люди могут заменить устаревшие производственные отношения на новые более прогрессивные, только они являются первыми и последними субъектами истории. Маркс писал, критикуя младогегельянцев за их идеалистический, или сверхчеловеческий подход к истории: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный живой человек – вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [1]

Такой подход к истории помогает понять, почему основоположники марксизма рассматривали историю антагонистических обществ как череду непрекращающейся борьбы классов за экономическую и политическую власть[2] . В этой борьбе одни классы отстаивают традиционные или устаревшие общественные отношения, другие выступают за создание новых отношений, стимулирующих прогрессивное развитие производительных сил.

В современном обществе на арену истории вышло два основных класса – буржуа и пролетарии. Их борьба является сегодня главным двигателем исторического прогресса. Она обусловлена не идеологическими, а глубинными экономическими противоречиями, связанными с историческим исчерпанием капиталистических отношений. Из этих отношений вытекает и историческая миссия пролетариата, призванного осуществить исторический переход от капитализма к социализму.

К сожалению, в среде правой социал-демократии недавно появились суждения о том, что марксистская идея об исторической гибели капитализма и прихода ему на смену социализма, вообще, устарела, как и лежащая в ее основании теория формационного развития человеческого общества. Сторонники этой точки зрения полагают, что общество будущего нельзя считать ни

1 Там же. Т.2. С.102.

2 См.: там же. Т.4. С.424-425.

социалистическим, ни капиталистическим: оно будет некой «конвергенцией» основных черт и ценностей того и другого [1].

Не отрицая идеи конвергенции в ее общей форме, отметим одно: конвергенция различных укладов современной общественной жизни не может осуществиться на эклектической основе: в ней с неизбежностью должна проявиться либо капиталистическая (частная), либо социалистическая (общественная) доминанта. Как показывает ход истории, новейшие производительные силы, будь то атомные электростанции, космическая техника, глобальные электронные сети, генные технологии и т.д. все больше нуждаются не в частной, а в общественной собственности и общественном контроле. Отсюда следует, что в будущем конвергенция различных общественных укладов, скорее всего, будет осуществляться на социалистической основе, как это уже начинает происходить в разных странах Запада и Востока.

Конечно, понимание свободы нельзя мыслить в форме полного освобождения человека от необходимости, как полагают некоторые романтики от социализма, трактующие свободу, как нечто абсолютно противоположное материальному производству. «Истинное царство свободы» для классиков марксизма, как и для всех их последователей, «может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня - основное условие»[2]

Современный рост механизации и автоматизации общественного производства, сокращение рабочего дня, возрастание роли и значения интеллектуального и творческого труда в создании материальных благ, расширение мировой торговли и становление единой постиндустриальной цивилизации полностью подтверждают прогнозы Маркса и Энгельса относительно хода экономического развития человеческого сообщества. В то же время, видно, как мы еще далеко находимся от той конечной цели, от того социального идеала, который Маркс называл «ассоциацией», в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Осмысливая контуры такого будущего, не следует забывать, что история XX и XXI века показала трудный, долгий и весьма противоречивый путь его становления. На этом пути марксистской социалистической теории пришлось многое пере-

1 См. обсуждение книги теоретика германской социал-демократии Вилли Айхлера в журнале «Альтернативы». № 1. 1998 .

2См.: Маркс К. Энгельс Ф. Соч. Т.25. Ч.2. С.387.

осмыслить и от многого отказаться. Вместе с тем главное в ней осталось неизменным: исследовать социально-экономические и политические условия движения трудящихся, призванных совершить исторический переход от «царства необходимости» к подлинному «царству свободы».

Сергей ЧЕРНЯКОВ

А следует ли так критиковать марксизм?

(О книге Т. Ойзермана «Возникновение марксизма»)

О религии и атеизме

Касаясь вопроса о происхождении религии и атеизма, Т. Ойзерман делает следующее заключение: «На мой взгляд, атеистическая позиция того или иного мыслителя в принципе не может быть объяснена ссылками на какую-либо теорию. Если религия есть вера в существование Бога, вера, которая не считается со всякого рода теоретическими аргументами, то атеизм представляет собой неверие, или веру в то, что Бога не существует. И эта атеистическая вера питается не столько теоретическими аргументами, сколько натурой, темпераментом индивидуума, воспитанием, оказавшим существенное влияние на его духовный склад».[1]

Странно читать подобную сентенцию у доктора философских наук; еще более странно, что данное замечание относиться к атеизму К. Маркса. Все, что пишет здесь Ойзерман касательно атеизма, конечно, имеет место в обыденном сознании людей. Но даже в нем сводить атеизм, в первую очередь, к «натуре», «темпераменту», то есть к физиологии, по меньшей мере, недостаточно. Ибо обыденное сознание базируется в том числе на научных знаниях (или их фрагментах), а главное – на практическом опыте, который и является основным критерием истины.

Помимо атеизма вообще, существует научный атеизм, который утверждает отрицание бога на базе данных конкретных наук, их обобщении и анализе. Приверженцами именно такого атеизма выступали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Более того, основоположники научного коммунизма не только отрицали существование бога на основе естественнонаучных знаний (это атеисты сделали еще до них). Они научно объяснили причины появления религии и ее объективную роль в обществе.

---

1 Ойзерман Т.И. Возникновение марксизма. М.,2011. С.80. Здесь и далее ссылки приводятся по настоящему изданию.

Критикуя марксово определение религии как «вздоха угнетенной твари, сердца бессердечного мира…духа бездушных порядков…*опиума* народа», Т. Ойзерман пишет, что «религия – народное сознание, глубочайшие корни которого, конечно же не сводятся к нищете, обездоленности, угнетению». (С.241.)

Увы, Ойзерман не объясняет, к чему же сводятся корни религии как социального явления. Конечно, религиозные представления и верования основываются не только на обездоленности и угнетенности масс. Но в основе появления религии как иллюзорного сознания как раз лежат антагонистические противоречия классового общества (наряду с неразвитостью научных представлений об окружающем мире, незащищенностью человека перед природной стихией и т. п.)

Несостоятельными являются утверждения Ойзермана и о том, что Маркс-де не разделял религии и церкви, а значит, приписывал реакционный характер церкви самой религии. (С.243,503.) В своей монографии автор приводит многочисленные высказывания Маркса о религии, из которых становится абсолютно ясно, что Карл Маркс четко разделял религию как веру в бога и политическую позицию церкви, базирующуюся, однако, именно на религии.

Реакционность религии Маркс видел не в том, что она сама по себе угнетает людей или является «служанкой» господствующих классов. Как раз это - прерогатива церкви. Наоборот, «*вздох* угнетенной твари, *сердце* бессердечного мира, *дух* бездушных порядков» (разрядка моя – С.Ч.) недвусмысленно говорят о том, что религия – это то немногое (а для большинства людей в то время – единственное), что остается синонимом духовного человека во враждебном ему мире. Религия была единственной отдушиной для человека.

Но в том-то и дело, что религия одновременно была и остается лишь *доброй фантазией* истинной человечности, *подобием* истинно человеческих отношений, этакой успокоительной таблеткой, которая на время снимает боль, но не устраняет е причин. Именно в этом смысле следует понимать выражение Маркса о религии как «опиуме народа».

Реакционность религии К. Маркс видит в том, что религиозность, которая ведет к иллюзии счастья, вместе с тем (в силу своих постулатов) не дает человеку обрести счастье в действительности. «Упразднение религии как *иллюзорного* счастья народа, есть требование его *действительного* счастья. Требование отказа от иллюзий о своем положении есть *требование отказа от такого положения, кото-*

рое нуждается в иллюзиях. Критика религии есть, следовательно, *в зародыше критика той юдоли палача, священным ореолом* которой является религия».[1]

При этом, раскрывая исторический смысл происхождения христианства, основоположники марксизма, наоборот, указывали на революционно-демократический характер раннего христианства, еще не догматизированного церковными институтами.[2] И в наше время немало верующих занимают демократические, социалистические позиции. (Достаточно упомянуть «теологию освобождения» в странах Латинской Америки).

Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали религию не за «эксплуатацию трудящихся», как это представляет Ойзерман, а за утопизм в разрешении коренных вопросов действительности, на разрешение которых религия, однако, всецело претендует. Наконец, многие постулаты религиозных учений прямо способствуют использованию религии церковью и государством в своих классовых целях.

Марксизм и пролетариат

Мнение Ойзермана о том, что приписывание основоположниками марксизма пролетариату особой миссии в уничтожении капитализма – это утопия: пролетариат всегда борется лишь за локальные цели (С.557.), неверно. Сам Теодор Ильич неоднократно убеждал читателей цитатами из Маркса, что уничтожение капитализма есть объективная (то есть независимая от локальных устремлений, конкретного осознания) задача пролетариата, обусловленная не его желаниями, а логикой развития капитализма.

«Дело не в том, в чем в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетариат или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать».[3] Классики марксизма никогда не «обожествляли» пролетариат, приписывая ему всевозможные достоинства. «…В оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение всего человеческого, даже от *видимости* человеческого, так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя».[4]

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1. С.415

2 Там же. Т.22. С.478.

3 Там же. Т.2. С.40.

4 Там же.

Не питали они иллюзий и по поводу какой-то особой классовой солидарности среди пролетариев. «Отдельные индивиды образуют класс лишь постольку, поскольку им приходится вести борьбу против какого-либо другого класса; в остальных отношениях они сами враждебно противостоят друг другу в качестве конкурентов».[1]

Революционность и сплоченность пролетариата вытекали не из его высокой нравственности и культуры, а из особой угнетенности в системе капиталистического разделения труда, которая, наоборот, низводила до минимума уровень человеческого развития рабочего класса, уровень его собственной человечности. Таким образом, главное и единственное преимущество пролетариата как класса – его объективное положение в капиталистическом обществе, а значит, и в ликвидации этого общества.

Позднее, развивая учение о пролетариате К. Каутский и В.И. Ленин доказали, что рабочим изначально не присуще революционное сознание; и именно привнесение этого сознания в борьбу пролетариата есть задача революционной партии. Однако для того чтобы эта логика восторжествовала, рабочий класс должен ее узнать, понять, овладеть ею. Оппортунизм многих исторических событий, связанных с пролетарской борьбой (о чем, так или иначе, упоминает Ойзерман) подтверждает, а не опровергает указанную закономерность.

Этот вопрос имеет и иную грань. Маркс и Энгельс связывали миссию пролетариата в качестве «могильщика капитализма» *главным образом* с отсутствием у рабочего класса минимальных и социальных благ, его положением на «дне» капиталистического общества. Ни один класс не будет ставить и решать революционных задач «пока его к тому не принудят его *непосредственное* положение, *материальная* необходимость, его *собственные цепи*».[2]

Основоположники научного коммунизма не видели возможности реального, качественного улучшения жизни пролетариата при капиталистическом строе. Но изменения социально-экономического и политического положения рабочего класса в лучшую сторону сначала в самых передовых, а с середины XX века – в большинстве стран западной модели развития «выбили» из-под ног пролетариата материальную и социальную основу заинтересованности в пролетарской революции.

1 Там же. Т.3. С.54.

2 Там же. Т.1. С.427.

Это ни в коем случае не означает, что капитализм разрешил свои основные проблемы (в том числе, связанные с рабочим классом). Наоборот, современный глобальный капитализм частично снял старые противоречия путем их перераспределения на основе новых научно-технических возможностей с исключительно пролетариата на другие классы, слои общества; на иные народы и государства – на человечество в целом. Современные противоречия имеют статус глобальных, и многие из них намного опаснее для мира, чем те, которые существовали в эпоху Маркса. Существенно видоизменившись, выйдя на новую ступень, капитализм не изменился в своей агрессивной, античеловечной, антагонистической сущности.

В наше время вопрос *о движущих силах социалистических преобразований* необходимо поставить *заново*; изучить и выявить основные тенденции этого процесса. В данном контексте будет неуместным, как ревизионистское отрицание какой-либо революционной роли рабочего класса в современных условиях, так и догматическое следование *букве* марксистского учения о пролетариате как «гегемоне социалистической революции».

О формальном и реальном снятии частной собственности

В вопросе о частной собственности Т.И. Ойзерман демонстрирует серьезные логические противоречия. Анализируя центральный труд раннего Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года», Ойзерман шаг за шагом идет по пути марксовой логики и показывает, что К. Маркс, во-первых, научно вскрывает причину появления частной собственности и ее преходящий характер, а во-вторых, диалектически объясняет неразрывную связь частной собственности с отчуждением. Причем автор полностью солидаризируется с Марксом в его оценке частной собственности. «Мы показали, что упразднение отчужденного труда, переход от частной собственности к «истинно человеческой», или общественной, собственности Маркс рассматривает как необходимый результат развития сущностных, родовых сил человека». (С.285.)

Но признавая марксово положение об исторически преходящем характере частной собственности, Т. Ойзерман пишет, что «это положение было бы совершенно правильным, если бы Маркс признавал необходимость одновременного существования качественно различных форм собственности. Но в том-то и беда, что для Маркса и Энгельса, как и для их предшественников – утопических социалистов (и

коммунистов) – *ликвидация* частной собственности представляется *абсолютной* необходимостью». (С.275.)

Получается, что научное, грамотное исследование, приведшее к верным выводам это хорошо; но еще лучше… «разбавить» эти верные выводы не совсем верными и неверными вовсе, и подобный «симбиоз» будет лучше отражать реалии. Именно такой трюк – альфа и омега любого ревизионизма. Это все равно, что, исследуя клиническое состояние больного, прийти к выводу о необходимости оперативного вмешательства, но затем, при операции, оставить часть болячки в организме, чтобы она «одновременно сосуществовала» со здоровыми органами.

Ойзерман упрекает Маркса в том, что «понятие положительного упразднения частной собственности остается все же неясным, нераскрытым». (С.284.) Но буквально через несколько страниц следует «открытие», что положительное упразднение частной собственности «предполагает всестороннее развитие сущностных сил человека, а следовательно, и материального производства». (С.288.) «…Положительное упразднение *частной собственности*, - писал К. Маркс – как присвоение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т.е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому* бытию, т.е. *общественному* бытию».[1]

Частная собственность как продукт и одновременно причина отчуждения во всех его проявлениях не может постоянно «сосуществовать» с общественной собственностью. Так как при сохранении частной собственности даже частично, в равной мере сохранится отчуждение, а следовательно, и все связанные с ним негативные процессы. Наконец, в более поздних работах классики марксизма путем более глубокого экономического анализа показали деструктивное влияние частной собственности на производство и общественные процессы.

В наше время сущность частной собственности не изменилась. Другой вопрос, что, с одной стороны, характер ее господства модифицировался, а с другой – под воздействием ряда социально-экономических и политических процессов в XX веке ее влияние серьезно ограничилось. Но *насколько* частная собственность сохранилась, *настолько* сохранились отчуждение (причем в определенных аспектах в нашу эпоху оно даже усилилось), эксплуатация, неравенство, кризисы, насилие.

Ключевая ошибка Т. Ойзермана заключается в том, что подчеркивая гуманизм марксизма, *он отрывает этот гуманизм от его основы – определенных социальных, политических, экономических условий, без которых этот гуманизм не-*

1 Там же. Т.42. С.117.

осуществим.[1] В итоге ойзермановский гуманизм (в отличие от марксистского) идеалистичен по своей сути, хотя на страницах своей книги автор и защищает материалистическое понимание истории.

Проблема снятия частной собственности действительно существует. Но абсолютно не в том ракурсе, как ее поднимает и понимает Т.И. Ойзерман. Проблема заключается в переходе от формального упразднения частной собственности (посредством революции, национализации) к реальному обобществлению. Тот факт, что юридическая ликвидация частной собственности – лишь *первый формальный акт* на пути к реальному обобществлению, к *фактическому* «снятию» частной собственности, практически не рассматривался в советской методологии. Более того, это обстоятельство сознательно и неосознанно (по-видимому, здесь присутствовало и то, и другое) замалчивалось.

Ключевое положение марксистско-ленинской теории воспринималось искаженно-схоластически. Главная *предпосылка* построения бесклассового общества (юридическое упразднение частной собственности), по сути, *отождествлялась с самим этим обществом, с новым строем* (точнее, с его первой фазой – социализмом). Конечно, подобная словесная эквилибристика обставлялась различными ограничениями и переходами, цитированием классиков и проч. Однако сущности это не меняло: фундамент, каркас здания преподносился в качестве самого здания. Сохраняя формальную верность марксизму, преподнося отдельные подвижки в этом направлении в качестве законченных изменений, наши лидеры и теоретики (начиная от Н.И. Бухарина и И.В. Сталина) на словах не отрицали различий формального и реального обобществления, но на практике делали для этого крайне не достаточно.

Э.В. Ильенков по этому поводу отмечал: «Согласно же Марксу, формально-юридическое «обобществление собственности», учреждаемое политической революцией, есть всего-навсего первый (хотя и необходимо первый) шаг, лишь первый этап действительного «обобществления». Он создает лишь формальные – юридические и политические – условия … реального «присвоения человеком отчуждения от него богатства». Подлинная же задача, составляющая «суть» марксизма … действительное освоение каждым индивидом всего накопленного в рамках «частной собственности», (т.е. «отчужденного от него») богатства».[2]

1 Отсюда такие рассуждения автора как: сущность марксизма в реальном гуманизме, а не в упразднении частной собственности. (С.583.)

2 Ильенков Э.В. Философия и культура. М.-Воронеж, 2010. С. 276.

«Упразднение частной собственности … Марксом всегда понималось как процесс органического, революционного преобразования всей «совокупности общественных отношений». <…> Чтобы довести дело док конца, кроме *политической* революции требуется еще и *культурная* революция, революция в сфере разделения труда, преодолевающая социальную «стратификацию» между «материальным» и «духовным» трудом, между городом и деревней и т. д. и т. п., т.е. все по необходимости унаследованные от мира «частной собственности» формы взаимных отношений между людьми, между классами, и слоями индивидов».[1]

К сожалению, в СССР и большинстве других стран «реального социализма» снятия частной собственности *на деле* не произошло. Частная собственность превратилась в собственность общества как такового, по меткому определению Ильенкова, «безличного организма, противостоящего каждому из составляющих его индивидов и олицетворенного в «государстве»». *Коренная ошибка социалистических стран заключалась не в том, что частную собственность стремились упразднить, а в том, что на практике это сделать не сумели.*

Формальная и диалектическая логика

Касаясь общих принципов марксизма, Т. Ойзерман не только их искажает, выхолащивает, но и, к сожалению, прибегает к открытым фальсификациям. В «Анти-Дюринге» «Энгельс вслед за Гегелем утверждает, что существуют абсолютно всеобщие законы движения и развития природы, общества и познания. Однако наукам такого рода законы, якобы определяющие все и вся неизвестны. Следовательно, гегелевское (и марксистское) положение о неких сверхзаконах в принципе неприемлемо. Диалектические процессы, конечно, всеобщи, но они не абсолютно всеобщи. Существуют и недиалектические процессы и закономерности». (С.577.)

В том, что существование каких-либо «сверхзаконов» - ерунда, Ойзерман, безусловно, прав. Но он категорически не прав, когда приписывает данное утверждение Энгельсу. И это вряд ли можно рассматривать просто как ошибку человека, более семидесяти лет профессионально изучающего произведения классиков и что-что, а тексты их основных работ, смеем думать, знающего.

На самом деле, в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс отмечал, что «построение точного мыслительного отображения мировой системы, в которой мы живем, остается как для нашего времени, так и на все времена делом невозможным. <…> Фактически

1 Там же. С.329.

каждое мысленное отображение мировой системы остается ограниченным, объективно-историческими условиями, субъективно-физическими и духовными особенностями его автора».[1]

Касаясь точных наук, Энгельс замечает, что только «*некоторые* результаты этих наук представляют собой вечные истины». Однако в общественных дисциплинах «познание … носит … по существу относительный характер». Причем Энгельс не только постулирует данные принципы, но и дает подробное диалектическое обоснование относительности любой истины.[2]

Тот факт, что существуют недиалектические процессы в мире, К. Маркс отмечал уже в своих ранних работах. (И Т. Ойзерман приводит замечания Маркса по этому поводу на страницах своей книги.) В «Критике гегелевской философии права» Маркс делает вывод: «Действительные крайности не могут быть опосредованы именно потому, что они являются действительными крайностями. Но они и не требуют никакого опосредования, ибо они противоположны друг другу по своей сущности. Они не имеют между собой ничего общего, они не тяготеют к друг другу, они не дополняют друг друга. Одна крайность не носит в себе самой стремление к другой крайности, потребность в ней или ее предвосхищение».[3] Такая постановка проблемы в принципе исключает смешение действительных противоположностей.

Кроме того, существуют понятия *разных сущностно-логических порядков*, которые не находятся в диалектической связи друг с другом. «Естественно, сравнивать и сопоставлять можно только однородные предметы. Бессмысленно сравнивать пуды с аршинами, а вкус бифштекса – с диагональю квадрата. И если нам все-таки захочется сравнить бифштекс с квадратом, то мы будем сравнивать уже не «бифштекс» и «квадрат», а два предмета, одинаково обладающие геометрической, пространственной формой. «Специфические» же свойства того и другого в сопоставлении вообще участвовать не могут».[4]

Диалектическая логика не отвергает формальную, а уточняет, конкретизирует ее в рамках *диалектического* противоречия. Там, где оно существует (то есть противоположности взаимосвязаны и взаимодействуют в рамках одного предмета, явления). Любое формально-логическое построение (либо А, либо Б) не пригодно.

1 Энгельс. Ф. Анти-Дюринг. М.,1988. С.32.

2 Там же. С.84-88.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.1. С.321.

4 Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.,2010. С.20.

К примеру, феодальная раздробленность на Руси XII – XV веков имела как положительные, так и отрицательные последствия; и выделять только одну группу последствий, значит не видеть объективной противоречивости процесса, заключенной в нем самом.

Там же, где противоречие формальное, недиалектическое, соблюдать законы формальной логики необходимо. Если мы видим дом и говорим, что это скульптура, то естественно, это не отражение объективной действительности рассматриваемого предмета, а элементарное отсутствие формально-логического мышления. Если мы замечаем на предприятии грязь, хаос, непоследовательность в принятии решений со стороны начальства, но при этом твердо убеждены, что наш руководитель – хороший организатор – это из той же «оперы». В данном случае - налицо несоответствие между понятием и его дефиницией, которая прямо противоположна понятию.

К сожалению, такие примеры не единичны. Многие люди даже не усматривают здесь никакого противоречия. Но если не разбираться в формальной логике (более простой, видимой), то нельзя овладеть логикой диалектической.

Более того, диалектика, оторванная от логики, диалектика «вообще» (« с одной стороны, но с другой…»), без учета конкретной действительности, конкретных обстоятельств и даже их нюансов – пустая абстракция, схоластика. Она, по сути, смыкается с софистикой и превращается в словесную эквилибристику, в подчас напыщенные, но по существу дешевые упражнения в риторике. Такая диалектика всегда идеалистична, ибо не отражает объективную реальность, а конструируется умозрительно. Если, например, мы делаем вывод, что «Гитлер – преступник», то никакая «диалектика» типа «с одной стороны, это так, но, с точки зрения нацистов, он – великий вождь» не может поколебать логической сути нашего умозаключения. Данная «диалектика» - не более чем демагогия, софистика.

Софистика и демагогия всегда рядятся в одежды диалектики и служат основным оружием для политиканов, популистов, бюрократов и т.д. Особенно в наше время, когда большинство законов в России составлено так казуистично, что не составляет никакого труда с помощью подобного оружия обосновать и оправдать любое нарушение этих законов, любой просчет и даже преступление.

Итак, диалектика как теория познания имеет свои *пределы.* Она отражает объективную противоположность реального мира. Там, где противоречия разрешены, преодолены или вообще не существуют (заяц есть заяц, а не кто-нибудь еще; и к этому вопросу опять же нельзя подойти с разных сторон, с разных точек зре-

ния), там они соответственно не будут существовать и в логике, в мышлении. Не будут они диалектичными и в тех случаях, когда противоречия существуют, но не являются противоположностями («заяц – млекопитающее, но быстрый»). Во всех этих случаях в свои права вступает формальная логика.

Считая диалектику универсальным методом познания мира (в силу универсальности диалектических процессов в нем самом), К. Маркс и Ф. Энгельс *никогда не считали диалектическую логику законченной, а тем более абсолютной (в смысле догматической выстроенности) наукой.* «Теоретическое мышление каждой эпохи… это – исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и вместе с тем очень различное содержание. <…> …Теория законов мышления отнюдь не есть какая-то раз навсегда установленная «вечная истина», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль».[1]

Не случайно, по прошествии значительного времени многие выдающиеся философы-марксисты от В.И. Ленина до Э.В. Ильенкова и В.А. Вазюлина считали крайне важным формирование диалектической логики как науки, то есть создание более-менее универсальной системы категорий для решения конкретных проблем конкретных наук. К сожалению, данная задача не решена до сих пор.

Но даже если бы она была решена, все равно диалектика не приобрела бы «абсолютно законченный вид», а только адекватно отражала бы реалии текущей эпохи, данного исторического периода. Так как с изменением эпохи (господствующих общественных отношений, уровня развития различных наук и проч.) изменилась бы и сама диалектика (как по содержанию, так и по форме): возможно появление новых категорий, локальных методов исследований и т. п.

Сами законы по своей сути историчны. Это стопроцентно относится к законам общественно-политическим и в определенной (а в рамках одной эпохи – в значительной) степени можно отнести ко многим законам развития природы и человека. В таком случае главной задачей людей является изучение и понимание этих закономерностей, но не для того, чтобы очертить себе некую границу, за которую наша деятельность не имеет права выходить. Главная задача нашего познания должна заключаться в том, какие из закономерностей абсолютны, какие непреодолимы в данный момент или в ближайшее время, а какие мы в силах преодолеть, изменить.

Ибо сами законы не метафизичные, абстрактные величины, стоящие над человеком. Люди своей жизнедеятельностью *включены* в формирование обществен-

1 Энгельс. Ф. Анти-Дюринг. С.337-338.

ных и большинства природных закономерностей, *влияют на них, видоизменяют и трансформируют их.* Поэтому в рамках исторического развития под воздействием людей *изменяются* и сами законы. Меняется, *существенно сужаясь*, сама необходимость, ограничивающая свободную жизнедеятельность людей.

За тысячелетия своего развития человек значительно изменился физически и физиологически: он стал сильнее, выносливее, выше, умнее и т.д. Результаты в беге, поднятии тяжестей, работы мозга, которые еще двести-сто лет назад казались фантастикой, в настоящее время стали явью. То есть, там, где раньше люди были ограничены собственной природой, теперь они более свободны.

То же самое обстоит с общественно-политическими установками. Практически полная несвобода человека в условиях рабства сменилась посредством прогрессивного экономического развития, длительной общественно-политической борьбы значительным, если не гигантским, расширением общественной свободы. Законы времен Навуходоносора и Хаммурапи, являвшиеся необходимостью, ограничившую свободу непреодолимой стеной для той эпохи, в наше время являются лишь предметом исторического исследования.

Даже законы природы, наиболее универсальные и абсолютные из всех, с которыми должен считаться в своей деятельности человек, историчны. Для первобытных людей грозы и молнии, ураганы и наводнения нередко являлись непреодолимой преградой не только для деятельности, но и для жизни. И на тот период развития человечества эти преграды были объективны и закономерны. Развитие производства и человеческой мысли, физических и интеллектуальных сил и возможностей людей, великий путь цивилизации от мотыги к трактору, от телеги к самолету, гигантское количество открытий и, следовательно, преобразований кардинальным образом изменили существование человека в природе, существенно снизив его зависимость от природных явлений.

Если бы не было изменений в исторических закономерностях в результате неуклонной борьбы человечества с теми или иными обстоятельствами, люди до сих пор жили в рабстве, пахали сохой и ездили на телеге…

Ключевой вопрос современной диалектики - проблема противоречия. Однако в условиях развитого неантагонистического общества, когда все превращенные формы отношений человека к окружающему миру и друг другу будут максимально сняты, любое отчуждение до возможного предела будет сведено на нет,

большинства современных противоречий между объектами, субъектами, а также внутри самих объектов, субъектов *не будет*.[1]

Конечно, сохранятся определенные противоположности, взаимосвязь между различными явлениями, законы диалектики. Однако, в силу снятия многих современных противоречий, *связь между противоположностями, характер их развития приобретут качественно иной смысл*. *Сущность диалектики общественного развития станут дополнение друг к другу, симбиоз, гармония различных элементов. Диалектическое отрицание, или снятие, будет в значительно большей мере сохранять, удерживать предыдущее развитие. Вполне вероятным представляется, что ход исторического процесса станет менее противоречивым, «спиралевидным». А случайность будет иметь гораздо меньшее значение в истории.*

Потребуются новые способы исследования, новые положения, выводы, возможно, - и новые философские категории. Значит, качественно трансформируются диалектические законы, в особенности закон единства и борьбы противоположностей.

Социалистическая революция: объективные предпосылки и субъективный фактор

Относительно революции и проблемы перехода к некапиталистическому обществу Т.Ойзерман возражает марксизму следующим образом: во-первых, предыдущий переход от одного способа производства к другому в большинстве своем происходил эволюционно, а во-вторых, во взглядах основоположников есть существенное противоречие; они выступали за ликвидацию капитализма на достаточно высокой ступени его развития и одновременно рассуждали о скорой социалистической революции. (С.465,459.)

Что касается первого замечания, то К.Маркс и Ф. Энгельс никогда не утверждали, что рабовладельческий строй погиб из-за революции рабов. Но полный распад рабовладения произошел не «естественным» путем, а под ударами нового строя – зародившихся феодальных государств. Феодализму же, несомненно, решающий удар нанесли буржуазные революции XVII –XVIII веков. Если бы не они, неизвест-

1 Данное замечание относится, в первую очередь, к диалектике общественной жизни. В природе, науке, ряде других областей противоречия, конечно, сохранятся. Но опосредованные качественно новыми общественными отношениями, они тоже приобретут иной, менее антагонистический, деструктивный вид.

но, сколько бы еще просуществовал феодализм, какие бы опасные для общества он принял формы агонии.[1]

Но главное заключается в другом. Капитализм в отличие от предыдущих формаций формирует *иные*, более антагонистические, противоречия, *иной*, более глубокий их масштаб, а значит, создает *иные* условия для их разрешения. Между переходом от одного классового, эксплуататорского общества к другому и переходом от классового, эксплуататорского общества в целом к бесклассовому, неэксплуататорскому обществу существует колоссальная разница в причинах, условиях, средствах, движущих целях, характере изменений и т. д. «…Построение коммунизма предполагает в практическом плане коренное преобразование не только тех общественных отношений, которые сложились при капитализме, но и всего того, что наследуется от *всей* прежней истории человечества…».[2]

Капитализм как высший тип классового общества порождает *условия* собственного отрицания, но *не само отрицание* в завершенном виде. Современный исследователь В.В. Шапинов справедливо замечает: «Развиваясь, производительные силы вовсе не наталкиваются как на некую преграду на производственные отношения капитализма и «требуют» революции. Чисто экономическое развитие продолжается. <…> Сами по себе они превращаются из производительных сил в разрушительные силы, делая все более реальной не альтернативу «социализм или варварство», а альтернативу «социализм или смерть».[3]

И здесь мы подходим к той амбивалентности в теории марксизма, о которой пишет Ойзерман. В «Предисловии. К критике политической экономии» К. Маркс писал, что противоречия между производительными силами и производственными отношениями – главная предпосылка социальных революций. При этом «ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появятся раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества».[4] Об опасности забегания вперед при отсутствии для этого соответствующих исторических

1 Анклавы и элементы феодализма даже в рамках капиталистического способа производства, там, где не было буржуазных революций, просуществовали еще, как минимум, два столетия, а кое-где, приобретя новые формы, существуют до сих пор.

2 Вазюлин В.А. Логика истории. Вопросы теории и методологии. М.,2005. С.298.

3 Шапинов В.В. Империализм от Ленина до Путина. М.,2007. С.233-234.

4 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С.7-8.

условий, что в итоге может привести к отбрасыванию движения назад, предупреждал и Ф. Энгельс.[1]

С другой стороны, Маркс и Энгельс не однократно подчеркивали необходимость и возможность скорой пролетарской революции. В этом отношении представляет интерес замечание К. Маркса на книгу М.А. Бакунина «Государственность и анархия»: «…Если … не исчезнут еще экономические условия, на которых основывается классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы, и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен».[2]

Основоположники научного коммунизма, вопреки мнению немалого числа своих сторонников и противников, не были апологетами экономического детерминизма, «естественно-исторического процесса», исключающего влияние революционной, творческой активности субъекта, масс. (Хотя их отдельные высказывания на этот счет могли создать подобное впечатление, на что прямо указывал Энгельс в «Письмах об историческом материализме»). «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств, - констатировал К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», - … забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми… <… > Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*».[3]

Есть ли в этих высказываниях противоречие? Несомненно, но только диалектическое. Для преодоления капиталистических отношений необходим *определенный* уровень развития производительных сил. Классики марксизма никогда не выводили точных количественных показателей этого развития, ибо сделать это можно только, анализируя специфические социально-экономическое развитие конкретной страны; а универсальных показателей здесь не существует.

Если отбросить стадию генезиса капитализма, которую абсолютное большинство стран давно прошло, любой капитализм, по сути, содержит в себе революционное противоречие, в первую очередь, между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Однако, как мы уже отмечали, это противоречие не разрешается само по себе и тем более позитивно. Оно создается определенными отношениями между людь-

1 Там же. Т.28. С.490-491.

2 Там же. Т.18. С.611.

3 Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т.1. М.,1985. С.2.

ми, а значит, может быть разрешено только посредством деятельной активности людей. Господствующие классы, слои капиталистического общества никогда не допустят действительного разрешения противоречий мирным путем – отсюда вытекает необходимость социальной революции для *большинства* стран. (И опыт социальных процессов XX века в целом это подтвердил.)

Весь ход истории, тщательно проанализированный Марксом и Энгельсом, демонстрирует, что отжившие, негативные социальные явления могут еще долго функционировать со всеми вытекающими отсюда разрушительными последствиями, если их не ликвидировать насильственно.[1] В данном контексте следует понимать слова Маркса о насильственном развитии и даже ускорении общественного процесса.

Другой вопрос, необходимо строго различать политическую революцию, *в тенденции* направленную на генезис социалистических отношений, и само строительство социализма. Как подтвердил опыт Октября и других антикапиталистических революций прошлого века, первоначально (и весьма длительное время) после революции деятельность нового государства направлена на демократическое завершение, максимальную «достройку» капиталистических отношений и преобразований наряду с параллельным появлением ростков нового строя. (Преобразований, которых *в такой плоскости* большинство капиталистических правительств никогда не проведет.)

К. Маркс и Ф. Энгельс обозначили эту проблему, задав парадигму дальнейших теоретических исследований. Целостной концепции корреляции между уровнем развития капитализма и социалистической революцией они не сформулировали. И главный вопрос, на который предстояло ответить в будущем, стоял так: как определить *грань*, до которой совершать революцию «еще рано» и перейдя которую будет «уже поздно». Об этот «Рубикон» в XX веке разбилось много революционных движений, неверно расставлявших приоритеты, впадавших в одну из крайностей (от меньшевиков, социал-демократов, с одной стороны, до «красных бригад» - с другой.)

В начале прошлого века В.И. Ленин обозначил проблему, которая еще не обсуждалась в марксизме. Для социалистической революции необходим материально-технический базис, который создается, как минимум, зрелым капитализмом. Но зрелый капитализм, в силу накопленных ресурсов, опыта управления и манипуля-

1 Если обратиться к аналогии с медициной, то, например, пока катаракта у больного не созрела, ее оперировать нельзя. Но затем катаракта сама по себе никуда не денется, не «перерастет» себя; и если ее не удалить – человек ослепнет.

ции общественным сознанием и проч., с одной стороны, максимально укрепляет государство как аппарат подавления революционной борьбы, а с другой – несколько улучшает условия жизни трудящихся, существенно снижая тем самым градус их революционной активности. Наконец, как быть в условиях всеобъемлющего кризиса, сложившейся острой революционной ситуации при относительно слабом уровне экономического развития?

В этом заключается глубокий теоретический смысл ленинской концепции «вчера - рано, завтра – поздно» применительно не только к октябрьскому вооруженному восстанию. Нахождение этой грани Ленин видит исключительно в анализе конкретной ситуации, в конкретной политической борьбе. Только политическая практика, скрупулезный анализ разнонаправленных объективных тенденций могут разрешить данную проблему. «...Задача состоит в том … чтобы уметь приложить общие и основные принципы коммунизма к тому *своеобразию* отношений между классами и партиями, к тому *своеобразию* в объективном развитии к коммунизму, которое свойственно каждой отдельной стране и которое надо уметь изучить, найти, угадать».[1]

Понимая уровень социально-экономического развития как *предпосылку, условие* социалистической революции, но *не считая его автоматически «делающим» саму революцию*, В.И. Ленин разработал учение о революционной ситуации, которое существенным образом обогатило марксизм именно в аспекте *соотнесения революции с ее объективными предпосылками.*

Революционная ситуация сопряжена не только с общественно-экономическим кризисом, но и с активными выступлениями масс против этого кризиса и его причин. Однако для революции просто народного недовольства (даже материализованного в стачках, демонстрациях и проч.) недостаточно. «Потому что не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяется способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уронят».[2]

«Никогда не упадет, если его не уронят» - ключевая фраза ленинской мысли. Сущность ленинской интерпретации, развития марксизма – его максимальное со-

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.41. С.74.

2 Там же. Т.26. С.219.

единение с практикой, повседневностью. Где роль политического сознания является, по сути, равнозначной (а в отдельные исторические моменты – и более важной) объективной ситуации в стране. Отсюда вытекают учение о партии, споры по, казалось бы, второстепенным философским вопросам и многое другое.

«Его (Ленина - С.Ч.) точка зрения не ограничивается использованием в интересах пролетариата «реального хода событий»; она значительно шире, ибо охватывает не только данное, но и «должное», т.е. рассматривает историческое развитие общества в связи с потенциально возможным преобразованием практической деятельности революционных классов. <…> Не закономерность плюс индивидуальные отклонения … а закономерность как конфликт и равнодействующая объективных тенденций, заключающая в себе разные возможности исторического движения, - вот что должно, по Ленину, стать предметом рассмотрения.»[1]

Именно эту диалектику В.И. Ленин воплотил в Октябрьскую революцию, а затем экстраполировал на мировое развитие в будущем. Отвечая меньшевикам, он писал: «Для создания социализма, говорите вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны? <…> *Иначе вообще не могут делаться революции* (курсив мой – С.Ч.)… Дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить … несомненно, больше своеобразия, чем русская революция».[2]

Общая тенденция развития революционного движения в XX веке полностью подтвердила ленинскую формулу революции. Для победы социалистической революции, конечно, необходим минимальный уровень материально-технического развития (на котором в принципе базируется любой капитализм), но не настолько высокий, как это представляли Маркс и Энгельс (которые связывали мировую революцию с передовыми странами). Этот фундамент *уже* позволяет достичь достаточных для революции уровня классового сознания трудящихся и материально-технической оснащенности страны, но при этом *еще* не позволяет буржуазии подавить или заглушить борьбу. (В силу невысокого уровня социально-экономиче-

1 Пантин И.К. Ленин как политический мыслитель // Философия политического действия. Из истории левой политической мысли XX века. М., 2010. С.87.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.381.

ского развития страна не может создать видимость политической демократии и повысить жизненный уровень народа до предела, достаточного для исключительно экономических требований со стороны трудящихся.) Однако этого уровня недостаточно для строительства социализма, поэтому необходим довольно длительный переходный период для «подтягивания» производительных сил к новым производственным отношениям.

Конечно, резонным будет вопрос: зачем проводить революцию, сопряженную, как правило, с многочисленными жертвами и лишениями, если капитализм постепенно эволюционирует в сторону улучшения условий жизни большинства трудящихся. Коренная ошибка такой позиции заключается в том, что, во-первых, не будь революционной борьбы, капитализм добровольно никогда не пришел бы к социальной составляющей своего базиса; а во-вторых, социальное благополучие было характерно и характерно сейчас для относительно небольшого числа стран. При этом неблагополучие всех других народов (периферии) есть основа процветания «золотого миллиарда». Капитализм как мировая система никогда не допустит серьезных изменений в этом дисбалансе…[1]

Объективная реальность, объективная диалектика являются неоднозначными, противоречивыми, задают различные векторы социального развития. «Существует взаимодействие всех … моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь *бесконечное множество случайностей* … В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени».[2]

Каждая задача общественного развития, в отличие о математической, часто имеет не одно, а несколько решений. И здесь крайне важной становится диалектика субъективная: знания, опыт, воля, идейный выбор, умение мыслить, действовать, принимать решения. Политическое решение играет не меньшую роль, чем объективные экономические обстоятельства. Материализуясь практически, оно также становится объективной предпосылкой других событий. То есть политическая воля способна и должна *воздействовать на объективную реальность, преобразовывать ее, соответственно, становясь частью этой меняющейся действительности.*

1 Капитализм как мировая система еще со времен колониализма установил, а в наше время довел до совершенства мировое разделение труда, при котором подавляющая часть мира, абсолютное большинство стран являются периферией мирового сообщества со всеми вытекающими отсюда последствиями. (См. об этом: Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.,2009.)

2 Энгельс Ф. Письма об историческом материализме. 1890-1894. М.,1983. С.5-6.

«Маркс, - отмечал Э. Че Гевара, - думал об освобождении человека и рассматривал коммунизм как решение противоречий, породивших его отчуждение, и в то же время как сознательный акт. Следует отметить, что коммунизм не может рассматриваться только как объективный результат развития классовых противоречий в высокоразвитом обществе, которые разрешались бы в переходный период на пути к достижению вершины; человек – сознательное действующее лицо истории. Вне этого *сознания*, включающего и осознание себя как части общества, не может быть коммунизма».[1]

Даже при верном методе исследования, фиксации всех противоположностей и противоречий в их взаимодействии и историческом срезе в зависимости от идейной позиции, целей можно и должно прийти к разным выводам о путях дальнейшего развития. Именно это имел в виду Ленин, критикуя оппортунистов: «они все называют себя марксистами, но понимают марксизм до невозможной степени педантски. Решающего в марксизме они совершенно не поняли: именно, его революционной диалектики».[2]

Полагаем, что понятие «революционная диалектика» трактуется здесь двояко. И как отказ от любых догм, утративших свое значение положений классической теории; привнесение в теорию новых идей. И как применение диалектического метода не для простой фиксации объективности, «примирения» с ней, а для поиска в каждой ситуации средств и способов ее радикального, позитивного преобразования…

Коммунизм: идеал или действительное движение?

Цитируя «Немецкую идеологию», где говорится о том, что коммунизм не идеал, а действительное движение, уничтожающее теперешнее состояние, Т. Ойзерман пишет: «Это положение явно не согласуется с другими положениями «Немецкой идеологии», характеризующими коммунизм как *посткапиталистическое* общество, т.е. как состояние, которое должно быть установлено и, конечно, как *идеал*, т.е. конечная цель освободительного движения рабочего класса» (С.467.)

Здесь налицо явное непонимание марксовой диалектики. Несомненно, К. Маркс и Ф. Энгельс постулировали коммунизм как посткапиталистическое общество. Однако это не противоречит интерпретации коммунизма как движения, *развивающе-*

1 Че Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М.,2006. С.376-377.

2 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.378.

гося, противоречивого процесса, не сводимого к раз и навсегда сформулированным тезисам, обозначенным рамкам и схемам.

Уже на закате своей научной деятельности Ф. Энгельс отмечал: «Так называемое «социалистическое общество» не является… какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общественной собственности… на все средства производства».[1]

Так как социализм, коммунизм не есть идеал, «конец истории» основоположники марксизма никогда не рассматривали детально будущее общество, обозначая лишь его сущностные черты. Ставить знак равенства между ближайшим (пусть и исторически довольно растянутым) этапом посткапиталистического развития и дальнейшим развитием, интерпретировать дальнейшее развитие как «идеал», «конечную цель» неправомерно. «Коммунизм есть необходимая форма… ближайшего будущего, но как таковой коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества».[2]

Истоки и смысл современного капитализма

Рассмотрим взгляды Т.И. Ойзермана на капитализм. «Какого-либо конфликта между производительными силами буржуазного общества и капиталистическими производственными отношениями, вопреки многочисленным утверждениям Маркса, Энгельса и их последователей не наблюдается. Нет, следовательно, экономической основы для так называемой коммунистической революции, понятие которой является одной из основных утопических характеристик марксизма». (С.465)

Поразительно, как академик Ойзерман, анализируя шаг за шагом становление марксизма и практически все время соглашаясь с доводами его основоположников, приходит к данному выводу.

Конфликт между производительными силами и производственными отношениями при капитализме, и в первую очередь – между общественным характером производства и частным способом присвоения – это не «утверждения» Маркса, Энгельса и их последователей, а выводы ставшие результатом научного исследования капиталистического строя, достигшего максимальной зрелости и фундаментальности в «Капитале». В отличие от К. Маркса Ойзерман как раз только голо-

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.37. С.380.

2 Там же. Т.42. С.127.

словно утверждает об отсутствии такого конфликта при капитализме, не подтверждая свой тезис фактами.

Экономические кризисы и безработица, войны и революции. Голод и насилие, неравенство и межнациональные конфликты, отчуждение и нравственная деградация – все это последствия основного противоречия капитализма. Отрицая это, Т. Ойзерман позиционирует себя уже не как ревизионист (ибо даже правые ревизионисты не отрицают противоречий капиталистической системы; просто они считают их неантагонистическими, разрешимыми в рамках самого капитализма), а как антикоммунист, апологет капитала.

Конечно, со второй половины XX века капитализм качественно изменился. Он сумел сгладить, нивелировать некоторые противоречия, но *не разрешить* их. При этом современный капитализм в лице глобализма породил новые проблемы, угрожающие существованию человечества в целом. И утопией как раз является положение о том, что капитализм имманентно преодолеет свои «родимые пятна» и мирно «перерастет» в социализм посредством государственного регулирования, акционирования и проч.

Тот факт, что капитализм «социализируется», то есть достигает максимально возможных для этого строя пределов обобществления, а также постепенно улучшает в целом материальное положение трудящихся, видели еще классики марксизма. «…В целом с ростом организованности рабочих растет и их сопротивление, так что общее положение рабочих,- в среднем – несколько улучшается, и никакой кризис не может снова свести его на продолжительное время *ниже* или даже только *до* исходного пункта…»[1]

Ф. Энгельс отмечал также, что «противодействие мощно возрастающих производительных сил их капиталистическому характеру, эта возрастающая необходимость признания их общественной природы принуждает класс самих капиталистов все чаще и чаще обращаться с ними, насколько это вообще возможно при капиталистических отношениях, как с общественными производительными силами <…> Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожает капиталистического характера производительных сил»[2]

Аналогичные тенденции при империализме выделял В.И. Ленин. «Некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность,

1 Там же. Соч. Т.38. С.50.

2 Энгельс. Ф. Анти-Дюринг. С.281,283.

когда по всей линии сложились и обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». Главной такой чертой империализма Ленин называет монополию.[1]

Хотя В.И. Ленин, в отличие от К. Каутского, проглядел возможность появления у капитализма новой, более высокой по сравнению с империализмом, стадии развития, он также замечает определенное улучшение положения части трудящихся и дальнейший быстрый рост капитализма.[2]

В наши дни диалектика капитализма получила дальнейшее развитие, вышла на качественно иной уровень. С одной стороны, происходит дальнейшее обобществление производства, развитие ассоциированных форм собственности, дальнейшее улучшение социальной политики. И в этом отношении поздний капитализм все больше приближается к социализму, развивает основы своего самоотрицания.[3]

С другой – степень подчинения человека капиталу, степень поглощения человеческих отношений превратными, отчужденными формами бытия значительно возросла. «Капитализм в центре подчинил себе все фазы воспроизводственного процесса. На полностью капиталистическую основу поставлено воспроизводство рабочей силы и даже человека в его целостности. Капитал овладел не только рабочим временем, но и свободным временем человека, подвергая его всестороннему манипулированию через рекламу и маркетинг, через политические технологии, через масс-культуру. На капиталистическую основу переведены отношения, регулирующие процессы творческой деятельности (чего не мог добиться даже индустриальный капитализм)»[4] Генезис этих процессов, которым еще в 60-е годы дал блестящую характеристику М.А. Лифшиц, следует отнести к середине XX века.

«Мы часто слышим, что современный капитализм оставил далеко позади закон абсолютного обнищания. Поскольку речь идёт о завоеваниях трудящихся, это отчасти так. Однако закон, открытый Марксом, возвращается в другом виде. Во-первых, все удобства жизни, достигнутые массами в богатых капиталистических странах, куплены ценой такого нервного напряжения на производстве и в обыденной жизни, что баланс утрат и приобретений становится недостаточно ясным. Во-вто-

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. С.385-386.

2 Там же. С.403-406,422-423.

3 См.: Бузгалин А.В. «Социальный капитал» как превратная форма генезиса посткапиталистических отношений // Альтернативы. 2010. №4. С.4-32.

4 Колганов А.И. Современный социализм. Марксистская версия // Альтернативы. 2009. №1. С.127.

рых, подъём производительных сил и культуры делает средства развития не менее важными, чем средства существования. На этом историческом фоне растущая духовная нищета вполне заменяет физическую. В-третьих, что наиболее важно, свобода – тоже потребность, и голод в этой области, признаваемый всеми свидетелями прямо или косвенно, есть самое большое лишение.

И если в наши дни значительный слой вольноотпущенников капитализма живёт достаточно сытно, то эти люди каждый день чувствуют своё ничтожество. Вот почему они опьяняют себя новизной потребления, гонятся за престижем и мстят другим, сознавая своё бессилие. Все эти психологические симптомы описаны теперь в неисчислимом количестве книг и статей, которые скоро можно будет изучать методами статистики. Отсюда массовое сознание неполноты жизни, или, как сегодня говорят, неустройства среди культуры»…[1]

В недрах любого общественно-экономического строя на определенной стадии формируется зародыш нового строя, новых общественных отношений. Постепенно ростки этих новых отношений укрепляются, начинают играть определенную роль, могут образовывать новый уклад в рамках старого строя и, во всяком случае, влияют на старый строй в целом, трансформируя, видоизменяя его до определенных пределов.

Но старый строй прекрасно видит эти «определенные пределы», то есть ту границу, перейдя которую, новые отношения в рамках старого строя (которые пока и подрывают его основу, и одновременно укрепляют его, нивелируя часть противоречий) ломают эти рамки, саму старую формацию и формируют новый способ производства. И, естественно, старается не допустить перехода этой границы. Как мы уже отмечали, сама по себе, «естественным путем» эта граница не может быть преодолена. Ибо капиталистическое государство, класс собственников, управленцев никогда не допустят собственной классовой гибели. Значит, только борьба свержение капитала способна вывести человечество на принципиально новый этап развития…

О вкладе В.И. Ленина в марксизм

Если К. Маркса и Ф.Энгельса Т. Ойзерман снисходительно «поправляет» и «корректирует», то В.И. Ленина автор безапелляционно обвиняет. Суть ойзермановской критики такова: если Маркс и Энгельс своей революционностью «искази-

1 Лифшиц М. Нравственное значение Октябрьской революции // http://scepsis.ru/library/id_184.html

ли» гуманистический идеал своей доктрины, то Ленин «исказил» марксизм в целом, придав ему полностью догматический, антидемократический характер. Смысл сего оппортунистического действа хорошо известен с давних времен: деформировать революционную сущность марксизма, педалируя частности путем возведения частных ошибок и неточностей в ранг концептуальных и, наоборот, низведение кардинальных идей в ранг локальных, отрыва одних положений от других, передергивания базовых идей под флагом их обновления, противопоставления классиков друг другу и т. д.

Как мы уже отмечали, именно В.И. Ленин обогатил марксизм целостной концепцией политической революции. Лидер большевиков существенно развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о необходимости организации пролетариата. Создание партии на основе демократического централизма придало этой идее законченный и единственно возможный для России того времени вид. Еще до Ленина высказывались мысли о политической слабости и других серьезных недостатках пролетариата. Указанной точки зрения придерживался Н.Г. Чернышевский, а среди основателей российской социал-демократии – П.Б. Аксельрод.[1] Заслуга Ленина состояла в том, что он преобразовал все эти отдельные мысли и замечания в стройную концепцию, реально осуществив ее на практике.

«Главное достоинство логики «Капитала» заключается в том, что процесс выделения категорий совершается в ходе анализа последовательного ряда фактов, в ходе движения мысли от факта к факту по пути систематического углубления понимания их универсальной взаимосвязи».[2] Исходя из данного замечания, становится понятно, что любой новый анализ подразумевает *новые* факты, а значит, *новый* анализ; углубление и уточнение уже этих, новых фактов. По сути, это уже *принципиально иное, новое исследование*, в котором от старого, от «эталона» берутся полученные предыдущим исследователем выводы и метод продвижения к истине.

Колоссальная заслуга Ленина состоит в том, что он сумел применить теорию марксизма к практике. И это его заслуга не только как политика, но и как теоретика. Ибо теория не есть отвлеченная схема, «сумма примеров», а фундамент для практической деятельности. Она не заменяет собой эту деятельность, не формирует ее абсолютную заданность. Не программирует ее средства и результат. Применение теоретических постулатов на практике (особенно в глобальных историче-

1 Ингерфлом К.С. Несостоявшийся гражданин. Русские корни ленинизма. М.,1993. С.194-199.

2 Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.208.

ских процессах) всегда в той или иной мере *раскрывает, углубляет, видоизменяет, уточняет и пополняет* теорию.

Но фундамент – это только основа здания, но не само сооружение в целом. На одном и том же фундаменте появляются различные здания. Поэтому грамотное применение теории с масштабным практическим результатом – это всегда ее *развитие*.

Учение о партии нового типа, идея о союзе пролетариата с крестьянством, тезис о ведущей роли рабочего класса в буржуазной революции, положение о приоритете политической революции над завершенностью экономических предпосылок для такой революции в условиях неравномерности мирового капиталистического развития и многое другое – неоспоримый вклад Ленина в марксизм. Вклад и в узком смысле – как метод применения марксистской теории к России и странам с аналогичной социально-экономической и политической спецификой; и в широком - как способ развития теории вообще, в иных условиях, при решении других задач).

И «Капитал» - это, в первую очередь, анализ конкретных явлений капиталистической экономики. Но метод, применяемый Марксом – ключ для анализа любых иных общественных явлений. Однако этот ключ не волшебная «отмычка», «пароль», вводимый в компьютер, после чего на сайте открывается та или иная страница. Особенность данного «ключа» в том, что он задает параметры, вектор исследования. Открывает верную дорогу на пути к истине. Но как ученый пройдет эту дорогу, дойдет ли он до конца, не заблудится ли, не свернет с пути – зависит, конечно, от самого исследователя.

Выделяя собственно философию в теории марксизма, следует отметить роль В.И. Ленина в формировании нового понимания материальности в свете новейших достижений естествознания. Философские труды Ленина – это значительное продвижение от догматического, метафизического материализма к материализму «умному», диалектическому. Ленину удалось соединить философию с практикой, показать, что философская позиция, определенный тип мировоззрения ведут к глубоким последствиям в практической деятельности.

«Ленин в начале века как раз и был тем единственным марксистом, который понял и оценил все огромное *мировоззренческое* значение гносеологии и логики. Значение, которого не поняли, не оценили тогда ни Каутский, ни даже Плеханов, не говоря уже о других марксистах».[1]

1 Там же. С.302.

«Марксистское понимание отношения общественного сознания к общественному бытию нередко искажалось последователями основоположников марксизма. Так, Ленин интерпретировал общественное бытие как существующую безотносительно к сознанию людей реальность. Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимо от сознания, от ощущений, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества». Такое представление об общественном бытии, как исключающем сознание, духовную жизнь общества, превращает бытие в некую *бездуховную* реальность, не имеющую ничего общего с действительной жизнью общества» (С.477)

Академик вырывает приведенную выше ленинскую цитату из контекста работы «Материализм и эмпириокритицизм». Почему бы Ойзерману для научной объективности не привести следующее ленинское замечание из того же труда: «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна.[1] Или утверждение из «Философских тетрадей»: «Мысль о превращении идеального в реальное *глубока:* очень важна для истории. Но и в личной жизни человека видно, что тут много правды. Против вульгарного материализма. <…> Различие идеального от материального тоже не безусловно…».[2]

Уже из этих рассуждений отчетливо видно, что В.И. Ленин никогда не «исключал» сознание, духовную жизнь из реальности, а наоборот, подчеркивал ограниченность противопоставления материального и идеального узкими рамками основного гносеологического вопроса; понимал и придавал важность взаимосвязи и переходам одних явлений в другие. То есть позиция Ленина не имела ничего общего с вульгарным, механистическим материализмом.

В чем же смысл ленинского высказывания о независимости материи от сознания? «Материализм и эмпириокритицизм» свои острием был направлен против идеалистов того времени, которые утверждали, что не наши ощущения отражают реальные предметы материального мира, а наоборот, вещи являют собой лишь символы наших представлений о них. Таким образом, махисты, эмпириокритицисты считали идеальный мир наших представлений о мире первичным по отноше-

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18.С.151.

2 Там же. Т.29. С.104.

нию к миру реальному. Именно и только в данном контексте, против данных положений, Ленин писал о независимости материи от сознания, то есть о том, что она существует объективно, независимо от ее восприятия нами, независимо от наших ощущений по отношению к ней. «…*Единственное* свойство материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью,* существовать вне нашего сознания»…[1]

Вместо заключения. Что такое ревизионизм

В целом взгляды Т.И. Ойзермана представляют собой классический ревизионизм. Причем термин «ревизионизм» следует понимать не как ругательство, которым в советской историографии «награждали» любого, кто хоть когда-нибудь, по какому-либо вопросу спорил с основоположниками марксизма-ленинизма, участвовал в политической борьбе не на стороне «генеральной линии партии» или просто позволял себе критически относиться к «реальному социализму».

Ревизионизм – это коренной пересмотр той или иной теоретической концепции под видом ее развития. Если действительное развитие теории базируется на сохранении (в некоторых случаях – в снятом виде) ее основных постулатов, то ревизия, наоборот, сохраняет в теории частное, второстепенное, формальное; ее фразеологию, определенный понятийный аппарат, уважительное отношение к основоположникам, но *выхолащивает ее суть*, предавая этой теории на самом деле новый смысл, а значит, формулируя новую теорию.

1 Там же. Т.18. С.275.

Жан ТОЩЕНКО

Социальное измерение производительности труда[1]

Аннотация. В статье анализируются специфические формы занятости на российском рынке труда. Основное внимание уделяется особенной, специфической форме занятости – прекарной, которая полнее и точнее отражает сущность особенного социально-трудового положения людей на современном этапе развития экономики. Показывается, что прекарная занятость, свидетельствуя о новой складывающейся практике использования рабочей силы, отражает специфику состояния и тенденций развития человеческого потенциала и его соответствие, с одной стороны, объективным законам развития производства, и, с другой стороны, меру эффективности социально-экономической политики и стихийно применяемыми принципами управления трудовыми отношениями. Утверждается, что с приходом Четвертой промышленной революции прекарная занятость отражает противоречивое состояние рабочей силы, все возрастающую зависимость работников производства от диктата работодателей, которые далеко не всегда учитывают социальные потребности людей, ориентируясь на получение высоких норм прибыли, в том числе и за счет экономии на оплате труда работников. В статье осуществляется попытка определить меры по преодолению негативных социальных последствий прекаризованного труда.

Постановка проблемы

Производительность труда является ключевым параметром, определяющим уровень социально-экономического развития страны. Она зависит от степени технологической модернизации, инвестиций, экономической политики государства и других факторов. Наряду с вышеперечисленными параметрами огромную роль играют социальные факторы и условия роста производительности труда, а именно деятельность работника, его компетенции, социальный интеллект, творческие способности, заинтересованность в результатах труда. В настоящий момент сложилась парадоксальная ситуация. Россия обладает высоким интеллектуальным потенциалом, но низкой производительностью труда, отставая от развитых стран мира в два-три раза, что создает барьеры для социально-экономического роста и развития страны. Выявление причин сложившейся ситуации и поиск путей решения этой проблемы является одной из актуальнейших проблем российского общества.

1 статья написана в рамках Государственного задания (№ 1021091313151-0-5.4.1)

В настоящее время нет недостатка в исследованиях и работах, посвященных общим проблемам 4 промышленной революции и 6 технологическому укладу, в рамках которых уделяется внимание анализу экономических, технологических, производственных факторов производительности труда, но недостаточно, а нередко практически отсутствуют исследования социальных факторов производительности труда.

Нужно сказать, что цели национального проекта «Производительность труда и занятость» не были реализованы как и на первом этапе его существования с 2012 по 2018 год (вместо роста производительности труда в 1,5 раза, она увеличилась только на 6%), так и возникшие в настоящее время обоснованные сомнения, что они будут реализованы на втором этапе — до 2024 г.

Рассмотрим некоторые ключевые положения этой проблемы.

Общая ситуация в экономике

Экономические показатели, предусмотренные в Послании Федеральному Собранию и Указе Президента РФ В.В. Путина на перспективу, включают в себя: Россия должна войти в число пяти крупнейших экономик мира за период до 2024 г.; 50% прирост ВВП на душу населения до 2025 г.; осуществить увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, с 10% до – до 50%; вклад малого предпринимательства в ВВП должен вырасти с 20% о 40% к 2025 г. ; число занятых малым бизнесом увеличить с 19 млн чел. до 25 млн чел.; обеспечить ежегодный прирост производительности труда в отраслях материального производства не ниже 5%, увеличить инвестиции в составе ВВП с 18% в 2017 г. 25- 27%; годовой объём несырьевого неэнергетического экспорта увеличить (до 2024 г.) с 169 млрд долл. в 2016 г., до 250 млрд долл. До 2024 г., в том числе машиностроения с 24,4 млрд долл. в 2016 г. до 50 млрд долл. в 2024 г.

Очевидно, что таких грандиозных показателей можно добиться не только на основе коренной модернизации технологических, экономико-финансовых и организационно-управленческих процессов, но и посредством новых методов и способов по совершенствованию труда. Иначе говоря, чтобы добиться запланированного роста производительности труда — 5% ежегодно, нужно изменить многие методы использования рабочей силы.

Напомним, что в настоящее время согласно данным Росстата социально-профессиональная структура представлена 450 элементарных профессий или 9

укрупненными профессиональными группами, среди которых ведущие места занимают водители – более 7 млн., работники торговли – около 7 млн, экономисты, бухгалтеры - 3,6 млн, учителя - 2,8 млн, грузчики - 2, 3 млн, уборщики - 2,1 млн, охранники – более 1,8 млн. Очевидно, что не эти профессии олицетворяют и/или будут олицетворять лицо технического прогресса. И хотя в 28 самых распространенных профессий сосредоточена половина совокупного (и реализованного) спроса на труд, в них нет ни одной из них, напрямую связанной с техническим и технологическим прогрессом. Причем, п мнению экспертов, всего 7%их них подвергаются цифровизации, и еще 15 % - частичной цифровизации.

Стоит также напомнить и такие данные: все трудоспособное население представлено 76 млн. россиян. Из них 2021г. 71,5 млн человек — это экономически активное население. Однако по заявлению бывшего заместителя председателя правительства О.Голодец, официальным структурам неизвестно, где и как работают 38 млн человек (Голодец, 2013). Очевидно, что в такой ситуации адресовать усилия по росту производительности труда значительным профессиональным группам или непонятно где работающим людям практически бесполезно. А если учесть изъяны по группам занятости, которые вовлечены в различные ее формы, то возникает предложение о необходимости решать этот вопрос не только той части, которая занята относительно стабильной работой, но и с теми, кто вовлечен в специфические ее формы.

Специфические формы занятости

Сначала мы уделим внимание таким формам занятости, которые по сути дела являются препятствием на пути решения проблем производительности труда. Они занимают значительный удельный вес в жизни трудоспособного населения, когда работники и объективно и субъективно не заинтересованы в более эффективной работе. А меры, которые предусматриваются для стимулирования и поощрения их труда практически не влияют на мотивацию их труда. И поэтому работники не могут быть по-настоящему вовлечены в процесс инновационного и модернизационного развития страны.

Чтобы выявить причины незаинтересованности работников в повышении производительности труда, охарактеризуем основные специфические формы занятости. В течение длительного времени ученые и практики оперировали таким

понятием как стандартные и нестандартные формы занятости. Нестандартная занятость включает в себя следующие формы: а) занятость с нестандартными режимами рабочего времени (гибкий рабочий год,сжатая неделя, гибкие графики рабочего времени); б) занятость на работах с нестандартными рабочими местами и организацией труда (надомный труд, вахтово-экспедиционная занятость); в) занятость не по стандартам.

Рост нестандартных трудовых отношений в значительной степени связан с технологическими и управленческими инновациями и является объективной характеристикой современного экономического развития. Однако в этом термине не заложена качественная оценка и последствия от его использования (Прекариат: становление…, 2020:81-82).

В настоящее время все больше и больше появляются разнообразные формы нестандартной занятости, что обусловлено многообразием факторов и обстоятельств, вызывающих размывание и образование ее превращенных форм. Некоторые из них лежат на стороне спроса на труд, другие - на стороне предложения. Нестандартность трудовых отношений во многом проистекает от неопределенности, которая характерна для некоторых видов труда и неясности взаимоотношений с работодателем, с официальной политикой (Подробнее см.: Гимпельсон, 2017).

Многими авторами дается разная оценка величины рабочей силы, вовлеченной в нестандартные трудовые отношения, включая в них различные виды временной или эпизодической занятости – они исчисляются до 30 % трудоспособного населения. Неопределенность с нестандартной занятостью обусловлена и неопределенностью с ее правовым признанием, величиной оплаты, обладанием социальными гарантиями, что не только может отличать, но и даже совпадать по социальному положению с теми, кто относится к стандартной занятости. В общем складывается ситуация, что разделение занятости на стандартную и нестандартную теряет определенность, приобретает нечеткие критерии их отличия и, соответственно, порождает путаницу, ведущую к неточным и даже неправильным выводам, а затем и к ошибочным управленческим решениям.

Кроме того, используется понятие формальная и неформальная занятость, что связано с привлечением экономически активного населения к трудовой деятельности и оформлением ее с точки зрения (не)соблюдения законодательства (закона о труде, закон о занятости), основным критерием чего является: «она не

регистрируется, не регулируется и не защищается государством» [Лушникова, Лушников, 2004]. Иногда такое представление об этой форме занятости ассоциируется с теневой, «серой» и даже криминальной экономикой, с незарегистрированной экономической и финансовой деятельностью. При этом игнорируется тот факт, что практически сложились и распространились формы занятости, которые стали реальной стороной производственной деятельности, но не нашедшей отражение в официальной отчетности предприятий и организаций. В таком случае мы встречаемся с парадоксом: неформальные работники, хотя не зафиксированы в правовом поле, в то же время заняты *легальными* видами деятельности, участвуют в производстве *легальных* товаров и услуг, но их занятость ускользает (полностью или частично) из-под контроля и надзора государства, не фиксируется и не регулируется его органами [Капелюшников, 2012:14].

В настоящее время все большее количество экономически активного населения трудятся во всем мире на условиях неформальной занятости, вне зависимости от статуса предприятий и организаций, на которых они работают. Что касается России, то неформальный сектор в России растет. По расчетам Росстата, численность занятых в неформальном секторе с 2004 по 2017 гг. увеличилась с 11 343 тыс. человек до 14 253 тыс. [Рабочая сила… 2018: 90] и продолжат расти. .

Однако структура занятых неформальной деятельностью неоднородна. МОТ относит 34% работающих к неформально занятым наемных работников, и 40,1% работодателей, а также «домашних работников в неформальном секторе» [Woman… 2018: 101], что затрудняет создание объективной картины, характеризующей положение неформально занятых.

О сложности определения количества неформально занятых говорит и те подсчеты, когда сравниваются данные Росстата (к ним он относил 3,6% занятого населения в 2017 г.), Мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (8%, 2017 г.) и всероссийского исследования, проведенного РГГУ в 2018 г. (14,5%). Опрос РГГУ, проведенный в 2019 г. по отраслям, выявил, что неформальная занятость преобладает в строительстве – 29,3 %, в торговле, бытовом обслуживании, ЖКХ – 21,9 %, на транспорте – 17,5 % [Прекариат: становление…, 2020:350].

Нужно отметить, что использование понятия неформальной занятости нередко затрудняет выявление качества и эффективности существующих

трудовых отношений, тем более, что они возникли в ходе реализации официальной экономической политики, когда работодатели и наемные работники, каждый по своему, реагируют на условия, создаваемые им для осуществления своих функций. Одни уклоняются от соблюдения официальных требований, прибегая к фальсификации истинного положения своего бизнеса, к сокрытию доходов, а другие вынужденно соглашаются трудиться без оформления трудовых договоров, часто при обещании иметь большую заработную плату. Но результат их функционирования практически один и тот же, как и нестандартной занятости — представители этой группы, исходя из своего социального положения, не заинтересованы в подлинной реализации политики роста производительности труда на существующих рабочих местах.

Нужно отметить, что при анализе занятости в научной и деловой литературе используется и другие понятия - нетипичные трудовые отношения, заемный труд в форме аутсорсинга и аутстаффинга) (Закалюжная, 2016:59-66; Чикина, 2011), фрилансеры (Стребков, Шевчук, 2020), шеринг-экономика и гиг-экономика (Маркеева, 2017. №8 (226): 74-75; Шаткин, Яковлев 2020. Том 46. № 1:35.). В них попадают те, которые реально используются на рынке труда, но не стали или частично регулируются соответствующим трудовым законодательством и законом о занятости. В англоязычной литературе для обозначения деформированной занятости используются такие понятия как *«atypical», «contingent», «peripheral», «marginal», «flexible».* Все это позволяет говорить об условности деления на эти разнообразные определения занятости, тем более что они порождаются объективно происходящими техно-технологическими и социально-экономическими изменениями и имеют возможность при определенных обстоятельствах трансформироваться друг в друга.

Однако анализ всех названных форм и видов занятости показывает, что многие из них по разному выражают одни и те же издержки в социальном положении. Поэтому более оправданным становится характеристика деформированных трудовых отношений посредством таких более полно отражающих смысл понятий как *неустойчивая и/или прекарная занятость*. Что касается неустойчивой занятости, то под ней понимаются неопределенность условий труда, слабая защищенность от прекращения трудовых отношений, отсутствие или затрудненность доступа к механизмам социальной защиты, отсутствие или ограничение прав на рабочем месте. Такой подход направлен на то, чтобы учесть многие сложности и многообразие проявлений при подсчете

количества так или иначе ущемленных в условиях занятости, в обеспеченности материальных и духовных потребностей, невозможности использовать правовые гарантии и согласных на предлагаемые произвольно сформулированные условия труда [Подробнее см.: Неустойчивая занятость… 2017].

Такое широкое толкование, когда и относительно обеспеченные работники, но зависимые от непредвиденных обстоятельств и политики работодателя, попадают в эту общность, приводит к тому, что на основе выделенных критериев общая численность неустойчиво занятых, по данным МОТ, достигает более 2 млрд. человек или 61 % мирового занятого населения вне зависимости от формального или неформального статуса предприятий, на которых они работают [Woman...2018:13]. Что касается экономики России, то, по мнению В.Н.Бобкова, она насчитывала 75,8% от занятого населения или 54 873,9 тыс. человек [Бобков и др.…, 2016: 83].

На наш взгляд, в таком случае неустойчивая занятость трактуется достаточно расширительно, включая в себя не только ограничительные характеристики нестандартной, неформальной и нетипичной занятости, но и все аспекты неопределенного и/или неустойчивого трудового положения работника, включая и безработных, а также вовлеченных в теневую экономику. Можно согласиться, что рост неопределенности в трудовых отношениях влечет негативные последствия, особенно для наемных работников, но предельно широкое толкование неустойчивости смешивает очень различные группы экономически активных, но по разному уязвленных или ограниченных в использовании своих потенциальных возможностей. Ведь труд большинства представителей наемного труда в той или иной степени имеет определенные издержки, сложности в сохранении его стабильности, обладает неопределенностью в зависимости от информационно-технологических изменений, экономической конъюнктуры и политики работодателя, в результате чего все они попадают под понятие неустойчивой занятости. Такой подход значительно расширяет трактовку сложности формирования и развития трудовых отношений, что позволяет включать в это понятие все виды труда, которые испытывают или могут испытывать определенное несовершенство при решении даже отдельных сторон трудового процесса. Исходя из этого, в таком случае и топ-менеджеры не обладают всеми гарантиями в защите своего труда, что, конечно, принципиально отличает от таких же ограничений, испытывающих обычными работниками предприятия и организаций.

Очевидно, эти специфические формы занятости многообразны, так как факторы и обстоятельства, вызывающие размывание и сужение масштабов современного *привлечения и использования рабочей силы*, по разному проявляют себя в условиях различных форм собственности и политического курса того или иного государства. Некоторые из них лежат на стороне спроса на труд, другие - на стороне предложения, часть из них мало или совсем не коррелирует с трудовым законодательством. Некоторые зависят от колебаний экономической политики государства. Есть и различные модели и приемы трактовки и соблюдения трудовых отношений в зависимости от индивидуальных или специфических качеств работодателя. Поэтому в попытке осознать, описать и объяснить проблемные поля занятости, привели к появлению многоплановых попыток объяснения их реального существования. Но как показано выше, все они, охватывая те или иные аспекты проблемных ситуаций, не всегда полно и всесторонне трактуют сложившуюся или складывающуюся ситуацию в сфере занятости. Поэтому, на наш взгляд, возможен еще один подход, который обосновывается в научной литературе и связан с понятием «прекарная занятость». Поэтому мы обращаем внимание на тот аспект характеристики нестабильного труда, который связан с термином *прекарной занятости* («precarious» от лат.- нестабильный, неустойчивый, негарантированный) (подробнее см.: [Тощенко, 2018].

Прекарная занятость и ее особенности

Самое полное обоснование новых тенденций в сфере занятости дано в труде Г. Стэндинга, который сосредоточил свое внимание на том, что наряду с салариатом и пролетариатом (получающими стабильную заработную плату) возник и увеличивает свою численность прекариат, который олицетворяет негарантированную и незащищенную практику использования рабочей силы (См. подробнее:Стэндинг, 2014:20).

Что касается российских исследователей, то специальные исследования, посвященные прекаризации занятости, в научной литературе появились сравнительно недавно. И если на уровне теоретических рассуждений определения прекаризации имеют много общего (как правило, речь идет о нестабильности занятости, которая проявляется в неопределенности, неустойчивости «характера и длительности найма, условий труда, вознаграждения, перспектив карьерного продвижения и социальной защищенности», то на эмпирическом уровне объекты

исследования и наборы индикаторов существенно варьируются. Так, З.Т. Голенкова считает, что прекарная занятость связана с определенными социальными группами наемного труда [Наемный работник…,2015]. По мнению О.И. Шкаратана, прекаризация труда представляет собой постоянно увеличивающуюся величину неустроенной рабочей силы, складывающейся под влиянием, с одной стороны, потребностей научно-технического прогресса, с другой, политикой работодателей, в том числе и государства, по снижению издержек при эксплуатации наемного труда [Шкаратан и др.: 2015]. Обращается внимание на объективные характеристики (виды занятости – по срочному договору, временная, без трудового договора и др.) и субъективные оценки работников своего социально-профессионального положения (чувство уязвимости, страх потери работы, беззащитность, некомфортное самочувствие и др.) (Анисимов, 2019). В целом рассматриваемые подходы позволяют в определенной степени учесть, что прекарная занятость может носить добровольный или вынужденный характер, отделить от ситуации, когда она является для человека альтернативой безработице от случаев, когда она воспринимается как рискованная, ухудшающая положение и статус [Прекариат: становление… 2020: 76-82]. Появились исследования, в которых обращается внимание на то, что снижение устойчивости социального положения работника проявляется не только на ровне производственной организации, но и на уровне региона и всего общества (Попов, Соловьева, 2020. №9:106). Есть отождествление понятия прекарная и неустойчивая занятость (В.Н. Бобков), трактуя последнюю предельно широко, включая в ее состав все случае ущемления статуса и социального положения всех без исключения работников о чем говорилось выше [Неустойчивая занятость …, 2017:141].

Однако особое значение приобретает не просто перечень отдельных характеристик (признаков, индикаторов, показателей) прекарной занятости, но и определение совокупности ее критериев, что дает более обстоятельную картину ее объемов, роли и значимости в социально-экономической организации общества, а также ее взаимосвязи и воздействии на процессы, связанные с производительностью труда.

Исходной характеристикой прекарной занятости является ее неоформленность в правовом поле согласно Закона о труде и Трудового кодекса. В реальной жизни доли такого труда всегда присутствовали во многих отраслях

экономики, особенно, когда это касалось обслуживания населения и/или выполнения оперативных, неотложных работ кратковременного действия. В настоящее время этот вид трудовой занятости получил большое распространение. Причем он стал неотъемлемой и значительной частью не только теневой экономики, не говоря о скрытых, полукриминальных и криминальных видах деятельности. Очевидно, что работники, находящиеся «в тени», не только не платят налоги государству (вместе с работодателем), но и не имеют никаких правовых гарантий своего труда, так как официальные требования, указания и рекомендации никак не ограничивают возможность произвола в трудовых отношениях работника и работодателя. Здесь господствуют различные формы «сговора» между работником и «хозяином» или его представителями. А так как этот «сговор» имеет самые различные комбинации и оттенки, то произвол в трудовых отношениях достигал трудно описываемых комбинаций. Практически в каждом отдельном случае по своему разумению и наитию, а главным образом с целью достижения максимизации прибыли, регулировались условия, организация и оплата труда с целью ее минимизации.

Анализ данных всероссийского исследования 2019-2021 годов показывает, что каждый четвертый-пятый работник материального производства трудился в условиях устной договорености. Особенно значительна доля таких работников оказалась в строительстве, на транспорте и в сфере услуг (соответственно 22,7%, 27% и 26%). Такие показатели можно отчасти объяснить спецификой работой в этих отраслях – возникновением специфических обстоятельств, выполнением временных и эпизодических заданий (подробнее см. Прекарная занятость… 2021:38-40). Но следует отметить тот факт, что нередко это происходило под нажимом работодателя под предлогом получения работником более высокой заработной платы из-за того, что не надо тратиться на налоги, в результате, мол, выигрывают они оба. К этому примыкают и такие соображения работодателя: этих работников можно уволить, не прибегая к процедурам, которые нужно соблюдать при оформленной занятости. Не так уж редко используются и демагогические приемы: не надо навязывать собственнику возможность прибегать к различным формам найма рабочей силы. Это наглядно проявилось и в ситуации с возникшей эпидемией короновируса в 2020 г., когда случилось массовое увольнение работников — по крайней мере, к этому, по сообщениям средств массовой информации, прибегли 50% предприятий среднего и малого бизнеса.

Не менее важной характеристикой является *отсутствие трудовой стабильности.* Это появляется в том, что 22 %, т.е. каждый пятый (на транспорте - каждый четвертый -25 %) боятся потерять работу. Эти данные находятся в противоречии с официальными статистическими данными, которые фиксируют 5-5,4 % уровень безработицы. Но человек судит не по официальным данным, а по ситуации, которая складывается в той организации, в которой он работает, в том городе и поселке, где он живет. А реальная жизнь его организации показывает, что его положение не столь стабильно, как ему хотелось.

Эту неустойчивость работники пытаются преодолеть. Одним из таких показателей избежать увольнения стала продолжительности рабочего дня. По данным наших исследований в 2019 г. 52 % заявили, что работают более 8 часов. Когда они назвали реальные величины переработки, то оказалось, что среднее рабочее время составило 11,2 часа. На наш взгляд, это продиктовано двумя обстоятельствами: а) требованием работодателя трудится по тем или иным причинам более положенного времени, что характерно и для строительства, и транспорта, а тем более сферы услуг; б) самоэкспуатацией, желанием доказать свою работоспособность, продемонстрировать приверженность доверенному посту и согласие с требованием трудиться сверх нормативного времени. Иначе говоря, работник находится в ситуации прямого или косвенного давления на свое трудовое поведение. И поэтому первой реакцией многих работников является стремление сохранить свое трудовое место.

Отсутствие стабильности проявляется в траекториях трудового поведения людей. По данным 2019 г. за последние 3 года 26,3 % меняли место работы 2-3 раза, и 12,5 % - более трех раз. Особенно много таких среди тех, кто не имеет трудового договора - 36,9 %. Такие цифры свидетельствуют о сверхвысоких пропорциях изменений в структуре занятости, что самым непосредственным образом влияет на эффективность труда и производства. Это воздействует на внутренний мир человека, поставленного в ситуацию привыкания к новому месту работы. Вместе с тем стоит заметить, что неустойчивость трудового пути обуславливает и тот факт, что ведет к поиску новой работы: об этом заявили от 15 % до 22,1% работников производства.

Прекарная занятость характеризуется и *деформированной практикой оплаты труда.* Помимо претензий о неясной и низкой платой труда (об этом заявили 68% работников производства) почти каждый четвертый-третий (в зависимости от отради экономи) сказал, что они получали систематически или

иногда зарплату в конверте. Об ухудшении материального положения свидетельствует факт чрезмерной задолженности россиян по кредитам, которая в 2019 г. составила 16,2 трлн. руб. Обратим внимание на тот факт, что в среднем на одну семью приходиться 286,8 тыс руб. кредита. Обычная семья, взявшая кредит, отдает около 28 % годового дохода на его погашение. В то же время 15,7 % заемщиков страны имеют кредитную нагрузку свыше 50% доходов. Анализ показывает, что при попустительстве государства происходит массовое ограбление народа, в том числе и микрофинансовыми организациями [Комраков, 2019]. Итоговой характеристикой материального положения может стать оценка об изменении материального положения. По убеждению каждого четвертого (24 %) за последние 3 года произошло ухудшение материального положения. Эта ситуация в 2020 г. только усугубилась: численность бедных выросла еще примерно на 10%.

Не менее важной характреристикой прекарной занятости является *отсутствие или слабое соблюдение социальных гарантий*. Наиболее ярко это проявляется, во-первых, в выполнении обязательств работодателя по оплате труда (полной или частичной) при вынужденной остановке производства. Как показал опрос 2018 г. каждый второй (50,7 %) заявил, что их работодатель не гарантирует такую защиту. Особенно это нарушается в строительстве (75 %0, в сфере услуг (74,3 %) и на транспорте (80,7 %). Вместо этого широко распространено или увольнение или - как щадящая мера – отправление работника в неоплачиваемый отпуск без определение продолжительности этого отпуска. Такая практика, как показывает текущая информация, стала особенно широко использоваться в период сокращения производственной деятельности в условиях борьбы с короновирусом весной и летом 2020 г. Во-вторых, гарантии, предусмотренные «Законом о труде», далеко не всегда соблюдаются. Ущемление проявляется, прежде всего, в оплате отпусков: каждый четвертый заявил, что в их организации она не гарантируется, а в строительстве, на транспорте и в сфере услуг об этом заявили соответственно 47,3 %, 63 % и 49,3 %. Другая гарантия – оплата больничных листов – также далеко не всегда гарантирована. Об этом заявили каждый пятый (22,8 %), а в строительстве, на транспорте и в сфере услуг это касается практически каждого второго (соответственно 45,7 %, 62,3 % и 59,3 %). Больше всего реализуются эти гарантии в сфере науке и в промышленности, что находи вполне наглядное объяснение – в этих отраслях эту социальную защиту обеспечивает государство (СМ. Прекарная занятость… 2021:47-48).

Низкий уровень в (со)участии в управлении — еще один показатель прекарности труда. Наше исследование показало, что в сознании людей прочно сформировалось устойчивое представление о том, что они никак не могут реально влиять на общегосударственные и федеральные органы власти (об этом заявили 90%). Несколько повышается осознание того, что там, где люди работают и живут, они в той или мере могут влиять на происходящие процессы — обэтом сказали от 9 до 26 % опрошенных. Причем, заметно выросло соучастие по месту жительства. Этому на наш взгляд, связано с конфликтами по поводу жилищно-коммунальных проблем, экологической ситуации, преступными ошибками в так называемой оптимизации организаций образования, здравоохранения и культуры, которые массово закрывались (в основном в малых городах и в сельских поселениях) или преобразовывались (объединялись) в непонятные конгломераты.

И наконец, важнейшим показателем прекарной занятости является тот факт, что у эти группы работников *испытывают неуверенность в устройстве своей будущей жизни*. Обращаем внимание на тот факт, что каждый четвертый заявил, что он испытывает беспомощность и невозможность повлиять на происходящее, что в полной мере коррелирует с ранее приведенными данными о (со)участии в управлении государственными и общественными делами. Не менее важно и то, что каждый четвертый (21,1%) испытывает не просто неуверенность в том, что его ожидает в будущем, а такое угнетающее чувство как страх Эти и другие чувства, которые выразили люди, позволяют сделать вывод, что потеря надежд и гарантий устойчивого гражданского благополучия тесно связана, прежде всего, именно с этим значимыми общественными и личными ориентациями, а не с профессиональной занятостью. Как показывают данные, что независимо от отрасли экономики люди примерно одинаково оценивают свои перспективы. Это тем более примечательно, потому что было бы ожидаемо предполагать, что в строительстве, на транспорте и в сфере услуг эти показатели могли быть хуже, более предметно коррелировать с более указанными выше негативными оценками трудовой деятельности. Значит, и более мнимая устроенность в более стабильных сферах деятельности не исключает сомнений и опасений за гарантированность своей будущей жизни, когда работники не видят удовлетворяющих их перспектив гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни.

Таким образом, прекарную занятость можно определить как специфический вид трудовой деятельности в условиях неопределенности социально-экономического положения работника, выражающийся в полной или частичной

неоформленности трудовых отношений, в нестабильной оплате труда, в отсутствии полностью или частично социальных гарантий и в неустойчивости жизненных ориентаций и неуверенности в своем будущем. А это основа того, что эти группы людей объективно и субъектино не заинтресованы в активном участии в решении такой стратегической задачи, как рот производительности труда. И чтобы их в действиельности вовлечь в этот процее, необходимо по каждлоиу из проанализированных показателей ринять важные правовые законы или внести принципиальные изменения в сущетвующие законы.

Литература

Анисимов Р. И. Прекаризированная занятость в России: опыт определения основных индикаторов // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 64-72.

Бобков В.Н., Квачев В.Г., Локтюхина Н.В. Неустойчивая занятость: экономико-социологический генезис понятия // Вестник ВГУ. Сер. Экономика и управление. 2016. №4. С. 81-86.

Гимпельсон В.И., Капелюшников Р.И. (ред). Мобильность и стабильность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ВШЭ. 2017.

Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем /Российская газета. 2013. 3 апреля.

Закалюжная Н.В. Заемный труд и дистанционная занятость как основные формы нетипичных трудовых отношений //Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2015. №4.

Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: Что говорят альтернативные определения? М.: Изд. дом ВШЭ. 2012.

*Квеско Р.Б. З*анятость населения и ее регулирование Томск. Изд-во Томского полититехн. Ун-та. 2008.

Комраков А. Россияне массово попадают в долговые ямы //Независимая газета. 2019, 22 августа.

Лушникова М.В., Лушников А.М. Курс трудового права. т.2. Трудовое право в системе прав человека. Индивидуальное трудовое право. М., 2004.

Маркеева А.В. Экономика участия (sharing economy): проблемы и перспективы развития // Инновации. 2017. №8 (226). С. 74-75.

Наемный работник в современной России /Под ред. З. Т. Голенковой. М.: Новый Хронограф, 2015. С. 121–138.

Неустойчивость занятости: международный и российский контексты ./Гл. научный ред. В.Н.Бобков. М.: Изд-во РеалПринт. 2017.

Попов А.В., Соловьева Т. С. Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения //Социологические исследования. 2020я. Яяяяяяяя3 9. с. 103-113.

Прекарная занятость: Истори, критерии, особенности /Под ред. Ж.Т.ощенко. М.: Весь мир. 2021.

Прекариат: становление нового класса: колл. монография /Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020,

Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2018: Стат.сб. М.: Росстат, 2018.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Ловушка гибкой занятости: как нестандартный график работы влияет на баланс между работой и жизнью фрилансеров // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №3. С. 86-102.

Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем. 2014

Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018.

Чикина Е.В. Гибкие формы занятости: сферы интересов нанимателя и работника //Промышленно-торговое право. 2011. № 9. с 11-19.

Шаткин М. А., Яковлев Л. С. Трансформация собственности и власти в шеринговой экономике // Социологические исследования. 2020. Том 46. № 1. С. 35.

Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Гасюкова Е.Н. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99–110.

Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L. and N.Y.: Bloomsbury Academic. 2011.

Women and men in the informal economy: a statistical picture (third edition) / International Labour Office. Geneva: ILO, 2018.

Юрий ОЛЕЙНИКОВ

COVID-19 как зеркало общества постмодерна[1]

Аннотация. С началом пандемии COVID-19 современное общество постмодерна переживает период чрезвычайно сложных испытаний, затрагивающих все стороны его социального бытия. В такое время особенно рельефно, порой чувственно-зримо, проявляются не только основные противоречия и движущие силы его эволюции, но и сущность его социально-экономической организации. В статье на примере некоторых фундаментальных сторон жизнедеятельности общества постмодерна анализируются его ответы на вызовы новой коронавирусной инфекции, которые мало отличаются от алгоритмов реакции на хорошо известные экономические кризисы перепроизводства. Это наводит на мысль, что естественный природный процесс мировой эпидемии может быть использован в качестве предлога для переключения недовольства граждан сущностными - социально-экономическими особенностями развития общества постмодерна - на сугубо природные - пандемию коронавируса.

Ключевые слова: covid-19, общество, постмодерн, капитализм, противоречие, диалектика, кризис, эволюция, производство, идеология.

Введение

Издавна повелось считать, что для человека жить во время глубоких социальных перемен - большое несчастье. С этой мудростью не поспоришь. Для подавляющего большинства обывателей, несомненно, коренные изменения в жизни общества - тяжелое испытание. Совсем по другому относятся к социальным катаклизмам и качественным изменениям бытия общества обществоведы и социальные философы. Для них это подарок судьбы, лучшее время для постижения многих явлений и процессов бытия человека, общества и человечества в целом, которые трудно или вовсе невозможно заметить и понять в периоды спокойной исторической эволюции. Современное человечество как раз переживает период коренной трансформации господствующего на планете технологического и общественно-экономического способа производства и в целом способа бытия общества - капиталистической цивилизации и культуры. Не зря настоящий этап социально-исторической эволюции называют постмодерном или посткапитализмом. Действительно, капитализм, как общественный способ производства эпохи моднрна, существующий на базе системы механиче-

1 Текст публикуется в авторской редакции. Ранее опубликован «История и современность» №2 июнь 2021, с. 75-97. DOI 10.30884/iis/2021.02.04

ских машин, после достижения им своей высшей (классической) формы развития - комплексного автоматизированного производства - исчерпал технологические возможности дальнейшего роста на этой материальной основе.

Общество вступило в фазу развития и применения качественно новых производительных сил - нанотехнологий, объектов и процессов наноуровня, используемых в качестве новых орудий труда, вместо преобразованных по форме предметов макроуровня, являвшихся орудиями механических машин (Олейников, Борзова 2008: 153 - 180). Переход на новый технологический способ производства происходит стремительно, как Научно-техническая революция (НТР). Революция в производительных силах закономерно влечет необходимость коренного изменения производственных отношений и, следовательно, всего общественного способа производства и бытия общества в целом. Пока этот процесс находится в стадии становления. Мы являемся свидетелями глубокой трансформации общества: отмирания классического капитализма и зарождения принципиально новой социальной формы бытия общества. Это уже не капитализм в его классической форме, но еще и не принципиально новое общество. Это переходное время от капитализма к новой форме бытия. Капитализм еще сохраняет свои существенные черты, но в его недрах рождается новый способ производства. Наше время - пограничье исторических эпох (Олейников 2019: 26-41).

Исследование проблемы становления качественно нового способа бытия общества является одной из самых актуальных проблем социальной философии и многих частных общественных наук. Настоящий момент особенно благоприятен для таких исследований, поскольку он совпал еще и с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, распространение которой практически по всем странам мира сопровождается обострением многих ключевых противоречий общества постмодерна. В этом смысле страсти, разыгравшиеся вокруг пандемии, вызванной COVID-19, как в зеркале беспристрастно отразили реалии бытия общества постмодерна. Это позволяет чувственно-зримо воспринимать и объективно оценивать сущность и содержание происходящих перемен современного этапа естественно-исторического процесса.

О методологии исследования

Работая над книгой "Анти-Дюринг...", Ф. Энгельс писал о том, что даже "великие мыслители ... не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха" (Энгельс 1961: 17). Пожалуй, наиболее ярко это наблюдение подтверждает опыт К. Маркса. В 1858 году, размышляя о проблемах развития капиталистическо-

го способа производства, Маркс на основе анализа диалектики развития материальных производительных сил пришел к выводу, что с совершенствованием орудий труда и ростом автоматизации технологических процессов, рабочий будет все больше вытесняться из процесса непосредственного производства. Человек станет его контролером и регулировщиком. Машины возьмут на себя многие функции рабочих различных профессий. Существенно изменится феномен разделения труда. Сократится численность рабочих, занятых в индустриальном производстве. Промышленный пролетариат и рабочий класс в целом перестанет быть массовым (Маркс 1973: 351 - 583). Отсюда следует заключить, что в силу этого изменится социальная и историческая роль пролетариата. Он перестанет быть движущей силой исторического процесса. В ходе подобных размышлений, Маркс, повидимому, засомневался в правоте своей социально-философской концепции, связывающей становление новой, идущей на смену капитализму, общественной формации с революционной миссией пролетариата как класса, характерного для собственно капиталистического способа производства, адекватным технико-технологическим базисом которого является система механических машин.

В свое время Маркс мог прийти к таким выводам только на основе теоретического анализа тенденций развития производительных сил. В реальности новые производительные силы практически еще не нашли своего материального воплощения. Это было гениальное прозрение, основывавшееся на аналогии того, что аграрная революция - переход от ручных орудий к использованию производительной силы земли и естественных процессов вегетации растений и жизнедеятельности животных - представляла собой коренное изменение производительных сил, смену технологического способа производства, обусловливавших становление соответствующей социальной организации бытия общества. Фактически революционная смена способов производства всегда была сопряжена с периодической сменой орудий труда, в качестве которых используются либо преобразованные по форме предметы природы, либо природные процессы. Вот и теперь Маркс понял, что дальнейший рост производительности капиталистического производства на основе механической системы машин подходит к исчерпанию своего потенциала и дальнейший рост производства связан с использованием природных процессов в производстве, а следовательно, будущее развитие общества сопряжено с коренным изменением материально-технической базы грядущего общества и ликвидацией промышленного пролетариата как класса. Дальше этих размышлений Маркс не мог пойти в виду отсутствия реальных подтверждений его теоретических по-

строений. Маркс не мог строить гипотезы, неопирающиеся на факты. Поэтому он фактически свернул свою многолетнюю работу над "Капиталом" и исследования в области социальной теории. Причиной этого стал ограниченный на тот момент опыт развития самого капитализма. И в этом конкретном случае оправдалась общезначимая сентенция Гегеля: "глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху" (Гегель 1934 : 16).

Мы живем в качественно новое время. Сейчас гениально предсказанное Марксом коренное изменение производительных сил налицо. Нет нужды его доказывать. На смену индустриальному капитализму пришел посткапитализм. Его характерные черты: одновременное сосуществование архаических производительных сил - ручных орудий туда; механической машинной техники; современных нанотехнологий и природных процессов аграрного производства, то есть наличие нескольких технологических укладов, а следовательно, и сложное переплетение многих хозяйственных укладов. Этот причудливый коктейль технологических и хозяйственных укладов порождает массу всевозможных противоречий постиндустриального общества, которые в условиях пандемии наглядно демонстрируют то, что капитализм в процессе своего исторического развития себя изживает и на смену ему стучится некое новое общество, отдельные черты которого настойчиво пробивают себе дорогу.

Понять, что реально происходит с обществом постмодерна только на основе имеющихся эмпирических наблюдений довольно сложно. Таких противоречивых свидетельств бесконечное множество. Их анализ затрудняется ограниченным опытом каждого отдельного человека, узостью специализированных исследований, отсутствием адекватной методологии познания - скептическим отношением многих интеллектуалов к диалектическому методу исследования социальных проблем. Как справедливо замечает В. Д. Пихорович, позитивизм, отстаивающий формально-логический метод познания как единственно верный, "порождает постмодерн" (Пихорович 2021: 35) с его приверженностью к эмпирическому познанию явлений, вне их системной связи с другими явлениями и процессами бытия общества. О том же утверждает Й. Терборн. По его мнению, именно диалектическое осмысление современности является квинтэссенцией марксизма. Он полагает что: в "Капитале" была представлена "диалектическая концепция современности, понимаемой в качестве противоречивой в самой своей основе. Современность капитализма и буржуазии восхвалялась, но одновременно критиковалась за эксплуатацию и отчуждение... Это диалектическое понимание современности было в неко-

тором смысле ядром марксистской мысли. Оно признавало прогрессивную природу капитализма, буржуазии, в то же самое время не только осуждая их, но так же организуя им сопротивление" (Терборн 2021: 174). В противоположность ряду заявлений постмодернистов о том, что "марксизм мертв" или безнадежно устарел, Терборн справедливо утверждает, что, напротив, марксизм только еще "вызревает" (Терборн 2021: 26 - 27) и эпоха постмодерна, как будет показано ниже, это наглядно подтверждает.

В анализе постмодерна, как пограничья исторических эпох, необходимо иметь в виду еще один важный методологический момент. Постмодернистский анализ современности ничего не может дать в силу того, что он в принципе не может предложить разумную концепцию современного состояния общества и сформулировать перспективы его трансформации. Нельзя же таковой считать периодически всплывающую идеологически ангажированную концепцию "конца истории". Поскольку постмодернистская наука и философия сосредоточены главным образом на описании эмпирического материала, без стремления к его теоретическому социально-историческому осмыслению, то такое непосредственное восприятие без наличия теоретической концепции слепо. То есть отсутствие идеи поступательной эволюции социального бытия не позволяет видеть факты. Словом: "Философствование без системы не может иметь в себе ничего научного; помимо того что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию" (Гегель 1974: 100).

Действительно, те, кто застал Перестройку в СССР в зрелом возрасте, помнят, что современники, будучи ее непосредственными свидетелями, понимали ее как некий стихийный, сумбурный, бессистемный, никем не контролируемый процесс шараханий из одной крайности в другую, хотя и под привлекательным лозунгом "Больше социализма!". На деле все оказалось наоборот. Советский Союз был уничтожен, экономика, армия, медицина, образование, коммунальное хозяйство и другие жизненно важные сферы бытия общества разрушены, культура деградировала, человек лишился завоеванных прежде прав и средств к существованию. Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий многие из тех, кто проявлял активизм на площадях, искренне ратуя за лучшее будущее, начинают прозревать. На собственном опыте и примере множества имевших место цветных революций, люди приходят к мнению, что они оказались объектами преднамеренных манипуляций, преследовавших четко сформулированные цели и планомерно реализуемые задачи - использовать противоречия общества постмодерна, каковым являл-

ся СССР, который по существу был обществом переходным от капитализма к подлинному социализму. В нем сохранялись характерные особенности бытия капиталистической формации: материально-технический базис - механическое машинное производство; товарно-денежные отношения; разделение труда; преобладание в социальной структуре общества промышленных рабочих, руководящая роль и господствующая идеология партии индустриализма (Олейников 2018: 5-26). Развитие СССР было обусловлено притяжением двух прямо противоположных аттракторов: полномасштабная реставрация капитализма и становления социализма. В результате целенаправленных действий внешних агентов и представителей определенных слоев населения, ориентированных на максимально широкое распространение товарно-денежных отношений, более простым оказалось достижение регрессивного аттрактора. Получилось то, что получилось - Советский Союз развалился, а его бывшие республики вернулись на стезю архаичного капитализма. Люди, не знакомые с теоретическими принципами диалектического развития социума, в оптике современного развития общества, становятся способными видеть реальную диалектику перестройки. То есть, не руководствуясь принципами диалектической методологии изучения современности, они в широком контексте прожитых лет видят завершенный, ставший реальностью по существу собственно диалектический процесс естественно-исторической трансформации общества того времени.

Еще одним подтверждением способности непредвзятого исследователя понять и отразить диалектическую сущность исторического процесса, реальные движущие силы развития общества и его коренных трансформаций является книга Алексиса де Токвиля "Старый порядок и революция". В этой работе, написанной более чем через 50 лет после Великой французской революции, автор без предварительной установки на диалектическую трактовку процессов вызревания революционных буржуазных преобразований внутри феодального общества, только исследуя реальные процессы бытия социума того времени, ярко и недвусмысленно демонстрирует внутренние диалектические противоречия развития Франции и процессы их разрешения, апофеозом которых стал революционный политический переворот, которым, однако, не завершилось полностью становление собственно капитализма в стране (Токвиль 2019:25 - 240). Переходный период от феодализма к капитализму во Франции продолжался еще довольно долго и представлял собой своеобразное пограничье исторических эпох.

Основные противоречия общества постмодерна

Несколько слов о предыстории постмодерна. К концу тридцатых годов прошлого столетия капитализм в наиболее развитых странах Европы, США и Японии достиг пика своего технико-технологического развития, что выразилось в массовой автоматизации и конвейеризации (фордизм) материального производства на основе использования системы механических машин и соответствующего способа организации производства (тейлоризм). Все это обусловило рост производительности труда, масштабов и интенсивности производства, а затем и опасность ускорения частоты кризисов перепроизводства, чреватых обострением социальных противоречий и конфликтов. Некоторые страны пытались избежать надвигающихся угроз путем жесткого администрирования (США, Великобритания) или тотального регулирования производства и жизнедеятельности людей (Германия, Италия, СССР). В конечном счете выход из ситуации был найден в очередной мировой войне. Переключение финансовых потоков на милитаризацию производства повысило занятость населения, его материальные доходы, что поначалу стимулировало рост капиталовложений в производство и активизацию экономики и смягчение социальной напряженности - то, что необходимо для роста капиталистической прибыли. Начавшаяся война способствовала росту производства вооружений, отвлечению трудящихся масс от внутригосударственного социального противостояния. Послевоенный период был тоже благоприятен для судеб капитализма в целом, поскольку понесенные большинством участников войны материальные потери и разрушения производственных мощностей и коммунального хозяйства требовали наращивания производства и консолидацию масс на преодоление последствий войны. США, ставшие лидером капиталистического мира, использовали ситуацию в интересах собственного процветания. Словом, война и послевоенное восстановление экономики оказались весьма благоприятными для сохранения и продления эволюции капитализма на пике этапа автоматизированной системы механического машинного производства. Тот же эффект достигался начавшейся после горячей войны войной холодной, связанной с беспрецедентной гонкой вооружений и соревнованием в освоении космоса. Колоссальный стимул развития производства был сопряжен с послевоенным разделом мира и усилиями на обустройство стран-сателлитов, ставших растущим рынком для лидеров капиталистического мира. Еще одним, безусловно, важным фактором обеспечения стабильности капиталистического мира стало навязанное США ослабленным войной

странам Бреттон-Вундское соглашение 1944 года, согласно которому мировой валютой был признан американский доллар, не обеспеченный золотым эквивалентом. Эта "резанная бумага" стала обращаться в качестве средства платежа и накопления на мировом рынке, что сделало все страны мира фактически зависимыми от Америки и на какое-то время залогом относительной стабильности мировой капиталистической системы.

Военное противостояние стимулировало развитие науки и ее применение в производстве. Уже во время войны стали использоваться некоторые принципиально новые технологии, отличные от традиционных механических машинных (ядерные процессы, радиолокационные системы, электроламповые вычислительные машины и др.) В начале второй половины века заговорили о начавшейся Научно-технической революции. Процесс развертывания НТР - смены материальных средств производства, подстегиваемый жестокой конкуренцией на внутренних и мировом рынках, осуществлялся на Западе и в Японии стремительно. В СССР же негативное отношение к локомотивам НТР - кибернетике и генетике, и ориентация во время хрущевской семилетки на создание традиционных индустриальных заводов-гигантов со временем обусловили технико-технологическое отставание СССР и всего так называемого социалистического лагеря от стран-лидеров НТР, что в конечном счете определило поражение в историческом соревновании с капитализмом и крах социалистической модели эволюции общества постмодерна. СССР распался, развалился социалистический лагерь и опекаемые им страны вернулись на траекторию капиталистической эволюции. Сраны-гегемоны капиталистической мир-системы, получив новые колоссальные рынки сбыта для своих производственных мощностей, стали их быстро наращивать, переводя многие предприятия в так называемые развивающиеся страны с дешевой рабочей силой. Этому способствовало также беспрецедентное разрушение производственных мощностей и в целом экономики бывшего СССР и разграбление его природных ресурсов (миграция квалифицированной рабочей силы и снижение рождаемости). Началась глобализация мирового капитализма. Он на время получил новый импульс к наращиванию производства, улучшению условий существования своих граждан и дальнейшему процветанию "золотого миллиарда". Это в целом на несколько десятилетий продлило безбедное и бескризисное существование капиталистической модели постиндустриального общества - общества постмодерна.

Ситуация стала заметно и кардинально меняться в самом конце прошлого - начале нового 21 века. Характерная для капитализма борьба за рынки сбыта, ре-

сурсы и дешевую рабочую силу породила череду локальных войн: в Афганистане, Ираке, Иране, Ливии, Ливане, Сирии, Югославии и других странах, в которые были втянуты представители ряда стран-членов НАТО и других государств мира. Капиталистический мир сотрясают ставшие серийными "цветные революции" (Тунис, Алжир, Грузия, Египет, Украина, Белорусь, Киргизия и пр.); массовая миграция населения из неблагополучных стран в более богатые; нарастают разногласия и напряженность во взаимоотношениях Евросоюза; существенно возросли масштабы террористической деятельности и протестной активности в Европе; перманентными стали массовые социальные волнения во Франции, национальных и социальных меньшинств в Америке и Европе. Десятилетиями не затухают вооруженные конфликты в Африке. Все острее становятся торговые и таможенные войны экономических гигантов - США и Китая. Ведется война компроматов, санкционных угроз и действий, хакерских атак и прочих провокаций. Силой уничтожаются режимы, дающие пример иной ориентации развития общества, отличной от желаемой для стран-гегемонов. К примеру, коллективными усилиями коалиции европейских стран был уничтожен режим Каддафи в Ливии, где доходы от добычи и использования природных ископаемых перераспределялись среди граждан для существенного повышения уровня их благосостояния, на образование и медицинское обслуживание населения, поддержку стариков, молодых людей и семей с детьми и пр. Словом, современное постиндустриальное общество вступило в полосу всеобщей мировой гибридной войны. Войны, сочетающей всевозможные средства завоевания преимуществ определенных конкретных государств и объединений, для обеспечения своей технологической, политической, культурной, а в конечном счете экономической гегемонии. Несмотря на отсутствие идеологического противостояния практически в мировой системе капиталистических государств (за исключением, пожалуй, Северной Кореи), на что прежде списывали причины милитаризации и враждебности государств разной социальной ориентации, посткапитализм верен традиционным сущностным принципам бытия капиталистической общественно-экономической формации - эксплуатации других для получения своих экономических выгод и сохранения собственной социальной формы бытия.

Особенно быстро противоречия бытия общества постмодерна стали нарастать в связи с завершением послевоенного восстановления экономик многих стран, достаточно высокого уровня насыщения рынков предметами массового спроса и снижением перспектив получения сверхприбылей за счет вкладывания

средств в развитие реально производящей экономики. Тогда, открытые Бреттон-Вудским соглашением возможности получения доходов в сфере виртуальных финансовых операций, существенно изменили функционирование экономик постиндустриальных обществ. Спекуляции с ценными бумагами стали причиной перманентной нестабильности финансовой системы капитализма. Стала нарастать частота и глубина финансовых потрясений всей капиталистической системы хозяйства. Сначала случился банковский ипотечный кризис в США, повлекший за собой мировой финансовый кризис, который стали маскировать более нейтральным термином "рецессия". Затем ряд стран столкнулись с банкротством финансовой системы. Многие авторитетные аналитики предсказывали в начале третьего десятилетия настоящего века новую, более глубокую, рецессию обусловленную ростом государственного долга США и их неспособностью погасить долларовые средства, накопившиеся в госрезервах большинства государств мира. В это время весьма кстати возникла так называемая "пандемия" COVID-19, которая четко высветила все основные системные противоречия общества постмодерна и оказала существенное влияние на восприятие, трактовку и методы борьбы с реальной эпидемией.

Ковидная оптика противоречий общества постмодерна

Если отречься от конспирологической версии искусственного происхождения этого нового штамма коронавирусов, которую аргументированно поддерживают многие авторитетные вирусологи, генетики и эпидемиологи (среди которых нобелевский лауреат Люк Монтанье и другие), и если бы даже эта эпидемия не возникла естественным путем, то ее нужно было бы обязательно придумать, поскольку она в любом случае началась в нужное для хозяев мира время.

Один из первых непредвзятых аналитиков причин и особенностей развития "коронокризиса" полагает, что мировая система капитализма в начале 2020 года стояла на старте очередной рецессии - глобального экономического кризиса (Пихорович 2021: 36), который как всегда проявляется спадом производства, ростом безработицы, банкротством множества производственных предприятий, перераспределением собственности и капиталов, социальным напряжением и ростом недовольства капиталистической социально-экономической системой, сопровождающимся массовыми протестами и движениями против правящей верхушки и существующего социального строя в целом. Средства массовой информации постоян-

но настойчиво педалировали идеи катастрофизма. Все ждали каких-то экстраординарных потрясений.

11 марта 2020 года Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), львиная доля финансирования которой принадлежит частным фондам, большую часть которых составляют пожертвования фармацевтических гигантов (и это заставляет задуматься), объявила о том, что в мире началась новая страшная пандемия. Для такого заявления в то время не было достаточных оснований. На тот момент была зафиксирована лишь локальная вспышка болезни в китайском Ухане. Заболевших было всего несколько сотен человек и летальность не превышала 2% . Заявление ВОЗ поначалу вызвало неоднозначную реакцию. Одни отнеслись к нему со скептицизмом, другие, напротив, стали всячески нагнетать негативную информацию, подогревая панические настроения, сравнивая новую пандемию с испанкой - эпидемией гриппа, унесшей в начале прошлого века от 10 до 50 миллионов человеческих жизней. Отношение к происходящему сразу раскололо общество на два лагеря: ковиддисидентов и тех, кто в той или иной мере поверил в страшную угрозу.

Неоднозначное отношение к заявлениям государственных и частных СМИ - характерная черта общества постмодерна. Дело в том, что всякие средства информации и коммуникации в капиталистическом обществе, как правило, принадлежат разным собственникам и отражают прежде всего их интересы. Эти интересы могут быть принципиально противоположными и преследовать разные цели. Основной потребитель такой информации - массовый человек, который в силу господствующей в постиндустриальном обществе системы образования и воспитания, культивируется как частичный человек: человек определенной производственной и социальной функции, узкий специалист и потребитель предметов массового производства. Такие люди, как представляется власть имущим, нужны для сохранения существующего социального статус-кво постиндустриального общества. Это - социально незрелые люди, которыми можно легко манипулировать (Олейников 2010: 401-654). Однако итог манипуляции не всегда предсказуем, поскольку в век Интернета и социальных сетей субъектами манипулирования стремятся быть представители совершенно разных социальных сил и интересов. Поэтому в постиндустриальном обществе, несмотря на то, что на многих каналах радио и телевидения, в большинстве тиражных газет фигурируют одни и те же журналисты и приглашенные эксперты, навязывающие аудитории консолидированную точку зрения на происходящее, существует множество оппозиционных им источников информа-

ции, представляющих события в ином свете. По этой причине большинство постоянно обманываемых людей практически никому не верит. Они, вслед за многими профессионалами, считают, что "все лгут"(Стивенс-Давидовиц 2018: 382) и никому нельзя доверять. Особенно хозяевам жизни.

С развитием Интернета любая информация в принципе может стать достоянием всех. По этой причине она, вскрывая противоречия общества постмодерна, может представлять для него реальную угрозу. Однако, информация, являющаяся предметом купли-продажи, постоянно подвергается искажению. В результате складывается ситуация тотального неверия всем и вся. В обществе, где никто никому не доверяет, где любая информация может быть фейком, в конечном счете под вопросом оказывается всякая плодотворная рациональная деятельность. Нельзя с уверенностью принимать ни хозяйственные, ни политические решения. Любые решения, постановления даже высших государственных чиновников могут игнорироваться многими людьми или же блокироваться владельцами частных интернет-компаний. Пример Трампа показал, что без Интернета сейчас даже президент супердержавы превращается в ничто. А пример президентских выборов в США продемонстрировал всем, что в обществе постмодерна демократия - блеф. В обществе постмодерна нельзя быть уверенным даже в данных науки, поскольку и она строится на ложных основаниях. Ученых покупают так же, как и всех остальных. С развитием цифровых технологий практически ничего нельзя утаить, исчезает понятие тайны, конфиденциальности персональных данных. Как предвидел Маркс, постиндустриальные технологии подрывают все базовые основы бытия общества постмодерна.

Сейчас, по прошествии более года с начала пандемии, все еще нет адекватного понимания места ее возникновения и природы происхождения, специфических средств и эффективных методов лечения. Словом, вопросов больше, чем непротиворечивых ответов. Проблема новой пандемии - сплошной когнитивный диссонанс. Между тем пандемия - объективная реальность. Счет заболевших идет на сотни миллионов. Сотни тысяч людей умерли. Причины такого положения не только естественно-природные. Здесь заметную роль играют экономический и социально-политический факторы. Однако средства коммуникации, лояльные власть предержащим, упорно стремятся переадресовать причины всего спектра катастрофических проблем современного постиндустриального общества с социальных на естественные - глобальную эпидемию коронавируса. Руководители

борьбы с пандемией осуществляют противоэпидемиологические мероприятия в контексте своих стратегических социальных интересов.

Задачами борьбы с пандемией объясняются практически все принимаемые властями решения, которые обычны в период экономических кризисов. Во время кризиса перепроизводства закрытие предприятий обусловлено переизбытком произведенной продукции и невозможностью ее реализовать. Нынешние локдауны вызваны теми же причинами, но в условиях пандемии удобно объяснять их необходимость потребностью сократить контакты людей на производстве. Связанный с локдаунами рост безработицы тоже можно списать на естественные причины или отделаться незначительными выплатами для тех, кто переведен на неполный рабочий день, тем более, что новые технологии значительно повысили степень эксплуатации трудящихся. Так к примеру, еще на заре НТР - в 80 годы прошлого столетия, в США норма эксплуатации в производстве полупроводников составляла 546%. Другими словами в течение одного часа рабочего времени работник создавал прибавочную стоимость в 22,81 доллара при собственной заработной плате в 5,02 долл. В производстве компьютеров соотношение было следующее: 835%; 45,20; и 5,41 (Рюгемер 1988: 163, 194). Тогда эти производства только начинали зарождаться. Теперь ситуация принципиально другая. Громадная масса промышленных товаров производится с помощью новых нанотехнологий. Заработная плата увеличилась незначительно, зато степень эксплуатации возросла в десятки раз. Для крупных собственников потери от локдаунов терпимы, поскольку, как всегда, их покроет государство из средств госбюджета, слагающегося из налогов с населения.

Несомненно, как при любом экономическом кризисе, будет масса пострадавших. В основном это те, кто живет на заработную плату, пенсии и пособия. Пострадает и бизнес. Главным образом мелкий. Но зато другие обогатятся. Некоторые сказочно. К примеру, по оценкам экспертов, за год пандемии число миллиардеров фармакологической отрасли по списку Форбс, пополнилось на 50 человек. А как обогатились те, кто производит копеечные маски и продает их миллионами по ценам во много раз превышающим их себестоимость! Обогатились и те, кто строил новые больницы, производил оборудование для них, шил защитные костюмы и многие, многие другие предприниматели (среди которых, естественно, и гробовщики).

Перераспределение средств и собственности неотъемлемая особенность экономических кризисов. Из кризиса может извлечь пользу не только частник, но и

государство. Под предлогом борьбы с пандемией оно может решать как текущие, так и стратегические проблемы: диверсификации производственной базы, борьбы за влияние, рынки, власть, престиж и пр. Пример тому - борьба за признание и распространение вакцины от COVID-19. Ни одна из предлагаемых ныне вакцин не прошла апробацию, установленную международным регламентом по вводу в оборот подобных медицинских препаратов. Нет достоверных данных о возможных негативных последствиях применения этих вакцин. По существу, это капиталистическая конкуренция в чистом виде, представляемая как проблема политическая или забота о здоровье людей. На самом деле прививки такими изделиями в миллиардах доз могут принести баснословные прибыли. Прибыль - главное. На это не мог не обратить внимание даже В. В. Путин. Ради таких барышей, конечно, пандемию следовало бы придумать. Как известно, ради большой прибыли капитал готов совершить любое преступление (Маркс 1960 : 770). Эти свои качества общество постмодерна демонстрирует самым убедительным образом.

Все, кто работает на удаленке, солидарны во мнении, что фактическая продолжительность их рабочего времени и плата за коммунальные услуги: электричество и телефон значительно возросли, поскольку, затраты, связанные с обеспечением работы дома, легли на плечи самих работников. Из-за блокировки социальных карт льготных категорий граждан происходит экономия средств муниципалитетов и перекладывание транспортных расходов на тех, кто этими услугами пользуется. Качество обучения школьников и студентов на удаленке, безусловно, ниже, чем непосредственно в учебных аудиториях. Но и в этом для хозяев жизни нет ничего плохого, поскольку и без того неэлитарные учебные заведения нацелены на культивирование частичного социально инфантильного человека.

Кроме того локдауны, самоизоляция, карантины, обсервация, удаленка, введение чрезвычайной ситуации или комендантского часа, запреты на передвижение, требования соблюдения социальной дистанции разобщают людей. Препятствуют их общению, консолидации, выработке и проведению совместных действий для отстаивания своих прав и интересов в чрезвычайной ситуации. Начавшиеся в Европе и Америке массовые протестные движения задолго до эпидемии и продолжающиеся поныне, подавляются самыми жестокими средствами: дубинками, водометами, слезоточивым газом, резиновыми пулями, безумными штрафами за отказ носить защитные маски и ничем необоснованное требование перчаточного режима и пр.. Причины этих протестов списываются на недовольства ковиддиссидентов, хотя в своей основе это чаще всего протесты против бытия собственно об-

щества постмодерна. Такими мерами стражи порядка демонстрирует свою готовность любыми средствами защищать существующий строй от посягательств на его кардинальную трансформацию. Эти же цели преследуются организацией цветных революций и других массовых движений, направленных на свержение определенных режимов, но лицемерно инспирируемых под предлогом недовольства притеснениями, связанными с эпидемией.

Современная пандемия наглядно продемонстрировала фантастические технико-технологические возможности постиндустриального общества. Благодаря достижениям НТР, общество постмодерна обладает такими эффективными средствами производства, что способно с их помощью решать самые сложные задачи обеспечения бытия социума. Буквально за день в Китае построили завод по производству большого объема медицинских масок. Технологически более сложные продукты: строительство больниц, производство медицинского оборудования и средств защиты персонала, медикаментов, тестсистем, вакцин и многого другого, - осуществляется в невиданные прежде сроки и в огромном количестве. Это же демонстрируют и другие, не связанные с пандемией, производства. В целом понятно, что современное человечество способно быстро наращивать производство средств производства и производить в достаточном объеме все необходимое для достойной жизни человека. Мешает этому существующая система социально-экономических отношений общества постмодерна. Суть такого положения в том, что всякое общество, где существует товарное производство может себя воспроизводить только при условии наличия резервной армии труда и дефицита предметов потребления. А как это достигается?

Для того, чтобы сохранялся дефицит жизненно необходимых предметов потребления, надо часть резервов производительного труда направить на производство таких продуктов, которые являются трудоемкими, но не потребляются людьми непосредственно для обеспечения условий своей жизнедеятельности. Таковыми могут быть предметы роскоши, боевая техника, культовые, культурные и спортивные сооружения, в производстве которых участвуют большие массы людей. Такими могут быть и другие товары, которые согласно традиции, культурным привычкам или под влиянием моды или рекламы уничтожаются самими людьми задолго до исчерпания сроков их полноценной способности удовлетворять потребности человека. Среди подобных предметов потребления сейчас фигурируют многие гаджеты, автомобили и другая техника, одежда и прочие средства потребления, в которые производителями заложен фиксированный срок их функционирова-

ния, после исчерпания которого они приходят в негодность. После этого возникает потребность приобретения аналогичных вещей, для производства которых необходим дополнительный живой труд, который оплачивается, а полученные средства тратятся на новые продукты, которые требуют новых затрат живого труда. Так обеспечивается состояние дефицита необходимых вещей, что заставляет человека вновь и вновь наниматься на работу за деньги и обеспечивать тем самым воспроизводство капиталистического общества, немыслимого без товарно-денежных отношений (Болдачев 2016: 7 - 40). Так же снижению производства потребительских товаров массового спроса способствует рост безработицы, содержание армии, органов правопорядка, чиновничьего аппарата, неполная занятость, кратковременный найм на работу, сокращенный рабочий день и увеличение времени отпусков и вообще воспроизводство массы людей, которые насовсем или временно выключены из непосредственного процесса материального производства. Этому служит переключение трудоспособного населения на непроизводительное времяпрепровождение - спорт, туризм, занятия различными видами хобби и пр. Отказаться от капиталистической социально-экономической системы хозяева жизни не могут, поскольку без этого они, не владея другими социально значимыми способностями, потеряют свое привилегированное положение в обществе, социальный статус и тимос - общественное признание (Фукуяма 2020: 257). Поэтому они всячески борются за сохранение существующей социальной системы. Все эти меры успешно реализуются в ходе нынешней пандемии, демонстрируя подлинное содержание и сущность общества постмодерна.

Еще задолго до нынешней пандемии появилась идея введения так называемого "базового дохода", суть которой состоит якобы в том, что все граждане современного постиндустриального общества, независимо от того работают они или нет, должны получать средства, гарантирующие им довольно приличный уровень обеспеченности средствами существования. Эксперимент выплачивания базового дохода был проведен на небольшой выборке добровольцев в Финляндии и Бельгии. Он завершился отказом его участников от такой формы обеспечения насущных потребностей людей. Однако в условиях ковидной эпидемии этот эксперимент фактически продолжается. Под предлогом эпидемии значительный контингент работников в течении долгого времени фактически удален из процесса производства, но получает часть своей прежней заработной платы. Некоторым гражданам повысили пособия по безработице, выплачивают компенсации на детей. Этими мерами "базовый доход" этой группы людей приближен к средней пенсии,

выплачиваемой пенсионерам. На самом деле такие меры направлены на нивелирование важных условий жизни значительной массы населения на довольно низком уровне, снижение стимулов к трудовой деятельности, а в конечном счете и сглаживание протестных настроений. Пока население, фрустрированное (перепуганное ковидными страшилками) и инфантилизированное современной системой образования, и, главным образом, как говорит наш президент, "вызывающим оторопь" телевидением, не очень противится принимаемым новшествам. Люди полагают, что это временное явление. Но по всему видно, что это - тенденция решения многих социальных проблем в обществе постмодерна.

Подобные эксперименты по замораживанию низкого уровня жизни большей массы населения стали возможны потому, что, как и предвидел Маркс, сократилось индустриальное производство. Редкостью стали большие предприятия с массой организованных в профсоюзы рабочих, способных коллективно отстаивать свои интересы. На место пролетариата приходят новые страты наемных работников - прекариат (Стэндинг 2014: 328) и информалиат (Шубин 2016: 165-201). Пока нет четкого разграничения этих слоев трудящихся. Нет и одного приемлемого основания для деления таких категорий людей. Как сама стратификация общества находится в становлении, так же в становлении пребывает с соответствующая понятийная система. Ясно одно - это не какой-то новый социальный класс, в смысле предложенного Лениным определения классов (Ленин 1965: 11-29). В описательной характеристике прекариат - это слой трудящихся, состоящий из людей разных профессий, имеющих различное отношение к собственности средств их труда, получающих существенно различающиеся доходы от своей деятельности. Это, как правило, работники, не имеющие постоянного места работы. Часто меняющие сферу своей деятельности и место проживания. Они не состоят в профессиональных союзах и в каких-либо других массовых организациях, то есть социально, профессионально и политически не объединены.

Страта людей, которую предлагается определять как информалиат, более узкая. Это в основном работники, занятые в области использования и обслуживания IT технологий. Они близки прекариату во всех других приведенных выше характеристиках. По этой причине сложно говорить об этих группах людей как об окончательно оформившихся общностях людей, обладающих определенной классовой идентичностью и общностью идеологических представлений. В социальном плане это довольно аморфная когорта трудящихся, которая не имеет каких-то общих устремлений, политических лидеров, представлений о будущем со-

циальной эволюции, и программы его достижения. Потому эти люди не способны на организованное планомерное отстаивание своих интересов и противостояние существующей форме бытия общества постмодерна. Недовольство своим положением они пока способны выражать лишь в стихийных массовых акциях типа протестов "желтых жилетов", "Bleck Lives Matter" или цветных революций, инспирируемых интересами и силами отнюдь не самих участников подобных протестных акций. Экстремальная ситуация бытия общества постмодерна в условиях современной пандемии однозначно продемонстрировала революционную импотентность новых социальных слоев. Некоторые характерные особенности бытия потребительского общества постмодерна замечательно показал П. А. Сорокин, называя его определенной фазой упадка жизнедеятельности социума - "чувственным обществом" или "чувственной суперсистемой" (Сорокин 2006:378 - 383).

Эмпирические факты можно приводить бесконечно, ибо реальность неисчерпаема. Остановимся еще только на одной, чрезвычайно важной для будущего общества постмодерна особенности его эволюции - методах тотального контроля жизнедеятельности людей.

Достигнутые на пике индустриального развития классического капитализма демократические социальные права и свободы людей, ограничивающие произвол государства и капитала, при определенных обстоятельствах могут способствовать направлению эволюции общества постмодерна на путь, нежелательный для хозяев жизни. Чтобы гарантировать реализацию идеи "конца истории" и "устойчивого развития" - сохранение существующего миропорядка, власть предержащие должны найти средства, способные обеспечить полный контроль за поведением и социальную лояльность людей. Объявленная пандемия, страхи, раздутые вокруг нее, стали удобным поводом нарушения конституционных норм. Эти нарушения, ставшие массовыми и обыденными, осуществляются под предлогом чрезвычайных обстоятельств. Апробация многих технологий управления людьми, которые, за исключением стран с авторитарными режимами, трудно или вовсе невозможно было осуществить в так называемых обществах развитой демократии, успешно проводится. За прошедшее время широкую апробацию прошли технологии: практически полной идентификации человека с помощью мобильных средств связи; контроля места нахождения граждан и траектории их передвижений; места, времени, стоимости и ассортимента приобретаемых товаров и услуг, включая сведения о всех финансовых операциях и данные о состоянии здоровья человека и его контактов с другими людьми. Банк подобных "Big Data" открывает колоссальные

возможности для контроля за поведением и манипуляцией людьми. Введение кю-аркодов, безусловно, весьма удобных для обеспечения многих социально важных сторон жизнедеятельности людей, по сути в первую очередь становятся дополнительными средствами контроля и управления людьми с помощью цифровых технологий. Реализация введения в ряде стран ковидпаспортов даст дополнительный рычаг для осуществления социальной дискриминации людей, ограничения их прав и свобод под предлогом борьбы с пандемией.

Бытие общества постмодерна в экстремальных условиях пандемии наглядно демонстрирует его социальную сущность и свидетельствует о наличии объективных - технико-технологических - условий и незрелости субъективного фактора его кардинальной трансформации.

Литература

Болдачев, А. 2016. Финита ля история - политико-культурно-экономическая сингулярность. В: (сост. К. Г Фрумкин). Сингулярность. Образы "постчеловечества". (сост. К. Г. Фрумкин). М.: ООО "ТД Алгоритм".320 с.

Гегель, Г. В. Ф. 1974. Наука логики. В: Энциклопедия философских наук. Т.1. М.: "Мысль". 452 с.

Ленин, В. И. 1965. Великий почин. В: Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Госполитиздат. 623 с.

Маркс, К.

1960. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Изд-2. Т. 23. М.: Политиздат. 907 с.

1973. Машины. Применение природных сил и науки (пар, электричество, механические и химические факторы). В: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 47. М.: Политиздат. 659 с.

Олейников, Ю. В.

2010. Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы. М.: Изд-во "Перспектива". 780 с.

2018. Большое видится на расстоянии. Содержание и истоки русской революции. История и современность 1-2: 5-26. DOI:10.30884/iis/2018.01.01

2018. Верификация революционных прозрений К. Маркса. Философские науки 4: 27-44 с. DOI:10.30727/0235-1188-2018-4-27-44.

2019. Постмодерн - пограничье эпох. Философские науки 2: 26-41 с. DOI:10.30727/0235-1188-2019-62-2-26-41.

Олейников, Ю.В., Борзова, Т. В. 2008. Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ). М.: Изд-во РГСУ. 460 с.

Пихорович, В. Д.

2021.Читая Ильенкова: Идеи и взгляды теоретика, совершившего переворот в философии, политэкономии, Педагогике, психологии и переоткрвышего для современников Спинозу, Маркса и Ленина. М.: ЛЕНАНД. 224 с.

2021.Логика "коронакризиса": Мировая экономическая катастрофа начала XXI века. Марксистский анализ. М.: ЛЕНАНД. 200 с.

Рюгемер, В. Новая техника - старое общество: Кремневая долина. М.: Наука.196 с.

Сорокин, П. А. 2006. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель. 1176 с.

Стэндинг, Г. 2014. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.

Стивенс-Давидовиц, С. 2018 Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. М.: Эксмо. 384 с.

Терборн, Й. 2021. От марксизма к постмарксизму? М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 256 с.

Токвиль, А. де. Старый порядок и революция. 7-е изд. М.; Челябинск: Социум. 372 с.

Фукуяма, Ф. 2020. Слабость сильных государств. В: Пайпс,Р., Тойнби, А., Фукуяма, Ф. Россия - тысяча лет одиночества: Сборник. М.: Родина. 304 с.

Шубин, А. 2016. Путь информалиата. В: Сингулярность. Образы "постчеловечества" (Сост. К.Г. Фрумкин). М.: ООО "ТД Алгоритм". 320 с.

Энгельс, Ф. 1961. Анти-Дюринг, Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. 1961 М.: Политиздат. 342 с.

Давид ЭПШТЕЙН

Российская стагнация как результат влияния производственных отношений на производительные силы

Аннотация. В статье анализируется факт стагнации экономического развития России примерно с 2010 года и тот факт, что государственная экономическая политика до сих пор не позволяет справиться с этой стагнацией. Это говорит о негативном влиянии производственных отношений на производительные силы в данном случае. В связи с этим подробно исследовано противоречие между производительными силами и производственными отношениями и механизм их взаимодействия на локальном и общественном уровнях. Показано, что производственные отношения в ряде секторов экономики страны и соответствующие группы интересов действительно противоречат развитию производительных сил. Отсюда – торможение развития производительных сил такими производственными отношениями.

***Ключевые слова**: стагнация экономики, Россия, производительные силы, производственные отношения, противоречие между производительными силами и производственными отношениями, локальный и общественный уровни.*

1. Постановка проблемы: стагнация экономики России

Обратиться к теме, обозначенной в заголовке статьи, нас заставил тот факт, что российская экономика, по сути дела, стагнирует с 2010 года, то есть после мирового финансового кризиса[1]. Да и предшествующий рост (с 1999 года) был восстановительным ростом после длительного падения, а фактически – развала экономики в результате «шоковой терапии», иначе говоря, катастрофически ошибочной государственной экономической политики. Но ведь базовые экономические отношения, которые должны были, по замыслу «реформаторов», способствовать устойчивому и быстрому экономическому росту – капиталистические производственные отношения – в основном были созданы, хотя и в государственно-олигархическом варианте[2]. Казалось бы, после восстановления можно было ожидать экономический рост хотя бы на среднемировом уровне. И тем не менее…

1См., например, [14] .

2Подробнее об этом см. [10, с. 412].

Между тем, мировая экономика довольно быстро растет с 2009 года, причем как при снижении, так и росте цен на топливо. В среднем, по сравнению с 2008 годом, рост ВВП к 2019 году составил в мире 42,2% (2,6, -3,4)[1], у развитых стран – 17,4% (1,6, -4,6), у развивающихся – 68% (4,0, -1,4), а в России – 12,4% (2,0, -3). Промышленное производство сократилось в 2020 году на 2,1%, реальные располагаемые доходы упали на 2,8%

Это своего рода негативный рекорд. Для сравнения: за эти годы Белоруссия выросла на 19,5% (1,4, -0,9), Азербайджан – на 25,4% (2,2, -4,3), Казахстан – на 55,8% (4,5, -2,4).

Из развивающихся стран: Турция – на 63,7% (0,9, +1,8), Индия – на 111,8% (4,2, -8), Китай – на 129% (6, +2,3).

Рост развитых стран за период 2009 - 2019 г.: Япония – рост на 6,8% (0,3, -5,8), Франция – на 11,8% ((1,8, -7,8), Германия – на 14,6% (1,1, -4,6), Чехия – на 21,8% (3,0, -5,8), США – на 22,3% (2,2, -3,5), Канада – на 20,8% (1,9, -5,3)[2]. Понятно, что списать это отставание на санкции в связи с присоединением Крыма не получается, хотя бы потому, что реально эти санкции начали действовать лишь с 2015 года, а экономика России не растет уже с 2010 года. Надо также учитывать, что санкции дали явный эффект импортозамещения, то есть роста отечественной промышленности и сельского хозяйства по ряду важных направлений[3]. Динамика такова, что к 2017 году экономика России вернулась на свой досанкционный, крайне низкий темп роста 1,3%-1,5%[4]. С этим была связана отставка правительства страны в январе 2020 года по инициативе Президента.

2. Чем обусловлены различия в темпах роста

С точки зрения истории мировой экономики факт российской стагнации вполне заурядный. Постоянно имеют место огромные различия между темпами

1В скобках – темп прироста ВВП в 2019, 2020 гг.

2См. [15,16].

3 Ссылаясь на исследования Аналитического кредитного рейтингового агентства (АКРА) «Влияние санкций на экономику России в 2019 году» Е. Г. Павлова приходит к выводу « о слабом влиянии санкций на финансовое состояние наших банков и компаний. В среднесрочном периоде, по мнению исследователей, санкции нельзя считать сдерживающим фактором для роста российской экономики… Как это ни парадоксально, но санкции Запада принесли российской экономике определенную пользу» . [8]

4В 2013 году темп роста ВВП составлял 1,3%, в 2014 – 0,7%, в 2015 – -3,7%, в 2016 – -0,2%, в 2017 + 1,5%, в 2018 году 2,3%, среднем – -0,3% (минус!). См. Статистические ежегодники Роскомстата за соответствующие годы.

роста стран, в которых установился принципиально один и тот же способ производства. И эти различия, например, в XX – XXI веках, связаны далеко не только с очевидными географическими и климатическими или историческими факторами (известный «эффект колеи»), и не с наличием ресурсов. Но с чем же? Чем отличаются государства в их отношении к экономике?

В первую очередь кажется естественным следующий ответ: государства отличаются экономической политикой, то есть, пользуясь терминологией новой институциональной теории, системой институтов и тем, как ими пользуется, как их модифицирует государство. Например, при одних и тех же базовых институтах одно государство стимулирует рост отечественной экономики, образования и развития науки (как основы выработки и применения в экономике новых знаний), а другое нет… То есть, различия объясняются в существенной степени влиянием деятельности государства на экономику, иначе говоря, на производительные силы. В целом, такой ответ, безусловно, задает адекватное направление поиска. Но он не дает ответа на вопрос, под воздействием чего изменяются государственная экономическая политика и институты?!

Марксизм дает несколько иной ответ на причины различий. С марксистской точки зрения производственные отношения влияют на экономику и темпы ее развития, то есть на производительные силы. А производственные отношения – это отношения людей (и групп людей, организаций, различных формальных и неформальных структур), складывающиеся в процессе производства. Но в первую очередь, согласно марксизму, производительные силы влияют на производственные отношения, вызывая их постепенное изменение (усиливается общественный характер производства, развивается социализация экономики и т.п.), но производственные отношения, в особенности, базовые производственные отношения, отношения собственности на средства производства, несколько запаздывают, это менее подвижный элемент способа производства…Причем, начиная с некоторого момента, это запаздывание по отношению к производительным силам становится все более заметным и существенным…Между ними накапливаются противоречия, выражаемые в острых столкновениях интересов людей и больших социальных групп, занятых в экономике. В какой-то момент прежняя система производственных отношений взрывается и революционным путем заменяется на новую, способную на длительный период благоприятствовать развитию производительных сил, происходит смена общественно-экономической формации.

3. Локальное влияние производительных сил и производственных отношений

Но такая односторонняя картине взаимодействия производительных сил и производственных отношений была бы неполной. Прежде всего, очевидно, имеет место не только описанное выше влияние эволюционного изменения производительных сил[1] на революционную смену производственных отношений, но и обратное, причем постоянное «текущее», ежедневное влияние производственных отношений на производительные силы. Они (производственные отношения) могут тормозить или ускорять развитие производительных сил…При этом основополагающие, базовые «отношения собственности на средства производства» могут длительный период оставаться по сути теми же самыми, но при этом меняются отношения более «глубокого» уровня.

Поэтому марксизм говорит не о раздельном влиянии производительных сил на производственные отношения и наоборот, а о противоречии между производительными силами и производственными отношениями, в котором есть две взаимодействующие стороны. Противоречие это состоит в том, что любые действия людей (люди – это активный элемент производительных сил) происходят в рамках определенных и на данный момент сложившихся производственных отношений, определяющих, что разрешено тому или иному агенту экономики, и что не разрешено, что ему выгодно в рамках сложившихся отношений и что невыгодно. Поэтому эти отношения определенным образом направляют (поддерживают или тормозят) ту или иную деятельность людей. Это противоречие содержания (активной экономической деятельности людей) и формы (производственных отношений).

Существуют и играют важную роль в экономике производственные отношения, складывающиеся как не зависящие от воли конкретных экономических агентов (субъектов) производства и зафиксированные в обычаях, правилах, неформальных нормах, а также в законах, предписаниях и т.п. формализованных нормах. Как правило, подчеркивается объективность производственных отношений[2].

1«Два важнейших элемента производительных сил общества – это, во-первых, *человек,* обладающий способностью к труду, совокупностью знаний, навыков, приемов производства. Во-вторых, это материальные средства производства. Следует особо подчеркнуть, что именно *человек* со своими способностями к труду является *ведущим элементом* производительных сил. Именно он своей деятельностью создает, видоизменяет, совершенствует средства производства и приводит их в движение». См. [1, с 59].

2«Характер *производственных отношений* зависит не от воли и сознания людей, а является объективным, поскольку определяется данным, наличным уровнем развития материальных условий производства, то есть уровнем развития производительных сил человеческого общества». См. [1, с 59].

Но есть в экономике и «повседневные», текущие производственные отношения, в которых субъективные намерения и мотивы, а в конечном итоге, интересы людей и/или различных групп и коллективов являются значимым действующим фактором. Если, например, на данном предприятии (или в данном цехе) руководство поощряет изобретательных работников, рационализаторов и т.п., сознательно ориентирует их на поиск и выявление резервов, на снижение затрат, то такие производственные отношения будут каждодневно способствовать росту производительных сил на данном предприятия. И наоборот, если руководство тормозит рационализаторские намерения работников, то такие отношения будут препятствовать росту производительных сил. Это – вполне очевидное влияние текущих производственных отношений на производительные силы.

Иной пример: как известно, Г. Форд, выстраивая успешные и современные для начала XX века, но высокоинтенсивные предприятия, одним из первых показал пример позитивного действия повышенной минимальной зарплаты при некотором сокращении рабочего дня[1].

Взаимное влияние локальных производительных сил и производственных отношений можно проследить на примере, описанном выше: допустим, на данном предприятии руководство установило новую технику, но оно не поощряло ранее рационализаторов. Однако новая техника, как правило, нуждается в определенном периоде приспособления к данному производству, настройке, подборе режимов и подходящего сырья, в грамотном отношении со стороны работников и т.д.. При отсутствии активности со стороны тех, кто использует новую технику, руководство скоро убедится, что она используется недостаточно эффективно по сравнению с теми предприятиями (или цехами), где ранее поощрялась и поощряется рационализаторская активность. И оно будет вынуждено ввести некоторые формы поощрения. Более того, новая техника может потребовать регулярного обучения работников, введения новой системы оплаты труда и стимулирования и т.п. В результате локальное изменение производительных сил вызывает к жизни локальное изменение производственных отношений, а они, с свою очередь, способствуют развитию производительных сил.

На определенном этапа накопленные массовые изменения производительных сил могут вызывать определенные изменения производственных отношений уже на уровне общества, например, повышение сложности техники вызывает

1 Г. Форд «…в 1914 году ввёл самую высокую в США минимальную заработную плату — 5 долларов в день, допустил рабочих к участию в прибылях компании, построил образцовый рабочий посёлок, но вплоть до 1941 года не разрешал создавать профсоюзы на своих заводах». [13].

необходимость со стороны государства принять меры по повышению уровня образования в стране и его субсидировании, а также ввести субсидирование регулярного повышения квалификации работников на производстве.

В свою очередь, эти изменения в производственных отношениях будут очевидным образом способствовать дальнейшим изменениям в производительных силах. Это одна из линий взаимодействия разных «уровней» производственных отношений между собой и воздействия их на производительные силы. Но воздействие производственных отношений, связанных с экономической политикой государства, может быть не только положительным, но и отрицательным.

4. Возможность негативного воздействия производственных отношений, изменяемых государственной экономической политикой, в том числе под воздействием противоречивости интересов

При сохранении прежних основных (базовых) производственных отношений в экономике и обществе (отношений собственности на средства производства) могут происходить и происходят значимые изменения этих отношений на предприятиях под влиянием развития производительных сил, а также и в масштабах общества в результате экономической политики. Собственно говоря, деятельность законодательных органов любой страны, которая связана с совершенствованием трудового, производственного, финансового и т.д. законодательства, как раз и посвящена изменению производственных отношений. Эти, производимые государством сознательные изменения производственных отношений, вызваны, как правило, стремлением способствовать позитивным изменениям производительных сил. Однако из этого правила (позитивные изменения в результате действий государства) есть очень существенные исключения. Во-первых, конкретные решения государства могут быть ошибочными, что мы нередко наблюдаем в жизни, и в конечном итоге вести к негативному воздействию на производительные силы. Конкретная иллюстрация последнего положения: система мероприятий» «шоковой терапии», инициированная в 1992 году радикальными «реформаторами», нанесшая колоссальный вред экономике страны, ее производительным силам. Второй пример – приватизация «по-чубайсовски». От негативных последствий (в том числе, социально-политических) этих изменений производственных отношений экономика нашей страны не оправилась до сих пор.

Но негативное воздействие производственных отношений на производительные силы может быть связано не только с субъективными ошибками действующих лиц. Негативным оно может быть в силу противоречивости интересов различных групп действующих лиц, хотя и маскируется это негативное воздействие как правило позитивными намерениями.

Проиллюстрируем сказанное условным примером. Пусть некое деревообрабатывающее предприятие имеет два крупных подразделения: первое производит и реализует мебель, а второе добывает и обрабатывает сырье и материалы (дерево и материалы из дерева) для этого производства. При этом второе подразделение также продает это сырье за рубеж, получая хорошую прибыль, и рентабельность второго подразделения в целом выше первого, так как мировые цены на лес и продукты его первичной переработки высоки, а на рынках сбыта готовой мебели имеет место большая конкуренция. Предположим, руководство первого подразделения разработало долгосрочный проект повышения качества своей продукции, а тем самым, и рентабельности. Но на свободные средства для инвестиций претендует и второе подразделение. У него есть проект достаточно быстрого расширения объемов экспорта, который хотя и не повысит рентабельность, но повысит массу прибыли. И поэтому руководство второго подразделения настаивает на реализации именно своего проекта. Руководство всего предприятия вполне может пойти на поводу именно у второго подразделения, считая, что важны сегодняшние перспективы, а не долгосрочные, связанные с дорогостоящим повышением уровня переработки и качества конечной продукции (мебели). В данном случае принимаемые руководством решения (изменяющие производственные отношения таким образом, что первое подразделение остается без капиталовложений…и т.п.) связаны не только и не столько с субъективными ошибками (хотя они тоже имеют место), сколько с наличием реальной противоречивости интересов двух подразделений и необходимости выбора. На данном предприятии *побеждают интересы второго подразделения*, связанные с ростом экспорта продукции с низкой добавленной стоимостью, а интересы первого подразделения, связанные с ростом качества и эффективности, игнорируются, и значимого развития производительных сил данного предприятий не происходит.

Вполне понятно, что приведенный выше пример – это отнюдь не искусственная абстрактная ситуация, а своего рода упрощенная, но очень значимая модель российской экономики и деятельности государства, где систематически производственные отношения выстраиваются так, что приоритет получают отрасли,

обеспечивающие сырьевой экспорт, а обрабатывающие производства поддерживаются государством «по остаточному принципу». Вывод: противоречия интересов различных групп, а также текущих и долгосрочных интересов – вот одна из важных причин негативного воздействия производственных отношений на производительные силы.

5. Локальное и в масштабах общества взаимное воздействие производственных отношений и производительных сил. Государство – субъект производственных отношений.

В итоге можно констатировать, что мы имеем двойное влияние изменений производительных сил: 1) на производственные отношения также на локальном уровне и 2) постепенно накопляемое влияние на производственные отношения в масштабах всего общества, которое частично оформляется, формализуется в экономической деятельности государства. Также мы имеем и двойное влияние производственных отношений на изменения в производительных силах: локальные изменения в производственных отношениях (на уровне предприятий и групп предприятий), а также изменения на уровне всего общества в виде законодательной и регулирующей деятельности государства и его крупных подразделений.

Правда, деятельность государства традиционная марксистская теория исторически рассматривала как надстроечную, выходящую за рамки производственных отношений. Но это было связано с тем, что государство рассматривалось прежде всего как политический орган, осуществляющий политическое руководство в интересах господствующих классов. Такая квалификация деятельности государства была вызвана относительно небольшим и вспомогательным участием государства в экономике. Однако государство практически *всегда* занималось регулированием экономической деятельности, и к концу XIX века это стало уже совершенно необходимой и расширяющейся сферой государственной деятельности в экономике. Государство с его функциями регулирования экономики и прямого управления целым рядом отраслей – это субъект экономики, едва ли не важнейший субъект, и как таковое – оно, безусловно, субъект производственных отношений, так же как на уровне частного предприятия его владелец является субъектом отношений управления, то есть одной из сторон производственных отношений «управляющий - работник». Отношения государства с другими экономическими субъектами по поводу их экономической деятельности – это производственные от-

ношения. При этом базовые основы производственных отношений определяются уровнем развития производительных сил, но их конкретные формы и реализующие их правила существенно зависят от времени, от страны и даже от конкретных решений конкретных руководителей государства, отрасли, предприятия, профсоюзов, от организованности работников и т.д.

6. Субъекты, объекты и этапы взаимовлияния производительных сил и производственных отношений

Чтобы более детально структурировать положение о взаимном влиянии производительных сил и производственных отношений, попытаемся кратко описать этапы этого процесса и затем определить, кто (или что) является субъектом и кто (или что) является объектом этого воздействия с каждой стороны. Трудность здесь в том, что, вообще говоря, производительные силы и производственные отношения – это, на первый взгляд, разнокачественные объекты. На стороне производительных силы выступают люди и средства производства (машины, сырье, комплектующие и другие средства и предметы труда, технологии). Люди, очевидно, могут воздействовать на материальные предметы, составляющие средства и предметы производства, а также создавать интеллектуальные продукты. Но производственные отношения – это не материальные предметы и не интеллектуальные продукты. Они воздействуют на производительные силы через деятельность людей. На наш взгляд, отчетливо различимы следующие этапы воздействия производственных отношений на производительные силы.

Этап 1. Люди (как правило, объединенные в различные производственные организации или отдельные производители) осуществляют процесс производства с помощью средств производства. Они действуют в рамках уже существующих производственных отношений, интересов и стимулов.

Этап 2. Полученные результаты процесса производства распределяются между его участниками согласно существующим производственным отношениям, в том числе отношениям распределения, которые, вообще говоря, существенно зависят от отношений собственности. Отношения распределения в основном представлены формальными и неформальными правилами (институтами – в терминологии новой институционально экономики). Эти правила всегда создают определенные стимулы для участвующих в производстве.

Этап 3. Участники производства оценивают полученные результаты и свою долю в них, ее соответствие трудовому и материальному вкладу, а также правила и отношения распределения. Кого-то эти результаты устраивают, а кого-то, возможно, нет.

Этап 4. Если эти результаты и правила устраивают участников производства, то процесс производства повторяется, воспроизводится в прежнем или расширенном масштабе при прежних отношениях.

Этап 5. Если результаты производства и распределения (сложившиеся под влиянием существующих отношений и правил) не устраивают какие-то группы участников производства, то у этих групп возникает стимул к изменению или процесса производства, или своей роли в нем, или правил распределения, или более широкой совокупности производственных отношений.

Этап 6. Будут ли произведены желаемые изменения в правилах распределения и в более широкой совокупности производственных отношений (выходящей за рамки данной организации), в каком объеме и т.д., зависит от экономической (и политической) силы различных групп и их способности найти компромисс и/или использовать различные формы давления (в том числе, и революционное перераспределение собственности).

Этап 7. Произведенные изменения в производственных отношениях и правилах формируют у участников *новые* стимулы, с которыми они вступают в новый процесс производства. По сути, это вновь этап 1, но с измененными производственными отношениями и, вообще говоря, с несколько иными участниками производства (как минимум, с новым опытом производственных отношений).

Мы видим, таким образом, в этом «кольцевом взаимодействии», что *субъектами воздействия производительных сил* на производственные отношения являются люди (и организации) – участники процесса производства, но на производственные отношения эти субъекты воздействуют сначала косвенно, через результаты и оценку их этими же участниками процесса производства, а затем непосредственно, выдвигая, при необходимости, требования об изменении производственных отношений. *Объектами* воздействия производительных сил на производственные отношения в конечном итоге оказываются вновь люди – участники производства (в широком смысле, включая и государство). В итоге, активной стороной, выступающей за изменения производственных отношений, снова оказываются участники процесса производства, хотя их воздействие на производственные отношения не равное и не одинаковое, а зависит от роли в процессе произ-

водства. Но и обратное воздействие производственных отношений на производительные силы реализуется через деятельность людей, являющихся участниками процесса производства. Фактически *субъектом воздействия производственных отношений* на производительные силы также являются люди, участники процесса производства. И объектом – также участники производства. То есть, в конечном итоге, взаимное воздействие производительных сил и производственных отношений – это взаимодействие между людьми (и организациями) – экономическими агентами в процессе производства при использовании средств производства.

Полученный результат можно представить в виде формулы:

((УП + ПО) + СП) ⇒ ((УП' + ПО') + СП') ,

где:

УП –Участники Процесса производства – люди, связанные производственными отношениями,

ПО - производственные отношения,

СП – средства производства,

ПО - производственные отношения,

⇒ - процесс производства,

те же «переменные» со знаком штрих (') – новые, измененные в результате производства «величины»[1].

7. Различным этапам развития производственных отношений соответствуют различные системы этих отношений в рамках одной и той же формации

Маркс писал в «Нищете философии»: «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, – они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница даёт вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом»[2]. Здесь Маркс демонстрирует, как накопленные различия между двумя типами машин (и технологий) осуществления одной и той же производственной операции (помол зерна) с вызванными ими изменениями в производственных отношениях (и, разумеется,

1Эта формула, естественно, напоминает известную формулу Маркса капиталистического производства: напоминающей известную формулу Маркса Д ⇒Т ⇒ Д' .

2[5, с. 133].

параллельно с изменениями в технологиях других видов деятельности), создали два разных типа общества, две разных общественно-экономические формации – феодализм и капитализм.

Но **крупным накопленным изменениям в производительных** силах *одной и той же* формации также соответствуют **крупные этапы развития производственных отношений**, которые, как правило, выделяются историками, политэкономами, философами. В порядке иллюстрации различных стадий капитализма, не претендуя на полноту этой иллюстрации, назовем следующие фазы, отвечающие *разным этапам* в развитии производительных сил: 1) простая кооперация, 2) мануфактурное производство, 3) машинное производство, 4) монополистический капитализм (империализм), 5) государственно – монополистический капитализм (кейнсианский капитализм), 6) неолиберальный капитализм, 7) глобализованный национально-корпоративный капитализм. Последняя фаза выделена в связи с наблюдающимся трендом к торможению либеральной глобализации и движению в направлении повышения в экономике роли индустриальных и наукоемких производств, локализованных преимущественно в рамках данного национального государства (при опережении национального экономического развития по сравнению с темпом глобализации).

В качестве иллюстрации этих стадий и временных рамок развития производительных сил примем схему смены технологических укладов, предлагаемую С.В. Глазьевым (табл. 1), с небольшими изменениями[1]. В первый уклад мы включили мануфактурное производство (а не только период «текстильных машин», как у С.В. Глазьева), соответственно изменив начальный период доминирования первого уклада с 1770 г. на 1700 г.

Таблица 1. Технологические уклады (по С.В. Глазьеву) и соответствующие им стадии в развитии капитализма

Номер уклада	Примерный период господства данного уклада	Основной тип технологии (машин), определяющий данный уклад	Стадия капитализма

1[2].

Первый	1700-1830	Ручной труд и текстильные машины	Простая кооперация и мануфактурное производство
Второй	1830-1880	Паровой двигатель	Машинное производство
Третий	1880-1930	Электродвигатель	Монополистический капитализм (империализм)
Четвертый	1930-1970	Двигатель внутреннего сгорания	Государственно –монополистический капитализм (кейнсианский капитализм)
Пятый	1970-2010	Микроэлектронные компоненты	Неолиберальный капитализм
Шестой	2010-2040	Нанотехнологии, гелио – и ядерная энергетика	Глобализованный национально-корпоративный капитализм

Эта таблица, при некоторых очевидных условностях и упрощениях, наглядно иллюстрирует тот факт, что накопленные существенные изменения производительных сил значимо влияют на производственные отношения и позволяют, вслед за Марксом, выделить стадии *в развитии капитализма*, характеризующие, вообще говоря, *существенно различные системы производственных отношений этих стадий.* Это отличия в роли, значении и масштабах деятельности государства в экономике, в степени развития крупного производства и его монополизации, в требованиях к образованию трудящихся, в поощрении государством роста образования, в доле доходов работников в валовом национальном продукте, в степени дифференциации доходов, в развитии национальных инновационных систем, в достигаемом уровне процесса глобализации мировой экономики и т.д.

8. Негативные аспекты влияния производственных отношений на производительные силы в сегодняшней России

Теперь, возвращаясь к тому факту, что производительные силы нашей (российской) экономики развиваются не теми темпами, что имеют место в большинстве стран и не в том направлении (преобладание сырьевого экспорта), мы можем попытаться ответить на вопрос, в чем причина такого «развития». Почему, в частности, недостаточно используются инновации, недостаточно и их производство в стране? Почему Центральный банк, игнорируя мировой опыт поддержки экономического развития, по-прежнему удерживает ключевую ставку на уровне

7,5% - 10%[1], существенно превышающем рентабельность активов всех отраслей, за исключением добычи полезных ископаемых?![2] В результате показатели развития добывающего сектора намного и систематически выше показателей добывающего сектора (см. табл. 2; далее мы подробно остановимся на причинах этого важнейшего для России явления) .

Таблица 2. Показатели добывающего сектора и обрабатывающих производства России (2017-2020)

	2017	2018	2019	2020
Рентабельность активов добычи полезных ископаемых, в %	10,4	15,6	11,8	8,3
Рентабельность активов обрабатывающих производств, в %	4,4	5,5	6,9	5,8
ОПФ добычи полезных ископаемых, млрд. руб.	23924	26953	29775	31859 (+7%)
ОПФ обрабатывающих производств, млрд. руб	18957	20814	22789	23997 (+5,3%)
Численность работников добычи полезных ископаемых, тыс. чел.	1127	1142	1153	1160 (+0,6%)
Численность работников обрабатывающих производств, тыс. чел.	10173	10067	9963	9680 (-2,9%)
Фондооснащенность одного работника в добыче полезных ископаемых, тыс. руб./чел	21,2	23,6	25,8	27,5
Фондооснащенность одного работника обрабатывающих производств, тыс. руб./чел.	1,9	2,1	2,3	2,5

1См. [4]

2В 2017 и 2018 годах рентабельность активов составляла по экономике в целом 3,8% и 6,4%, соответственно. Рентабельность комплекса отраслей «сельское хозяйство, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» – 5,4% и 7,1%, рентабельность активов добычи полезных ископаемых – 10,4% и 17,3%, соответственно, а рентабельность обрабатывающих производств 4,4% и 6,%. [9, с. 260].

Почему при недостаточном объеме инвестиций (в том числе, в инфраструктуру) государство систематически выводит большую часть средств от продажи ресурсов за рубеж, покупая американские облигации и оставляя отечественную экономику на голодном пайке?! Почему, наконец, академическая наука, деятельность которой принципиально важна для инновационного развития, с 2013 года подвергается бюрократическому издевательству, называемому «реформой РАН»? В чем дело?!

После проведенного рассмотрения вопроса о влиянии производственных отношений на производительные силы, мы вправе ответить на эти вопросы так: развитие производительных сил тормозится существующими производственными отношениями[1].

И все же, такой ответ, скорее всего, вызовет удивление: как это возможно с позиций осуществления коренных интересов «элиты», господствующих классов, в том числе, буржуазии, а также прослойки топ-менеджеров? Ведь экономическая политика в стране определяется государством, а оно должно принимать эти решения в согласии, прежде всего, с господствующими в экономике слоями, с «бизнесом»? Но дело в том, что государство – относительно самостоятельный субъект экономики, действующий под влиянием различных социальных слоев (а также внешних сил). Поэтому оно может, вообще говоря, действовать вопреки интересам господствующих слоев в целом, например, полагая, что действует в долгосрочных интересах этих же слоев и/или всей страны. Значительно чаще оно может действовать вопреки интересам одной части господствующих слоев, если при этом оно действует в интересах другой части. Оно может поэтому де-факто тормозить развитие производительных сил и экономики под влиянием интересов тех или иных значимых внутренних или внешних (для периферийных государств) сил, не говоря уже о названной возможности ошибочных решений, которая нередко реализуется в силу недостаточной компетенции многих руководящих лиц.

Обращаясь к конкретике, зададимся вопросом, могло бы государство долго (уже порядка 30 лет…) проводить такую политику, которая не отвечает коренным интересам *достаточно крупных и наиболее состоятельных социальных групп*,

1С.Г. Глазьев полагает, что «Причины стагнации российской экономики целиком лежат в сфере денежно - кредитной политики. Попросту в ней почти отсутствует кредитование инвестиций в развитие производства. Подавляющую часть капиталовложений предприятия финансируют за счет собственных средств, а доля производственных инвестиций в активах банковской системы составляет несколько процентов». См. [3, с. 29-30]. На наш взгляд, за определенными действиями в сфере денежно-кредитной политики стоят интересы определенных акторов и секторов экономики.

функционирующих в экономике?! На наш взгляд, это невозможно, и, следовательно, необходимо анализировать интересы различных групп собственников, сложившихся в России. При этом, мы исходим из того, что у различных групп одного и того же класса могут быть интересы, кардинально противоречащие друг другу. Также есть (всегда имеют место) противоречия между долгосрочными и краткосрочными интересами.

Если рассматривать этот вопрос (о противоречиях между различными группами господствующего класса) более конкретно, то, прежде всего, необходимо назвать противоречия между Центральным Банком и финансовым сектором страны, с одной стороны, и предпринимателями других (не финансовых) секторов и отраслей экономики. Учитывая эти интересы, приходится признать, что финансовому сектору выгодно сохранение высоких процентных ставок (как минимум, 10%-15%), хотя большинству других отраслей страны, испытывающих дефицит ресурсов для обновления производства, необходимы кредиты под уровень процента, не превышающий рентабельность их активов, то есть, не выше 5-7%.

9. Почему дела не следовали за словами о необходимости инновационного развития

Есть три видимых фактора, частично объясняющих, почему много говорится об инновационном развитии, пишутся программы…, но де-факто средств выделяется недостаточно, и решительные действия в направлении содействия развития фундаментальной науки, воссоздания почти уничтоженного в 90-е годы сектора прикладной науки и поддержки инвестиций в обрабатывающий сектор не предпринимаются. Первый фактор состоит в том, что наша бюрократия, учитывая опыт массовых протестов в период монетизации льгот, безусловно, опасается любых значимых социальных и экономических кризисов и создает для себя на эти случаи финансовую подушку безопасности», в несколько раз превышающую реально необходимые резервы. Второй фактор состоит в тривиальной неумелости нашей бюрократии и боязни на практике учиться столь важному в условиях рыночной искусству правильного определения стратегических приоритетов развития, концентрации средств, поддержке промышленного развития страны в необходимых направлениях. Наконец, третий фактор связан со вторым – не умея и не вполне желая справиться с коррупцией и разворовыванием бюджетных средств, бюрокра-

тия имитирует шаги в сторону инновационного развития, оставляя лазейки для растаскивания.

Но в основе поведения бюрократии в нашей стране лежит тот факт, что имеется сектор экономики с рентабельностью активов, существенно большей, что процент за кредит и большей, чем в обрабатывающей промышленности, поставщик валюты. Речь идет о добывающем секторе и секторе, экспортирующем ресурсы, а также поставляющем их внутри страны. Эти взаимосвязанные сектора нуждаются в инновационном развитии отнюдь не всей экономики (так как это вело бы к снижению потребности в добываемых ими ресурсах), а лишь тех, которые помогали бы ему долгосрочно сохранять повышенную рентабельность в стране и в мире. В сохранении высокой рентабельности внутри страны большую роль играет то, что мировые цены на многие виды сырья (газ, нефть, продукты переработки нефти, лес и др.) существенно выше отраслевых затрат.

К тому же, этот сектор настолько богат, что для него *выгоднее покупать готовые западные инновации вместе с технологиями и оборудованием*, чем вкладываться самостоятельно в рискованные собственные инновации, серьезно поддерживать отечественную академическую и отраслевую науку…, за редкими исключениями явно выгодных вложений. Средств на покупку зарубежных инноваций у ресурсного сектора достаточно. Такое положение остается, конечно, в силе, только до тех пор, пока у этого сектора есть сильные конкурентные преимущества (а они пока есть у российского сырьевого сектора).

Этот факт объясняет также, почему наши другие (несырьевые) отрасли также не спешат поддерживать отечественную науку и вкладываться в отечественные инновации, их приобретение, доработку и широкое применение. Ведь если вы работаете в отрасли, которая отстает от передовых (в мире) стран по производительности труда и эффективности в 2-3 раза и более, то для вас экономически более выгодно в данный период закупать готовые зарубежные инновации, чем вкладываться самому в рискованные проекты. Поэтому сильно отстающие от мирового уровня в развитии отрасли даже при полной свободе не заинтересованы пока во вложениях в науку и качество образования.

10. Ловушка «среднего уровня развития»

Но есть ли в России сектора, остро нуждающиеся именно в собственных инновациях и в собственной (отечественной) науке? Да, такие отрасли есть. Это

те отрасли, в которых мы лидируем или находимся на мировом уровне и которые уже сегодня остро конкурируют на мировом рынке с высокотехнологичными зарубежными производителями. У них нет гарантированной «подушки безопасности». Для них в основном закрыт доступ к передовым зарубежным инновациям или по соображениям секретности, как, например, в производстве вооружений, или они очень дороги…,. Отечественные же инновации для них обходятся существенно дешевле зарубежных, и, главное, отечественная наука в этих отраслях, как минимум, не отстает от науки других стран. Такие отрасли действительно заинтересованы в развитии отечественной прикладной науки и, в известной степени, в развитии фундаментальной науки. Но эти сектора отечественной науки остаются отделенными от большинства ее секторов и находятся на особом положении.

Получается неочевидное противоречие. Для того, чтобы иметь развитую и конкурентоспособную многоотраслевую науку (прикладную и фундаментальную), ее надо постоянно финансово поддерживать, обеспечивать для нее приоритет в заработной плате и финансировании. Но реальную пользу это сможет приносить лишь в том случае, если в данной стране уже есть конкурентоспособная на мировом уровне промышленность, конкурентоспособная экономика. Эта польза будет реализоваться именно в конкурентоспособных отраслях. Если таких отраслей сравнительно немного (как в России), то поддерживать широкий комплекс научных исследований становится на достаточно длительный период невыгодно.

В этом состоит «ловушка среднего уровня развития»: для скачка со среднего уровня на высший требуются большие вложения в науку, но для большинство отраслей эти вложения пока невыгодны. Для них выгоднее покупка готовых зарубежных инноваций, которые как раз и консервируют отставание этих отраслей и задержку их в лучшем случае на прежнем среднем уровне.

Преодолеть эту «ловушка среднего уровня развития» можно только с помощью долгосрочной государственной политики. Этого требуют долгосрочные интересы общества и, прежде всего, интересы трудящихся, которые более всего страдают от отсутствия высоких темпов экономического развития и роста производительности труда во всей экономике. Но, во-первых, и среди трудящихся есть разные отряды…Некоторым из них выгоден экспорт огромных объемов ресурсов…Во-вторых, государство находится, в том числе, под давлением тех групп, которые заинтересованы в приоритетном развитии ресурсного сектора и для которых развитие фундаментальной науки в том числе, общественных наук)

несет угрозу потери влияния на решения государства и потерю соответствующих источников ренты.

Таким образом, в силу сложившихся условий, в результате слабо контролируемых обществом процессов развала советской экономики, производственные отношения в ряде секторов экономики и соответствующие группы интересов действительно противоречат развитию производительных сил. Отсюда – и торможение развития производительных сил такими производственными отношениями[1]. Негативная ситуация существенно усугубляется тем, что фактический монополизм одной партии в стране дополняется монополизмом представительства одного лишь направления экономической науки (обозначим его как ресурсно-рыночный либерализм) в управляющих органах страны.

11. О некоторых рекомендация новой институциональной экономики

В книге «Понимание процесса экономических изменений» один из авторитетных теоретиков, работающих в русле новой институциональной экономики, Д. Норт, лауреат Нобелевской премии, дает свой ответ на вопрос о причинах различий в темпах экономического роста и стратегиях, выбираемых государством. Он отмечает роль демографии, накопляемых наукой и обществом знаний, влияние культуры, в том числе, когнитивной культуры, истории, внешних факторов, делает при этом массу интересных наблюдений, но приходит к тому основному выводу, что одни государства смогли выстроить систему институтов, обеспечивающих «адаптивную эффективность», а другие – нет[2]. И более того, в целом его вывод скорее пессимистичен: …«Нет никаких гарантий, что гибкие институциональные структуры, обладающие адаптивной эффективностью, сохранятся во все более сложном, создаваемом нами мире. Экономический упадок множества цивилизаций в прошлом свидетельствует о том, что и адаптивная эффективность может

1«По данным аналитического центра Торгово-промышленной палаты …только за 2018 год в стране закрылось свыше 41 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности. А что касается уцелевших — издержки и себестоимость продукции растут. Да, есть и «подкармливание» — субсидиями, грантами. Но! 52:1 — таково процентное соотношение налогов и господдержки у промышленников». См. [12].

2«То, что я называю адаптивной эффективностью, представляет собой непрерывное состояние, при котором общество продолжает изменять старые или создавать новые институты с появлением очередных проблем. Сопутствующим требованием является наличие такого государственного устройства и экономики, которые были бы готовы к непрерывным испытаниям перед лицом хронической неопределенности и устраняли бы те институциональные адаптации, которые неспособны справляться с новыми проблемами». [7, с. 242].

иметь свои пределы»[1]. Д. Норт не использует понятия классов, интересов классов, общественно-экономической формации, а революции для него это лишь «беспорядок». Для него существуют «авторитарный политический строй и консенсусный политический строй»[2]. Правда, он признает, что «…существующая институциональная структура порождает организации, заинтересованные в ее существовании, и они попытаются воспрепятствовать переменам». Он приводит примеры, когда внешнее воздействие тормозит эффективное развитие экономики, например, владычество Испании в ряде стран Латинской Америки, при котором «…в колониях не существовало ни самоуправления, ни конкурентных рынков»[3].

В описываемую Д. Нортом «идеальную политическую модель»… «как в авторитарном, так и в консенсусном вариантах,.. в число четырех «идеальных» компонентов входят следующие:

«1) институциональная матрица, создающая набор организаций и устанавливающая набор прав и привилегий;

2) стабильная структура отношений обмена на политическом и экономическом рынках;

3) набор базовых институтов, задающий достоверные обязательства государства по соблюдению набора политических правил и охране прав, защищающих организации и взаимоотношения обмена;

4) подчинение как результат определенного сочетания интернализации норм с мерами принуждения»[4].

Хотя формулировки этих компонентов и чрезмерно, абстрактные, попробуем приложить эту модель к современной России в динамике, начиная с девяностых годов. На наш взгляд, все четыре ее компонента присутствуют и, более того, прогрессируют. Имеет место «институциональная матрица, которая создает вполне стабильный «набор политических организаций, правил и привилегий». Пожалуй, до января 2020 года этот набор был даже слишком стабильный. То же самое можно сказать и о структуре «отношений обмена на политическом и экономическом рынках». Несколько хуже обстоят дела с достоверностью государственных обязательств по «охране прав, защищающих организации и взаимоотношения

1Там же, с. 243.

2Там же, с .150.

3Там же, с. 162.

4Там же, с. 226.

обмена», но прогресс в этой сфере деятельности государства несомненен[1]. Имеет место и массовое, общее подчинение государству, что является сочетанием добровольности в поведении организаций и индивидов, и мер принуждения. Но темпы и качество российского экономического роста отнюдь не увеличиваются.

Д. Норт поясняет, что его «идеальная экономическая модель включает в себя набор экономических институтов, которые создают для индивидов и организаций стимулы к участию в производственной деятельности»[2]. Но весь вопрос в том, какие конкретно институты необходимы и достаточны и к какому участию, к эффективному и способствующему количественному и качественному росту экономики или к иному, вызывающему в итоге торможение ее развития, создает она стимулы? Не случайно, сразу после цитированного предложения Норт признает «…такая расплывчатая формулировка уводит нас не слишком далеко».

Лишь заключительный абзац книги указывает на то, что, как мы видели, в решающей степени определяет эффективность для экономики и населения страны существующих и предлагаемых институтов, наряду с наличием знаний, альтернативных концепций, ресурсов и т.д., то есть, различия в интересах, их направленность и определяемые этими различиями действия: «Чтобы понять состояние, в котором пребывает человечество, в первую очередь следует учитывать *интенциональность игроков*. Экономисты пришли к верному выводу о том, что экономическая наука — это теория выбора. Но для того чтобы сделать перспективы человечества более обнадеживающими, *мы должны разбираться в причинах, управляющих принятием решений.* Таково необходимое условие выживания человечества»[3].

12. Некоторые практические выводы

Какой же практический вывод следует из вышеизложенного теоретического рассмотрения?! Я. Миркин так отвечает на этот вопрос: «Наращивать внутренний спрос, прежде всего населения. Уходить из сырьевой экономики в универсальную. Как? Заново пересобрать экономику, ее технологический базис, работая стимулами, а не шпицрутенами. Для умного инженера, работающего на уровне макро-, для

1Отметим, что «набор базовых институтов, задающий достоверные обязательства государства…» и т.п. в России есть, проблема в дефиците необходимой интенсивности соответствующей деятельности.

2Там же.

3Там же, с. 243.

этого есть тысяча рецептов, давно и хорошо известных. Что мешает? Не те идеи в головах. Главный рецепт? Осознать вызовы и сегодняшние ответы на них: сильные или слабые? Если по-честному, слабые»[1]. Идеи, которые проводились органами, руководящими нашей экономикой до смены правительства в начале 2020 года, пользуясь термином Я. Миркина, видимо, настолько слабые, что заметных позитивных изменений в экономической политике государства и, следовательно, в темпах и качестве экономического роста, а, значит, и в доходах населения, не было видно уже давно.

Преодолеть эту ситуацию можно только с помощью долгосрочной государственной политики. Этого требуют долгосрочные интересы общества и, прежде всего, интересы трудящихся, которые более всего страдают от отсутствия высоких темпов экономического развития и роста производительности труда во всей экономике. Но, во-первых, и среди трудящихся есть разные отряды. Некоторым из них выгоден экспорт огромных объемов ресурсов. Во-вторых, государство находится, в том числе, под давлением тех групп, которые заинтересованы в приоритетном развитии экспортно-ресурсного сектора. Таким образом, в силу сложившихся условий производственные отношения в ряде секторов экономики и соответствующие группы интересов действительно противоречат развитию производительных сил. Отсюда – и торможение развития производительных сил такими производственными отношениями[2]. Негативная ситуация существенно усугубляется тем, что фактический монополизм одной партии в стране дополняется монополизмом представительства одного лишь направления экономической науки (назовем его ресурсно-рыночный либерализм) в управляющих органах страны.

Сторонникам экономического развития в интересах всех слоев общества целесообразно, разобравшись в социально-экономической структуре и наличии соответствующих интересов, выявлять для широкой общественности противоречия существующего положения и объединяться для политической поддержки действительно прогрессивных интересов и изменений.

1[6].

2«По данным аналитического центра Торгово-промышленной палаты …только за 2018 год в стране закрылось свыше 41 тыс. предприятий обрабатывающей промышленности. А что касается уцелевших — издержки и себестоимость продукции растут. Да, есть и подкармливание» — субсидиями, грантами. Но! 52:1 — таково процентное соотношение налогов и господдержки у промышленников». См. [7].

Литература

1. Бузгалин А.В. и др. Классическая политическая экономия: современное марксистское направление: Учебник / Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В. М. 2018. 728 с.
2. Глазьев С.Ю. Великая цифровая экономика. http://zavtra.ru/blogs/velikaya_tcifrovaya_ekonomika
3. Глазьев С.Ю. Почему не растет российская экономика? // Здоровье - основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2017. Т. 12. № 1. С. 29-36.
4. Ключевая ставка ЦБ РФ на сегодня и за период 2013 - 2019 годов. https://bankirsha.com/klyuchevaya-stavka-banka-rossii-na-tekushchiy-period.html
5. Маркс К. Нищета философии. // Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения. Изд. второе. Т. 4.
6. Миркин Я. Затишье перед бурей. Российская газета. 14.07.2019. https://rg.ru/2019/07/14/iakov-mirkin-most-v-rossiiu-slishkom-vazhen-dlia-ekonomiki-evropy.html
7. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом Гос.ун-та – Высшая школа экономики. 2010. 255 С.
8. Павлова Е.Г. Влияние санкций на экономику России в 2019 году. http://wikibusiness.ru/vliyanie-sankcij-na-ekonomiku-rossii-v-2019-godu/
9. Россия в цифрах. 2019. Росстат. М. 2019.
10. Рязанов В. Т. Современная политическая экономия: перспективы нео-марксистского синтеза . СПб.: Алетейя, 2019. 436 с.
11. Страна не развивается, потому что не совершенствуется, не улучшается ее правящий класс». Московский комсомолец. 24.04. 2019. https://www.mk.ru/economics/2019/04/24/rossiyskaya-ekonomika-blokh-vshey-i-klopov-krik-dushi-predprinimatelya.html
12. Сычева Л. Страна не развивается, потому что не соврешенствуется, не развитвается правящий класс. /Московский комсомолец. 24.04. 2019. https://www.mk.ru/economics/2019/04/24/rossiyskaya-ekonomika-blokh-vshey-i-klopov-krik-dushi-predprinimatelya.html

13. Форд, Генри. Википедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%BE%D1%80%D0%B4,_%D0%93%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8

14. Эпштейн Д.Б. Уроки 2017-2018 годов, и какие производственные отношения мешают нашему росту. //Вопросы политической экономии. №1. 2019. С. 108-127.

15. OECD National Accounts data files. https://www.oecd.org/sdd/na/

16. *World Bank national accounts data. https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG*

Григорий МАВРИН

Бухарин или Сталин?

(глазами и мыслью студента 20-х годов прошлого века)

…Первая лекция профессора Любимова по политэкономии в Коммунистической аудитории. Он читал для двух первых курсов этнологического и юридического факультетов. Необычность занятий, необычная обстановка никак не давали мне сосредоточиться. Мне не верилось, что молодёжь, окружающая меня,— студенты. Настоящие студенты, и я в их числе. Мысль, что я учусь в Московском Университете, сижу в аудитории, через которую прошли целые поколения студентов, не даёт мне сосредоточиться.

Лекция кончилась, слушатели весёлой толпой вытекают из аудитории. Курим, болтаем, смеёмся. Подходит Маша. Она растеряна. Жалуется, что ничего не поняла. Я сказал, что тоже не понял, но это оттого, как казалось мне, что отвлекался, не следил за профессором. Но это не так, как я думал. На следующей лекции я внимательно стал слушать профессора, но ни терминологии, ни содержания я и сейчас не понимал. И приуныл. Вот что значит: высшие науки. Я до них, оказывается, не дорос. Маша моя тоже ничего не понимала. Это вселяло некоторое смятение в мою душу. Но кругом в кулуарах некоторые мои сокурсники спорили о стоимости, об общественно-необходимом труде и других категориях политэкономии. Я прислушивался к спорящим и завидовал им: они не только, казалось, понимали, но даже умели рассуждать.

Потом мы шли в читальни. Их было много. Выбор большой. Вход всегда бесплатный, книг уйма — умных, толстых и тонких, самых разнообразных. Читальня в семинарском корпусе, около Консерватории, на улице Герцена. Фундаментальная в Университете. В Доме Союзов, в МК партии, в Историческом музее. При библиотеке им. Ленина. Наберёшь стопку книг, и давай читать всё подряд. Читаешь до одури, до умопомрачения. Всё перемешается, и, кажется, никаких знаний в голове. Читал весь день до 12 часов ночи. Уходил из читальни, когда она уже закрывалась. И результат тот же. Пробовал не слушать лекции, а

только читать, — ещё хуже. Когда слушаешь все лекции, остаётся мало времени для самостоятельных занятий.

Но никто из профессоров, ни деканат не позаботились, на первых порах, учить нас, как нам надо учиться. А мы — многие — в этом очень нуждались...

Философию читал профессор Карев обоим курсам. Речь плавная, красивая и умная. Как на политэкономии, так и на философии аудитория была переполнена. Многого, конечно, мы не понимали, особенно терминологии, но чем больше слушали, чем больше читали, — стали понимать, разбираться и спорить.

Карев — блестящий, молодой, уже новой формации профессор погиб от разбойничьих рук берианцев в 1938 году.

Историю права читал профессор Магеровский. Это блестящий оратор, интеллигент средних лет.

Этнологический факультет делился на отделения: историко-философское, этнографическое и литературное. На нашем факультете, отдельно от юристов, читали: русскую литературу — знаменитый Переверзев, историю русскую — Мороховец, сравнительно молодой человек с громадной чёрной бородой. Семинарские занятия по политэкономии вёл профессор Гермаидзе, симпатичный, уже пожилой грузин. Запомнились его отрицательные особенности: непрерывно курил во время занятий. В аудитории стоял от этого сизый дым, такой, что дышать было нечем. Он всё время попрошайничал — спички. Чтобы отучить его от этого, ему вместо спичек или вместе со спичками передавали две копейки, намекая, чтобы он покупал спички. Он улыбался, клал деньги в карман, а назавтра снова просил у студентов спички.

Иногда у нас читали отдельные лекции Покровский М.Н., Луначарский А.В., Бухарин Н.И., Сарабьянов, Деборин. Покровский — небольшого роста средних лет мужчина, в нём не было ничего профессорского. Но это был в то время один из ведущих историков.

Луначарский. Ни до его выступлений, ни после я не слышал такого лектора. Это какой-то прирождённый классический трибун. Лицо его — одухотворённое, тонкое, лицо интеллектуала. Лысоват, в пенсне, с острой чёрной бородкой, густые брови вразлёт — лицо напоминало физиономию Мефистофеля. Жесты, интонация голоса, умение подавать фразу слушателям в виде красивых периодов — всё это было в органическом единении у оратора. Самая сложная по мысли речь, казалось, не вызывает никаких затруднений. Он тут же у нас на глазах конструировал сложнейшую мысль, отрабатывал её жестами, интонацией,

облекая её в совершеннейшую логическую форму, подавал её, как изваяние. Он брал любую философскую мысль как нечто данное и в присутствии слушателей начинал её препарировать, расчленять на отдельные простые элементы, и тут же из этих простых элементов строить новую мысль, более обогащённую и элементарно-понятную. Складывалось впечатление, что у него во всём его существе работала лаборатория мыслей и чувств, которая непрерывно творила захватывающий поток этих мыслей и чувств. Облачённые в красивейшую оболочку совершенных словесных форм, они с помощью интонационных модуляций, изящной жестикуляции подавались слушателям. Невольно убеждаешься, что большевики, имея таких ораторов во главе с Лениным, не могли не повести за собой массы. Тем более, что в красивейшую словесную и логическую оболочку вкладывалась правда самой жизни, правда пролетарской революции, которую впервые на земле услышал рабочий, солдат и крестьянин.

Бухарин. Это оратор другого типа. Блестящий, сверкающий, как сталь. Он разил противника, а потом испепелял его на глазах у слушателя. Силой разума, неотразимыми логическими доводами, иронией и сарказмом, а то и простой насмешкой он легко разделывался с философскими, литературными и политическими противниками из лагеря идеализма, империализма и поповщины. Во всех областях человеческого знания, казалось, он не знал предела. Он был молод, искренен и честен. Одет в потёртую кожаную куртку, из-под которой видна сатиновая русская рубашка-косоворотка, а на голове недорогая кепчонка рабочего… ботинки со стоптанными каблуками — всё выдавало в нём народного трибуна-демократа. Небольшого роста, с лысеющей большой головой, с интеллигентным лицом, с торчащей острой, на маленьком подбородке рыжей бородкой, сверкающим огромным лбом он был весь — сверкающая мысль. Подвижный, приветливый, вечно улыбающийся, он казался незлобивым и доброжелательным. Но когда он говорил речь, в ней было всё: гениальный ум, неколебимая логика, блистающее всеми гранями алмаза остроумие, гнев, негодование, ирония и сарказм.

Ошибался ли Бухарин? Да, в этом гранёном сверкании алмаза были и затемнения. Но этот алмаз легко поддавался ленинской шлифовке. И тогда он с новой силой излучал целую световую гамму непорочного света. «Не судите меня больше, чем судил В.И. Ленин», — сказал он перед смертью.

И этот революционер, трибун, гений, готовый в любую минуту пойти на плаху за рабочий класс, за народ, за любимого Ленина, был безжалостно, зверски

уничтожен разбойничьей кликой Сталина — Берии. Вечная слава тебе! И вечное проклятие убийцам!

Годы, в которые мне пришлось учиться, и последующий период были потрясающими. Сила столкновения умов, талантов, политических дискуссий, борьбы, наконец, групп и направлений была неимоверной. Искренний поиск пути, по которому должна идти наша революция, был главной заботой всех наших революционных деятелей.

Когда жив был Ленин, поиск, дискуссии носили товарищескую форму. Никто не опасался высказывать открыто свою точку зрения. Каждый имел право и возможность на это. Умер вождь. Вся страна в трауре и в унынии. Каждый советский человек думал, как же теперь без Ленина? И вот от имени партии, которой народ безгранично верил, у гроба вождя произносит клятву Сталин. До того незаметный, неизвестный большинству рабочих и партии, становится, именем партии, на место вождя. Неподдельность чувств, искренняя боль утраты, забота о благе народа, решимость идти по Ленинскому пути, жить и работать на благо народа были, казалось, искренними и внушали доверие. Клятва у гроба любимого вождя. Кто не поверит этой клятве? Ведь это партия клянётся, думал каждый. Клятвопреступник, он обманул и партию, и народ.

Демонстрация 7 ноября 1927 года всколыхнула студенчество. Если до сих пор то тут, то там вспыхивали дискуссии, собрания, где спорили в чисто теоретическом плане, то теперь этот спор и разногласия принимали практическую реализацию несогласия с так называемой генеральной линией партии. Троцкистско-зиновьевские сторонники теперь вышли на «свою» демонстрацию со своими лозунгами. В ней приняло участие студенчество вузов, рабочих было мало. Но дело в том, что студенческая масса в то время в большинстве своём была из рабочих. Все шли в общей демонстрации. Троцкисты и зиновьевцы ничем себя не проявляли, за исключением того, что выкрикивали свои лозунги, которые были написаны на транспарантах.

Я шёл в общей студенческой демонстрации в колонне студентов Московского Университета. Мы видели в колонне троцкистов наших студентов, знакомых и даже товарищей. Например, Иванов Николай, Егоров Николай учились со мной в одной даже группе. Мы все шли — шутили, смеялись. Вдруг появился чёрный лимузин, а в нём стоял первый секретарь МК партии Угланов и кричал нам:

- Рвите у троцкистов флаги и лозунги и бейте их!

Какая-то группа, шедшая с нами и незнакомая нам, обрушилась на троцкистов-зиновьевцев, увлекая за собой и другую молодёжь. Получилась свалка, драка. А Угланов, напрягаясь, всё кричал:

- Бей их, ребята!

Группа троцкистов вначале защищалась, а потом вышла из колонны демонстрантов и рассеялась. Лозунги их, флаги были все порваны, всё искорёжено. Большинство наших студентов не ввязывалось в драку. Для большинства это было неожиданностью. Мы не понимали логику этой драки, физической расправы с такими же комсомольцами, как и мы. Нас поразило и то, что старый член партии Угланов стравил эту драку и уехал, скрылся. Неужели он не понимал, думали мы, что физическая расправа с инакомыслящими — это метод не коммунистов, а фашистов. Он не понимал в то время и того, что жестокость, санкционированная «сверху», воспитывает жестокость в народе и что от этой жестокости, в конечном итоге, погибают и её вдохновители. Так было и с Углановым: он был потом сам зверски замучен в застенках Берии-Сталина.

Надо сказать, что среди студентов — комсомольцев и членов партии троцкистов-зиновьевцев — были и беспартийные, главным образом, «из бывших» и семей старой интеллигенции. На занятия явились все, как ни в чём не бывало, а на улице во время демонстрации дрались друг с другом. В перерыве курили вместе и подтрунивали друг над другом, хотя иногда и схватывались на занятиях. А больше всего схватки были на общестуденче6ских или партийно-комсомольских собраниях.

Я не принимал участия в дискуссиях, по крайней мере, вначале. Мне сначала казалось, что споры из-за пустяков формальны, потому что не было, или я не видел больших расхождений во взглядах, не говоря уж об идеологии. Вероятно, я не был достаточно подготовлен. Тогда я взялся за политическую литературу, читал всё, что выходило из-под пера и сторонников Троцкого и Зиновьева. И я всё больше стал убеждаться, что троцкисты ведут не тот спор, который нужен партии и революции. Больше догадывался, чем понимал, что спор идёт о власти в партии: кому возглавить партию после Ленина: Троцкому, Зиновьеву или Сталину.

Надо со всей ответственностью сказать, что отстранение Сталина от руководства ничем не грозило бы революции: ни отходом от некоторых принципов революции, ни, тем более, термидором или бонапартизмом. Троцкистско-зиновьевский блок — это скорее блок против Сталина и его приближённых. Троцкий, Зиновьев и Каменев не могли допустить, чтобы ими руководил грузин. Да

ещё, как им казалось, недалёкий и необразованный человек и мало от этого известный и партии, и рабочему классу. Они же были известные всему миру и своему народу руководители революции. Их имена знал почти каждый рабочий или крестьянин. Кроме того, Троцкий волею партии, волею Ленина был поставлен во главе восстания, он был председателем революционного военного комитета в 1917 году. Потом руководил всеми вооружёнными силами. Зиновьев волею В.И. Ленина был поставлен во главе мирового коммунистического движения.

Оба незаурядные, владели пером и ораторским искусством. Их борьба против Сталина была борьбой против чрезмерного бюрократического централизма. Но беда в том, что в их политическом арсенале было много из того, что было отвергнуто Лениным, партией. И это было их роковой ошибкой. На этом сыграли Сталин и его приверженцы. Кроме того, троцкистско-зиновьевский блок состоял в большинстве своём из деятелей еврейской национальности, как в массе своей, так и особенно в руководящей его части.

Правда, революционер-интернационалист должен был бы отбросить эту сторону вопроса, как не существенную, но на самом деле это явление имело решающее значение, а троцкистско-зиновьевский блок состоял в подавляющем большинстве из евреев. Поэтому в народе, в рабочем классе и даже среди крестьян раздавались голоса, что, мол, евреи ведут борьбу за власть. Это в значительной степени снижало популярность блока среди рабочего класса, крестьян и студенческой молодёжи; мало шли за ним. Это хоть и немаловажная сторона движения в смысле уязвимости блока, но она не была решающей. Главное — это политическая наивность блока. Руководители его полагались на свой былой высокий авторитет в революции, забывая о том, в революции бывают подъёмы и спады. Троцкистско-зиновьевская оппозиция 1923 – 1927 годов не победила и не могла победить ещё и потому, что время митингов, ораторского искусства прошло. Народ устал. Во-первых, он отдыхал от непрерывных лишений, страданий, угнетения, длившихся десятилетиями, и войн, которые только недавно окончились. Воины вернулись к семьям, на производство, в крестьянские хозяйства, в учебные заведения. Во-вторых, революция дала народу, казалось, всё: свободу от царского режима, землю, фабрики и заводы, и мирную жизнь. Чего же ещё? Всё, за что боролись, было в руках народа. Страна выходила с победой из экономического хаоса, разрухи. Народ стал досыта есть, сносно обуваться и одеваться.

Какая там ещё оппозиция, чего она хочет?

Бюрократический централизм, деспотизм руководящей верхушки партии народ ещё не чувствовал. Он бесконечно был рад мирному труду. И трудился на славу, самоотверженно, веря каждому слову партии, под руководством которой были свергнуты с постов наивные оппозиционеры. Они хотели опрокинуть власть, сменить руководство партией. Они забыли, что у власти не Временное правительство во главе с Керенским и что у них нет ни лозунгов, ни идей, которые бы были лучше, чем есть. И жизнь народа изо дня в день улучшалась. Наивные оппозиционеры! Они совсем упустили из виду такой «пустяк», что Сталин ещё при Ленине исподволь, хитро обеспечивал своё господство, готовя своих сторонников и расставляя их на командные высоты. Правда, честолюбие Сталина, а от него и грубость, и неуживчивость характера, нетерпимость к мнению товарищей были известны Ленину. Он предупреждал партию об этом и предостерегал её, что эти черты не мелочь, что, при известных условиях, может стать решающим в жизни страны, в жизни партии. Но Владимир Ильич был тяжело болен. Сталин постепенно, будучи генсеком, забирал власть. Его поддерживала вся руководящая верхушка партии, многие из которых молодые, получившие посты, а с ними и привилегии из рук Сталина. Таким образом, ещё при жизни Ленина Сталин понял, что в его руках такой пост, владея которым можно обеспечить себе господство в партии. Ни ЦК, ни Политбюро не занимались кадрами. Кадрами занимался Секретариат ЦК во главе с генсеком. Ленин первый понял то, что Сталин из технического работника, каким изначально был генсек, всё больше и больше становился решающей фигурой в руководстве.

Кроме того, имея в виду его деспотический характер, Ленин предупреждал партию, что Сталина необходимо сместить. Вслед за Лениным это понял и Троцкий. Но было уже поздно. К XIII съезду партии, где должен был решаться вопрос о Сталине, Сталин уже имел достаточно сторонников, чтобы остаться у власти и чтобы ленинское предложение о замене генсека осталось невыполненным. Большинство делегатов XIII съезда — секретари обкомов и крайкомов партии, наркомы, аппарат ЦК — всё это ставленники, а потому и сторонники Сталина. Они проголосовали за Сталина. Зиновьев и Каменев выступили против Троцкого, наивно полагая, что Сталин им не конкурент, они ложно полагали, что они являются после Ленина основными незаменимыми руководителями партии — первый, как председатель Коминтерна, второй — как председатель Совета труда и обороны (СТО) РСФСР. Они полагали, что Троцкий с его громадным авторитетом — их главный и опасный конкурент. Поэтому они и

выступили против Троцкого, поддержав Сталина. Сталин не выпячивался, хотя уже и чувствовал свою силу, он знал, что эта сила растёт и наступит час, когда она сметёт всё и сделает его всесильным. Время шло, Сталин укреплял партийный аппарат своими сторонниками. Борьба с троцкистами и троцкистов с большинством партии велась не за линию партии, так как эти разногласия в то время не были решающими, а за власть в партии, против Сталина. Велась борьба не столько с современным троцкизмом, который мало чем, в основном, отличался от основной Ленинской линии, а с троцкистами прошлого — тут и «Уроки Октября», и «Перманентная революция», и «Августовский блок», и «Брестский мир». На этих прошлых ошибках сыграли и Сталин, и Зиновьев с Каменевым.

Это - субъективная сторона движения. Объективная заключалась в том, что большинство партии и рабочего класса были недостаточно теоретически подготовлены, чтобы разобраться в тонкостях политической и хозяйственной жизни страны. Экономика страны, несмотря ни на что, улучшалась, продразвёрстка в деревне была заменена продналогом, крестьянин неограниченно пользовался землёй. Что касается недостатков в политическом и хозяйственном руководстве, то эти недостатки воспринимались не как грубые просчёты руководства, а как естественные, проистекающие из той разрухи, которую принесли войны Империалистическая и Гражданская.

Массы народа и большинство рядовых членов партии оставались равнодушны к теоретическим спорам в верхах. Заведенный порядок вполне отвечал чаяниям масс. Правда, некоторые рядовые члены партии, наиболее активные участники революции, не поняли значения НЭПа и часто индивидуально, неоорганизованно выступали не против политики НЭПа, а против самих нэпачей и, тем самым, конечно, против политики партии. Потом Троцкий, как всегда, переоценил себя. Его авторитет был высок в большинстве своём среди военных и невоенных, главным образом, еврейской национальности; среди рабочего класса, крестьянства и партийной массы, авторитет его оказался катастрофически невысок. А среди руководящей партийной верхушки Троцкий воспринимался, как отрыжка старого антибольшевистского троцкизма. Троцкизм заранее был обречён, как политическое течение, которое было непонятно массам по целям и задачам, и, тем более, как претендующее на смену власти и её руководителей.

Победа Сталина на XIII съезде окрылила Сталина. Но, как иезуит, он не выдавал своего торжества над побеждённой оппозицией, он знал, что ещё не настало время пустить в дело клыки. Народ верил Ленину, партии. Умер Ленин, осталась

партия, которой он руководил. Сила инерции в народе велика. Наш народ, особенно крестьянство, было сонно, инертно. Трудно, почти невозможно было разбудить его на революцию. Война привела в движение крестьянство, миллионную армию из крестьян. Загнанные в окопы, брошенные в бессмысленную мясорубку, они научились мыслить вначале несмело, сумбурно, поднимались с неосознанными протестами. Нужно было эту массу вразумить, сказать ей понятным языком, что она хочет, что ей нужно. А это было нетрудно. Они устали от войны — кончить войну! Нужна земля — свергай буржуазию и помещиков, получай землю! А чтобы всё это удержать, надо взять власть в свои руки. Солдаты в ответ как бы говорили: «Ружьё у нас в руках, кто скажет, что нам делать?». И единственная партия — Коммунистическая партия - в России, которая сказала, куда идти и что делать, чтобы и кончить войну, и взять власть, взять земли, взять фабрики и заводы. А это, в свою очередь, внесло ясность в мышление солдата, крестьянина и рабочего. Лозунги партии настолько были ясны, что органически становились и кровью, и плотью движения. Теперь каждый знал, что он хочет, за что надо бороться. Народ не понимал тонкости политики, нюансы теоретических построений. Речь того или другого краснобая, оратора во время революции, в период гражданской войны большинству была непонятной, хоть и красивой, не увлекала, хотя и неистово куда-то звала. Но всё становилось понятным, если оратор произносил в числе прочих слов слова: «Долой капиталистов и помещиков, мир народам, земля крестьянам, фабрики и заводы рабочим, власть трудящимся!».

По этим словам судил солдат, крестьянин и рабочий, кто с ним говорит. Сила Ленина заключалась в том, что он находил такие лозунги, такие призывы к массам, которые как бы были в голове каждого, и Ленин только сорганизовал эти мысли и чаяния. И, наоборот, причина катастрофического падения авторитета всех других организаторов, выступавших от имени своих партий, их бессилия завладеть массами заключалась, с одной стороны, в неясности того, а как поступить с помещиками и их землёй, как — с капиталистами и их фабриками и заводами. Им отвечали: «До Учредительного собрания!». — «А как с войной?» — «Воевать до конца!». — «А где же этот конец?» — Ответа не было. И оратора освистывали, и его призывы повисали в воздухе.

Ленин умер. У гроба его от имени всей партии народ услышал клятву верности тому, за что боролся Ленин, за что сражались в гражданскую войну. И тот, кто

теперь говорил от имени партии, от имени Ленина, как бы автоматически становился вождём. Такова логика истории.

Действовала инерция революции. Вера в ленинские идеи. А Троцкий выступил в это время с политическими тонкостями, которые были непонятны массам. Звал неизвестно куда и зачем. Если призывы Троцкого и троцкистов были понятны интеллигенции, верхушке партии, то для большинства рядовых членов партии, для массы крестьян и рабочих это было не чем иным, как политическим словоблудием. А это означало политическую катастрофу троцкистов. Троцкий и его сторонники не понимали простые вещи, что народ, массы, партия не пойдут на свержение Сталина, потому что Сталин поклялся у гроба Ленина верности Ленинским заветам. А политические разногласия между Сталиным и Троцким их не касались, тем более, что и тот, и другой — коммунисты и не собираются свергать советскую власть.

Генсек Сталин набирал силы. Разгромив Троцкого «идейно», он заставил троцкистов теперь практически доказывать свою неправоту. Он заставил многих из них ползать на коленях. А иных отправлял в «не столь отдалённые» места. Зиновьев и Каменев тоже были довольны победой. Но торжество их победы было почти молниеносным. Сталину они были больше не нужны. Он мало с ними считался в проведении текущей политики, он проводил свою линию, жёсткость которой они вскоре почувствовали. Это было не ленинское наследие. Это была мешанина из троцкистского, сталинского и правого уклона. Зиновьев и Каменев оказались в положении мавра. Надо было уйти, стушеваться, занять не только второстепенные, но, может быть, третьестепенные роли. Но слишком велика была амбиция этих деятелей, чтобы уступить плоды победы над Троцким одному Сталину. Кроме того, это положение в партии, которое занимали Зиновьев с Каменевым, обязывало их, как им казалось, стоять во главе руководства партией и страной. Они думали, что это совершится само собой. Победив Троцкого, отбросив его претензии на руководство, Зиновьев с Каменевым станут вождями партии, не думая о Сталине, как о конкуренте, ибо это было второстепенное лицо в партии, как они воспринимали Сталина через своё гипертрофированное самомнение. Но они только потом раскусили Сталина. Они думали, что ещё не поздно атаковать Сталина. Организовав «Новую оппозицию», они ринулись на Сталина. Ареной битвы они полагали сделать трибуну XIV партсъезда. Зиновьев с Каменевым стали сплачивать своих сторонников. Основным ядром «новой

оппозиции» явилась Ленинградская организация, где Зиновьев в то время был руководителем, совмещая эту работу с председательством в Коминтерне.

Сталин и его окружение задолго до съезда повели борьбу с «новой оппозицией». Эмиссары Сталина разъехались по всей стране, они зорко следили, чтобы делегатами на XIV съезд были избраны только сторонники ЦК, т.е. Сталина. А по существу эти эмиссары диктовали свою волю, т.е. волю Сталина. Таким образом, сторонники «новой оппозиции» ещё до съезда были изолированы, т.е. обречены на провал.

Руководящая часть, т.е. верхи партии, хоть и не были во всём согласны со Сталиным, в смысле отношения к Троцкому, Зиновьеву и Каменеву, но не решались выступать против Сталина в защиту оппозиционеров. Большинство секретарей обкомов, горкомов и райкомов это были молодые члены партии, а иные и с послереволюционным партийным стажем. Получив власть, а, следовательно, и привилегии из рук Сталина, они не хотели потерять ни руководящие посты, ни привилегии. Партийная же элита на верхах под влиянием неограниченных привилегий постепенно деградировала. Из революционеров превращались в вельмож. Обрастая детьми, а порой и внуками, имея дачи и виллы в Подмосковье и на побережье морей, они теперь были готовы на всё, лишь бы удержаться наверху и сохранить положение вельмож. Сталин отлично понимал это. Но он щедрой рукой рассыпал «подарки» своим сторонникам. Он видел при этом их алчность, но он молчал до поры, до времени. В борьбе с оппозицией его режиму, его власти все средства были хороши, даже подкуп своих верхушечных сторонников.

Зиновьев выступил содокладчиком по политическому отчёту ЦК на XIV съезде. Сталин разрешил это. Он сделал тем самым широкий жест в сторону внутрипартийной демократии, чем в значительной степени уже парировал удар оппозиции по обвинению Сталина в зажиме и бюрократизме. Здесь Сталин выказал себя непогрешимым ленинцем. Но этот иезуит обманывал партию этим жестом, он ему ничего не стоил, и он ничем не рисковал. Он знал, что большинство делегатов съезда — его сторонники, они проштампуют всё, что он захочет. А он хотел на этом съезде распять «новую оппозицию». Он знал и то, что будет на съезде большой шум, и шум этот устроят сторонники Зиновьева и Каменева, но он знал, что сторонники эти только из Ленинграда и что их ничтожное меньшинство на съезде. Поэтому Сталин великодушно играл в демократию. И на этой основе он готовил сокрушительный удар оппозиции, тем

более, что у Зиновьева и Каменева были свои уязвимые пяты — это прошлые ошибки, которые Ленин считал хоть и очень крупными, но тот же Ленин считал их уже давно искуплёнными и потому должными быть забытыми. Но Сталин, как опытный иезуит, воспользовавшись старыми грехами новых оппозиционеров, вывернул их, благодаря этим ошибкам, наизнанку. Кроме того, ему ничего не стоило приписать им тут ещё и троцкизм, ибо атака против личности Сталина у «новой оппозиции» целиком совпадала с мнением троцкистов. А это главное. И для Сталина это было главным. Это-то и дало возможность Сталину объединить и старую, и «новую оппозицию». При этом Сталин сумел повернуть дело так, что атаки на личность Сталина — это, де, атаки на Ленинское крыло партии, на ленинизм. И «новая оппозиция» была разгромлена. Но Сталин на этом не остановился. По окончании съезда он всюду рассылал своих клевретов, чтобы там, на местах, заочно, так сказать, добивать оппозицию. На местах это легко удавалось, так как, во-первых, клевреты не стеснялись мрачных красок для оппозиции и радужных красок для возвеличивания личности Сталина. Во-вторых, никто не мог выступить в защиту иных взглядов, т.е. в защиту оппозиции.

В Ленинградской организации было заменено всё руководство. Был создан новый губернский комитет во главе с Кировым С.М. Призывы «старой» и «новой» оппозиций повисли в воздухе. Они не нашли почвы. Да и странные были эти призывы. Они сводились к замене руководства, к смещению Сталина. Идейные же настроения оппозиционеров казались большинству масс надуманными

А что значит сменить Сталина? А кем заменить его? Хотя В.И. Ленин и предлагал заменить Сталина, но не сказал тоже, кем: Троцким, Зиновьевым или Каменевым, — но для большинства партийной элиты это был риск потерять и пост, и привилегии, на что оно не могло пойти. Для большинства рядовых членов партии, рабочего класса и крестьянства эта смена ничего нового не принесла бы ни политически, ни экономически. А риск был большой. Как-никак Сталин — уже проверенный генсек, он ещё при Ленине им был. А у тех, кроме всего прочего, в прошлом и ошибки были немалые. Организовать массу рабочих и крестьян, членов партии для захвата власти, как это было сделано большевиками в октябре 17-го года, у оппозиции не было ни времени, ни условий, ни субъективных возможностей.

И, кроме того, и это, пожалуй, было одним из решающих моментов, оппозиция, как «старая», так и «новая», в большинстве своём была еврейской национальности; главные её вожди — евреи. Хотя к тому времени воспитание

масс у нас велось в духе интернационализма, но предубеждение русских и других национальностей против евреев ещё были сильны.

Все три фамилии претендовавших на место вождей были еврейскими. Неужели этого-то не понимают все три вождя? А ведь это так просто было понять. Правда, были Рюрик и Рюриковичи, были Екатерины и Бироны. Но это были другие времена. Хотя и сейчас выбивался в вожди грузин, не русский. Но, во-первых, этот был поставлен ещё самим Лениным в генсеки, а, во-вторых, о грузинской национальности массы русских людей не имели такого предубеждённого мнения, как о еврейской нации. Кроме того, в городах среди торговцев, спекулянтов во времена НЭПа преобладали евреи. В новой буржуазии большинство — люди еврейской национальности. На каждом рынке были массы частных торговых палаток, где торговали евреи.

Все эти факты не имели ничего общего с евреями-коммунистами. Но массы часто не входят в тонкий анализ. Надо ради справедливости сказать, что авторитет еврейской национальности во время революции стоял высоко, как самой революционной нации. На западе часто евреи отождествляются с революционерами, больше того, с коммунистами. Но с приходом НЭПа авторитет еврея, как революционера, стал катастрофически падать. Теперь он отождествлялся с НЭПом, со спекулянтами в широкой массе. Да и само оппозиционное движение приобретало сугубо национальную окраску, ибо подавляющее большинство сторонников Троцкого, Зиновьева и Каменева, как старые революционные члены партии, комсомольцы и студенческая молодёжь — были евреи. А это тоже в массе не осталось незамеченным.

1926 год ознаменовался полным слиянием троцкистской оппозиции с «новой оппозицией». Теперь они выступали единым фронтом против Сталина. Свои взгляды, идеи и предложения они совместно изложили в так называемой «Платформе оппозиции». Честно говоря, мы, комсомольцы, как студенты, так и рабочие из платформы, да и выступлений сторонников оппозиции не видели коренных расхождений. Многое из того, что предлагали оппозиционеры, было правильным и практически приемлемым, разумным и своевременным. Что касается теоретических построений, то и они не расходились с ленинскими положениями, в основном. А что касается деталей, то они не были бесспорны ни у тех, ни у других. Больше того, у сторонников Сталина многие положения расходились с ленинскими. Но что было очевидным в этом споре, так это неприязненное, пренебрежительное отношение Сталина к руководителям

оппозиционного блока. Разумеется, и те, в свою очередь, сосредоточивали свой огонь критики и на личности Сталина, руководствуясь ленинскими характеристиками и многими ошибками Сталина, которые были до сих пор скрыты от широкой партийной массы.

Но в пылу полемики Троцкий закусил удила. Уходил от ленинских положений. Главная и решающая ошибка Троцкого — это неверие в построение социализма в СССР, т.е. в отдельно взятой стране. Отсюда вытекали и другие ошибки — по вопросам индустриализации и взаимоотношений с крестьянством. Но и практическая политика, и теоретические суждения Сталина и его сторонников не были безупречными, они также изобиловали грубыми ошибками. Правда, в зафиксированных решениях съездов, конференций и пленумов ЦК положения сталинистов выглядели, как ленинские. Практика у Сталина была совсем другая, точно не имеющая ничего общего с принятыми решениями, ни с ленинскими положениями. Сталин уже в то время давал от себя лично указания на места, которые грубо шли вразрез с официальными партийными решениями.

Разумеется, как промышленность, так и сельское хозяйство в СССР, независимо от споров, поднимались, по многим показателям приближались к довоенному уровню, а по некоторым и перешагнули за довоенный рубеж. Достижения эти вовсе не являлись результатом сталинского руководства. Во многих отношениях, вопреки этому руководству. Партия и народ на местах, я бы сказал, интуитивно по-ленински выполняли задачи коммунистического строительства вопреки сталинскому извращению ленинской политики…

Университетские комсомольские собрания проходили в это время бурно. Сторонники оппозиции по каждому поводу наскакивали на сторонников ЦК. В оппозиционной группе нашего факультета подавляющее большинство были евреи. Очень активным и, пожалуй, руководителем этой группы был студент 3-го курса Мильман. Отличный организатор. С нашего 1-го курса в поддержку оппозиции выступили студенты Даниман и Ливчак. Надо сказать, из русских и других национальностей в оппозиции были единицы. На 1-м курсе историко-философского отделения, учившийся со мной в одной группе, был Иванов Николай. Бывший рабочий. Парень средних способностей. Честный, искренний. Он как-то безоглядно отдался оппозиции. Иванов был мой близкий товарищ. Он не раз пытался говорить со мной, отстаивая взгляды оппозиции. Я, в свою очередь, пытался доказать ему, что ни те, ни другие неправы. Слишком уж закусывают

удила, обвиняя друг друга в антипартийности и даже антикоммунизме. Нельзя, говорил я Иванову, вцепляться в горло друг другу, ведь все коммунисты. Дело идёт ко взаимному истреблению. Промышленность и сельское хозяйство нуждались в сильном, умелом руководстве. А Сталин травил оппозиционеров, оппозиция, в свою очередь, борясь со Сталиным, отвлекала партию от своих основных задач.

Он был убеждён, что Сталин и его руководство ведут к развалу и промышленности, и сельского хозяйства, хотя доказательства у него были шаткие, неубедительные. Он был убеждён, что дело дойдёт до рубки голов, и он готов был фанатически идти и на это. Мне такие его заявления казались смешными, хотя я и был согласен с ним, что от Сталина можно было ожидать всего.

Другие сторонники оппозиции, такие, как Мильман, Даниман и Ливчак, они как-то играли в оппозицию. В них не чувствовалось искренности и решимости Иванова. Заявляя о себе, как об оппозиционерах, они вроде бы рисовались, что вот они политические деятели и что, мол, мы иначе поступать не можем, когда наших бьют.

К оппозиции примыкала и студентка Муралова — дочь крупного революционного деятеля и оппозиционера Муралова. Она тоже училась со мной в одной группе. Правда, она нигде не выступала, но в кулуарах Университета, во время перерыва занятий она активно, я бы сказал, яростно не столько защищала взгляды оппозиции, сколько нападала на Сталина и его сторонников. Умная и скромная, Муралова пользовалась у нас уважением. За ней молчаливо шла Шварц — девушка умная, мыслящая и молчаливая.

Я пробовал говорить с Мураловой, что разногласия наносят вред всему нашему строю. Троцкистская оппозиция во многом права, но нельзя свою правоту доказывать путём организации антипартийных и даже подпольных блоков.

- Но Сталин, окружив себя подхалимами, угодниками, начинает творить дела, граничащие с термидором, — говорила Муралова. — Он скоро будет императором. Иосифом I. ЦК партии — это его вотчина, где он полновластный хозяин. Политбюро — где ему все заглядывают в глаза. Принципы Ленинской партии попираются. Неужели вы не видите? — От гнева глаза её из голубых делались тёмными, сверкающими.

23 октября 1927 года пленум ЦК исключил Троцкого и Зиновьева из ЦК. Этого Сталину было мало. Сталин теперь обладал такой властью, что мог сделать всё, что бы он ни захотел. Правда, он всё ещё считался в какой-то мере с партийным мнением и поэтому щадил троцкистов и зиновьевцев, делая вид, что относится к

ним, как к заблудившимся. Но исподволь начал уже творить чёрные дела по отношению к своим товарищам по партии. Приверженцев Троцкого и Зиновьева начали ссылать в Сибирь. К ним стали применять 58-ю статью Уголовного кодекса, статью, по которой до этого судили врагов революции. Наконец, сам Троцкий был выслан в Казахстан, в Алма-Ату в 1928 году. Тем самым было покончено с оппозицией, как партийной группой. Теперь волею Сталина на троцкистов смотрели уже как на врагов советской власти.

Иванов Николай вдруг исчез в это время из Университета. Я не мог понять, куда он девался. Еврейская девушка Пульнер, тоже шедшая за Троцким, исчезла из студенческого общежития, где она жила. На другой день девушки, жившие с ней, рассказали, что Пульнер вечером вошла в свою комнату с очень раздувшимся портфелем. Все обратили на это внимание. Положив портфель под подушку, Пульнер пошла в туалет. В это время одна из девушек и, несомненно, из тех, что работали на Лубянке, взяла портфель и унесла его куда-то. А в портфеле были троцкистские листовки. Пульнер, ни слова не говоря, оделась и исчезла из общежития.

Спустя полгода Иванов и Пульнер вдруг появились в Университете. Иванов вернулся из Сибири, Пульнер с Кавказа, где она скрывалась. Оказывается, целая троцкистская группа, в том числе и они, подала заявление об отходе от оппозиции, и им разрешили опять учиться в Университете. Всепрощенческий жест Сталина был сделан с расчётом. С одной стороны, он прощал якобы заблудших и тем самым поднимал свою непогрешимость. С другой стороны, он вывёртывал оппозицию наизнанку, заставляя её ползать на коленях и просить пощады. И оппозиция сделала это всенародно. И тем показала, что Сталин был прав, что Сталин непогрешим и что утверждения оппозиции гроша ломаного не стоят. И унтер-офицерская вдова высекла самоё себя. Оппозиция из сколько-нибудь активной силы превратилась в политический труп.

Так разделался Сталин с инакомыслящими. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Радек, Раковский, Сафаров, Смилга, Смирнов, Лашевич и ещё около 75 активных сторонников Троцкого к тому времени оказались вне рядов партии. Исключена была из партии и «Рабочая оппозиция» Сапронова, в количестве 23 человек.

XV съезд одобрил линию Сталина в отношении оппозиции. Теперь оппозиция получила название антисоветской организации. А это означало, что Сталин и его клевреты развязывали себе руки для беспощадной борьбы с любым мнением,

которое в какой-то степени противоречило сталинскому. В это время идёт расширение штата Г.П.У. и увеличение окладов его работникам. Устраняется Дзержинский, как потенциальный противник Сталина. Вместо него назначается Менжинский. Этот не только пошёл на поводу у Сталина, но и позволил оттереть себя от руководства О.Г.П.У., уступив руководящие функции своему первому заместителю Ягоде, этому жестокому самодержцу, который стал цепной и послушной собакой Сталина.

Хозяйственное руководство страной принимает в это время волюнтаристский характер. Оно ведётся из кабинетов. Сам Сталин и его окружение ни разу не побывали на периферии. Сельское хозяйство стало приходить в упадок. Хлебозаготовки катастрофически стали падать. Карательные меры по усилению заготовок обрушивались и на середняков, и даже на бедняков. Крестьяне теряли уверенность и сокращали посевы. Чтобы спасти сельское хозяйство, надо было ликвидировать сталинский волюнтаризм.

Члены Политбюро Бухарин, Рыков и Томский выступили против чрезвычайных мер в деревне, против подрыва мощи сельского хозяйства и тем самым подрыва авторитета партии. Требовали на время сдержать индустриализацию, которая велась без всякого учёта хозяйственных возможностей страны. Без мощного подъёма сельского хозяйства невозможно было развитие всего нашего хозяйства в целом. Хлеба, нужно было больше хлеба. Хлеб это и благосостояние страны, и валюта. А валюта — кровь нашей индустриализации. В бесхлебной, голодной стране часто индустриальные новостройки зарастали лебедой и полынью. Товарная часть хлеба в 1927 – 28 годах была в два раза меньше, чем в 1913 году.

XV съезд решил коллективизировать сельское хозяйство. Причём это был новый авантюризм Сталина. Коллективизация грозила разрушить сельское хозяйство страны. Тем более сплошная коллективизация. Она не была подготовлена ни политически, ни экономически. Политический авантюризм грозил уничтожить все завоевания революции, подорвать доверие к ленинским принципам. Экономически коллективизация без надлежащей технической основы не давала и не могла дать никаких преимуществ. Сельское хозяйство, таким образом, было поставлено под удар полного разрушения.

Вплоть до 1940 года не могло подняться сельское хозяйство до уровня 1913 года. Этот урон нанёс ему авантюризм Сталина. И так называемая «правая» оппозиция была раздавлена. И не потому, что они были неправы. Во многом именно они были правы. Наивные и гуманные, они думали повлиять на Сталина и

его клевретов по-ленински, путём убедительных доводов, путём товарищеского спора. Но у них не хватило разумения оценить всю силу политического господства Сталина после победы, одержанной над троцкистско-зиновьевским блоком. И эту победу Сталину обеспечил, в значительной степени, не кто иной, как Бухарин, как ранее и Зиновьев с Каменевым в борьбе с Троцким.

Сталин, окружив себя сторонниками, подхалимами, угодниками и многими наивными политиками, переродившимися из революционеров в бюрократов, он теперь был всесилен. Его политическая, бюрократическая (административная) военная сила превышала силу любого из тиранов, императоров, деспотов всех времён и народов. К концу 20-х годов он уже был абсолют. Вместе с этой безмерной властью росло пренебрежение к партии, к ленинским принципам, самоуверенность, вера в собственную непогрешимость. Волюнтаризм, самовластие рождали чудовищные методы управления. Убийство, как один из методов устранения неугодных, подкуп (дачи, виллы, высокая зарплата, ордена), как метод развращения аппарата для свершения любых грязных дел, — всё было пущено в ход.

При этих условиях правая оппозиция без особого труда была оклеветана, смешана с грязью, поставлена на колени. Вскоре Бухарин, Рыков и Томский, эти бесстрашные когда-то революционеры, униженно просили Сталина простить им их «прегрешения». И у этих оппозиционеров воля к борьбе была сломлена. Они дошли даже до того, что как описывает в своём труде историк Медведев Р., пришли однажды к Сталину на квартиру с вином и закусками для примирения. Примирение состоялось. Но это было зловещее примирение. Тигр сонно закрыл глаза, давая понять жертве, что он безразличен к её существованию. И обманутая жертва начинает уползать от него, чтобы жить, поверив сонному благодушию тигра. Но тигр не даёт уползти жертве. В тот момент, когда жертве кажется, что она в безопасности, тигр откроет глаза, сверкнёт кровожадным взглядом, сделает один — два прыжка, и жертва снова в его когтях и теперь уже насмерть.

Мы продолжали учиться. Спорили на семинарских занятиях по политэкономии, по философии. В то время были две точки зрения в философии — Деборинская и Сарабьяновская. Деборинцы называли себя материалистами, диалектиками, а сарабьяновцев — механистами. Деборин — крупный философ 20-х годов. Сарабьянов - философ, старый коммунист-революционер, пользовался большой популярностью среди студенческой молодёжи. На стороне Сарабьянова

выступали и молодые учёные, такие, как Тимирязев, доцент Московского Университета, физик, сын знаменитого биолога Тимирязева.

Помню, я написал курсовую работу по философии против деборинской школы. Деборинцы материалистическую диалектику отождествляли с диалектикой Гегеля. Философия Гегеля осталась у деборинцев непреодолённой, они оставались у неё в плену. Ребята, мои сокурсники, остались довольны моей работой. Они считали мои критические доводы против деборинской философии убедительными. Троцкистски настроенные, особенно евреи, были на стороне деборинцев. Удивительно, националистические тенденции у евреев протаскивались и в науку. Как-то было противно спорить, зная заранее, что если еврей, то он обязательно будет на стороне Деборина — еврея. Хотелось обрушиться на эту сторону оппонентов, но мы как-то боялись этой стороны вопроса, ибо, неправильно понятый, мог быть обвинён в антисемитизме.

Не участвуя ни в одной из оппозиций и не разделяя взглядов ни одной из них, я постепенно вырабатывал свои политические взгляды. Я излагал систематически, изо дня в день в своём дневнике и публично на студенческих собраниях, в семинарах. Это не был дневник в обычном понимании, где записываются изо дня в день наблюдения дня. Это, скорее, изложение своих политических раздумий, слежение за их развитием. Эти взгляды изменялись, видоизменялись в зависимости от изменения самой окружающей жизни. Но как бы ни изменялись мои взгляды на отдельные явления, у меня постепенно складывалось моё основное мировоззрение, которое оставалось твёрдым, незыблемым. Вот оно. Я считал и считаю себя коммунистом. Единственно приемлемой для человечества общественной формацией считаю бесклассовое общество. Учение Ленина целиком принимаю, но не догматически, как застывшие истины. Менялась жизнь, менялся и подход к этой жизни. Свержение буржуазии, экспроприацию капиталистической собственности на землю, орудия труда, орудия производства — считал и считаю главным и необходимым в перестройке старой общественной формации и замене её новой. Новую формацию, где все материальные богатства и средства производства принадлежат всему обществу, а не отдельным лицам или частным корпорациям, где нет эксплуатации человека человеком, считал и считаю прогрессивной по сравнению с капиталистическим обществом. Борьба за такое общество должна составить существо всей жизни каждого разумного человека. Причём считаю, что борьба за новое общество должна идти не только по линии

революционного восстания, но и реформаторским путём, путём парламентской борьбы. В гносеологическом плане я атеист. Считал и считаю единственно-научной теорией познания — это диалектико-материалистическую теорию познания. Свои экономические воззрения я изложил в своём «дневнике» под заголовком «Азиатский способ производства». Свои соображения по переустройству сельского хозяйства я изложил в докладной записке «Перестройка сельского хозяйства на основе коллективизации» по предложению партийной организации Колхозцентра, переданной затем в руки ответственному работнику Тёмкину.

Моя ошибка заключалась не в том, что я излагал мои взгляды в моём «дневнике», а в том, что этот «дневник» на протяжении ряда лет был достоянием лиц с «Лубянки», откуда определённые лица списывали мои записи, которые шли в моё досье, причём в искажённом виде. Я не хоронил его, он не был моей таинственной деятельностью. В нём, возможно, были мои политические «ошибки», с точки зрения официальных «сталинских» решений. Но мои взгляды на всё, что жило, билось, развивалось и совершалось вокруг меня в государственном плане, в больших и малых масштабах я излагал со своих позиций, которые казались мне наиболее верными. Но эти суждения были, если не всегда правильны, может, и не всегда грамотны, но все они не лишены искренности, не лишены тревоги за нашу жизнь, за нашу власть, за нашу систему общественного устройства. Если что и подвергалось суровой критике, то не с позиций врага, а с позиций человека, которому дороги все завоевания революции. С этих же позиций я выступал и с публичной критикой недостатков, как мне казалось, ошибок нашего руководства. Сталина я уже тогда считал человеком, недостойным быть преемником Ленина. В его политических и практических действиях на протяжении всей его общественно-политической жизни сквозил не коммунист, а деспот. Начиная от чрезвычайного комиссара, генсека, и до «вождя» — бога.

Мой взгляд на однопартийную систему в то время сводился к следующему. В нашей стране, где был недоразвитый капитализм, а потому и неопытный, революция рабочая, коммунистическая совершилась сравнительно легко. Но именно эта недоразвитость российского капитализма сдержала классовую дифференциацию русского общественного развития. Существовала масса экономических укладов, а, следовательно, и классовых прослоек, носителей этих укладов. Управлять такой страной, как говорил Ленин, «архитрудно», особенно демократическим путём. Страна изобиловала врагами внутри, она окружена была

врагами и извне. Нужны была не только «диктатура пролетариата», как необходимая государственная форма, но и диктатура политической власти одной партии. Внутригосударственная и внутрипартийная демократии заменялись железной военной дисциплиной, демократия временно заменялась командованием. От этого сурового командования выигрывало общее дело нашей революции, но проигрывалось в принципах коммунистических, в принципах народовластия. Разумеется, это было явление временное. Временный проигрыш в принципах демократического народовластия не был страшным, когда в руководстве партии и государством стоял Ленин и плеяда ленинцев — безупречных, умных, гуманных революционеров. Это исключало диктатуру одного лица или группы лиц. Однопартийная же система объективно ежеминутно, ежечасно рождает диктатуру партии, затем одного лица, наконец, деспота. И, что страшнее всего, деспота в демократической тоге, с коммунистической фразеологией и несущего отсебятину от имени партии и творящих тёмные дела именем недавних товарищей по партии и революции — чудовищное истребление неугодных, конкурентов на власть, инакомыслящих по соображениям, кажется, одному ему известным.

Коллективное руководство — это та же диктатура партии, которая порождает диктатуру избранных лиц, присвоивших себе право решать за партию. Деспотический триумвират ничем не лучше деспота в одном лице.

Первый деспотизм, пожалуй, страшнее второго. Здесь нет ответственности одного. Ответственность поделена между тремя. Каждый безответственен, а, следовательно, крайняя безответственность. Но зато и тройной нажим. Каждый создаёт своих сторонников, каждый из троих дарит привилегии своим сторонникам. Создаётся чудовищная бюрократическая, ничем не пробиваемая, — ни честью, ни совестью, ни разумом — элита.

И эта элита постольку занимается интересами народа, поскольку без этого широких привилегий было бы невозможным. А это всё грозит экономической и политической катастрофой.

А чтобы этого не случилось, нужна замена однопартийной системы многопартийной или свобода фракций в однопартийной системе.

ДИСКУССИИ

Эмиль РУДЫК

Социализм: три ключевые вопроса[1]

«Ах, если бы знать! – заплакал Морж –
Проблема так сложна».
Л. Кэрролл
«Пессимизм разума при оптимизме воли»
А. Грамши.

Первый вопрос. О каком социализме в теории и на практике идёт речь? Социализмы могут быть разными: от псевдосоциализмов, например, казарменного типа, до подлинного социализма, когда субъектом власти – реально, а не номинально является весь народ, а не его привилегированная часть.

К. Маркс, который, заметим, себя марксистом не считал (по его выражению, есть только «марксята», что порождает проблему: насколько воззрения «марксистов» различного толка аутентичны взглядам самого Маркса) на основе исследования истории, главным образом, западноевропейской цивилизации, преимущественно на примере Англии, пришёл к следующему выводу: установление социализма в политической сфере неразрывно связано с соблюдением личных свобод, разделением властей, свободой печати, постепенным «угасанием» государства (прежде всего, его репрессивных функций) и установлением мирным путём, где это возможно, или насильственным способом временной революционной диктатуры пролетариата - могильщика капитализма, ставшего в ходе его развития подавляющим большинством населения. По представлению Маркса, диктатура пролетариата должна сочетаться с сохранением институтов парламентской демократии, проведением свободных выборов на многопартийной основе. Но что и как делать в случае отказа большинства избирателей социализму в доверии – вопрос, который не утратил актуальности его решения и в настоящее время.

1 Текст выступления на круглом столе «Социализм: прошлое, настоящее и возможное будущее».

Что касается царской России – страны, в которой преобладал общинный способ владения землёй и ведения хозяйственной деятельности, перспективы её перехода к обществу социалистического типа, как полагал К. Маркс, могут стать благоприятными только в случае, если революционные события в этой стране послужат запалом, сигналом мировой пролетарской революции или будут происходить одновременно с ней, дополняя и поддерживая друг друга.

Между тем, Россия стала первой страной в мире, в которой на втором - октябрьском антикапиталистическом этапе революции 1917 года, одним из главных лозунгов которой был «Фабрики – рабочим!». В инициативном порядке ещё на первом - февральском антимонархическом этапе революции того же года рабочими, в первую очередь, крупных промышленных предприятий, были созданы органы рабочего самоуправления в форме фабрично-заводских комитетов. Их решения являлись обязательными для администрации предприятий. Однако уже в конце 1918 г. фабрично-заводские комитеты, а также органы рабочего контроля были ликвидированы. Большая часть вождей победившей партии большевиков, включая В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого, в споре с представителями «рабочей оппозиции» внутри самой партии считала, что демократия на производстве:

во-первых, препятствует исполнению партией руководящей роли в управлении производством в качестве представителя фабрично-заводских рабочих, делегировавших ей, как утверждали сторонники Ленина, эту функцию;

во-вторых, несовместима с формировавшейся в условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи системой государственного централизованного регулирования народного хозяйства страны командными методами;

в-третьих, препятствует единоначалию, обеспечению компетентности в управлении производством в условиях отсутствия у рядовых работников опыта, умений, навыков реального повседневного участия в принятии управленческих решений, следствием чего стал неудачный исход многих начальных экспериментов по внедрению снизу производственной демократии.

Фактическая узурпация партийно-хозяйственной номенклатурой политической и экономической власти в стране после октября 1917 года вкупе с огосударствлением важнейших сфер экономики и рабочих профсоюзов привели к установлению авторитарной системы управления производством и трудом на макро, мезо и микроуровнях. В этой связи вспоминаются малоизвестные слова из мемуаров В.М. Бережкова, выступавшего в годы Великой Отечественной Войны в

качестве переводчика И.В. Сталина. Он припоминает, что во время Потсдамской конференции 1945 г., сопровождая вождя в туалет, застали у писсуара британского премьера лидера лейбористской партии К.Р. Эттли. Увидев их, тот произнёс: «в капиталистическом мире туалет — единственное место, где рабочие держат средства производства в своих руках». И.В. Сталин отшутился, а, как известно, в каждой шутке есть доля правды: «И у нас тоже[1]».

Люди наёмного труда, за исключением профессиональных управленцев высшего уровня, были фактически отстранены от решения фундаментальных вопросов: на кого работать, в качестве кого и за какую плату, что приводило к массовой пассивности рядовых работников, резкому падению их интереса к труду («они делают вид, что нам платят, мы делаем вид, что работаем»), ослаблению производственной дисциплины, морали, этических норм, другим негативным последствиям.

Данное обстоятельство, особенно на последнем этапе того, что называлось советской властью (не была главной в иерархии «башней власти») не только блокировало потенциальные возможности движения к подлинному социализму, но стало одной из главных причин глубокого системного кризиса экономики, других сфер российского устройства общества. Неудивительно, что в памятные августовские дни 1991 г. в стране за или против ГКЧП бастовал только один трудовой коллектив – московской биржи, что не удивительно.

СССР, добившийся немалых, порой грандиозных успехов: победа в Великой Отечественной Войне, занятие второго места в мире по уровню экономического развития, установление ядерного паритета с США, осуществление культурной революции, достижения в сферах науки, образования, здравоохранения, создание социальных лифтов для представителей всего отечественного социума, а не его привилегированного меньшинства (перечень успехов СССР до этапа - не к ночи будь помянутой - перестройки может быть продолжен), не смог выйти за пределы системного антикапитализма (А.И. Фурсов) в форме бюрократического коллективизма с элементами народовластия на низовом уровне жизни социума в направлении посткапитализма, наполняя его подлинно социалистическим, демократическим содержанием.[2]

1НКВД и операция "Пальма" - Ретро картинки или...picturehistory.livejournal.com›2226045.html (обращение – 01.12.2021 г.).

2В выступлении понятие демократия, во многом дискредитированное, оболганное в стране и в мире антинародными, авторитарными действиями представителей власти различного уровня и ранга в маске «ярых демократов», понимается в изначальном, буквальном, подлинном смысле этого слова - как народовластие. Шестнадцатый президент США Авраам Линкольн дал знаменитую развёрнутую

Второй вопрос. Можно миновать в ходе социалистических преобразований стадию капитализма? Если следовать логике рассуждений К. Маркса по данном вопросу, капитализм, создавая материальные и другие необходимые предпосылки социализма - первой фазы коммунистической формации, является его обязательным предварительным условием, поскольку уровень докапиталистического производства не позволит при смене общественного строя решить проблему массовой нищеты и бедности со всеми негативными социальными последствиями и опасностями для самой новой власти. Поэтому, заключает Маркс, социализм может наступить только после капитализма, вступившего в терминальную стадию, а не вместо него.

Трудно возразить, но не всё так ясно, не только учитывая известные контраргументы В.И. Ленина в споре с Н.Н. Сухановым. Особенно в настоящее время, когда получают шанс быть реализованными проекты, выдвигаемые представителями правого фланга политических сил на международной арене. В частности, организатором и координатором Всемирного экономического форума в Давосе профессором К. Швабом.

Речь идёт о требованиях отказаться от морально устаревшего, «больного» капитализма путём проведения его демонтажа (переформатирования) в императивном порядке в направлении построения посткапиталистического общества, в котором будет введён тотальный надзор за поведением человека «для его же блага», используя возможности цифровой революции в духе известных антиутопий прошлого.

Что делать приверженцам социалистической идеи? Добиваться проведения абортов таких планов (позиция автора), или пассивно дожидаться их рождения, а затем перехода «надзорного» общества в его терминальную стадию, надеясь, что она станет или может стать преддверьем социализма?

Третий вопрос. Возможно построение социализма в отдельно взятой стране? Ответ на него для Маркса, равно как и для вождей большевиков в России до взятия политической власти в стране и некоторое время после - до краха неоправдавшихся надежд на мировую революцию, был очевиден: социализм не может стать результатом взятия власти в «слабом звене» капиталистической системы, как это имело место, например, в октябре 1917 г. в России в период

расшифровку сути демократии. Она выражена в триаде её составляющих - «правление народа, избранное народом и для народа». Вопрос только в том: кого считать народом: всех людей, проживающих на определённой территории, или только их часть? Например, свободных граждан мужского пола, наделённых правом голоса при принятии решений по различным вопросам жизни города (полиса), как это имело место в Афинах в древней Греции - стране, подарившей человечеству само слово «демократия».

первой мировой войны и острых межимпериалистических противоречий после её окончания между побеждёнными и победителями, а также между самими победителями. Социализм возможен только при условии победы пролетарской революции в мировом масштабе, что исключает угрозу насильственного подавления социалистического эксперимента в отдельно взятой стране коалицией ведущих капиталистических государств.

В концептуальном плане данная конструкция выглядит аргументированной. Вместе с тем, не следует забывать, что история, как известно, «дама» непостижимая, непостоянная и коварная. Тем более, в условиях возрастания неопределённости протекания процессов глобального порядка, когда невозможно оценить степень вероятности и последствия реализации различных планов, программ, сценариев будущего социального мироустройства.

Возрастание роли фактора неопределённости в жизни современного общества не только способствует реанимации старых споров сторонников социализма, но и актуализации новых, касающихся возможности (шансов) его победы в общемировом масштабе или в границах одной либо нескольких стран, а также необходимости учёта цивилизационных особенностей, специфики стран, образа жизни, традиций, менталитета, степени пассионарности их народов.

Константин ЩЕРБАКОВ

Памяти Юрия Клепикова

Полтора года назад я вдруг получил из Санкт-Петербурга письмо от моего сокурсника Юры Клепикова: «Не ожидал? Удивлён? В «Литературной газете» я вычитал – у тебя вышла книжка твоих «Фенечек…» И тут я решил, напишу Косте. С одним желанием – получить ответ, письмецо в конверте…»

И чем дальше, тем отчётливее читалось между сдержанных строк, хватающее за горло ощущение одиночества. И в конце снова: «Напиши мне! Ответь!»

Знаменитый сценарист, один из лучших в славной плеяде кинематографистов-шестидесятников, автор советской экранной классики – и так вот…

Я, конечно, и позвонил, и ответил, и книжку свою послал, и завязалась переписка, обмен почтовыми посланиями – компьютером мы оба владели плохо.

Будучи однокурсниками (факультет журналистики МГУ), мы всегда симпатизировали друг другу, но общались после окончания университета считанные разы. А тут – как во времена наших бабушек, письмецо в конверте. Из почтового ящика. Одно, другое…

А ещё через год Юра свою мне книжку прислал – «Летняя поездка к морю». В ней – и об учителях, наставниках, и о сверстниках – с кем дружил, с кем работал: Кончаловский, Герман, Шепитько, Авербах, Асанова, Аранович… Господи, так ведь почти всех уже нету (Кончаловский, слава Богу, жив-здоров).

И ещё в книжке подзаголовок – «Памяти забытого фильма». И сценарий «Летней поездки к морю», Ленты, которую снял Семён Аранович по сценарию Клепикова. Может, в самом деле лучшая его работа. Фильм был практически запрещён. Потом, после Пятого Съезда кинематографистов четвёртую категорию ему заменили на первую, но на экраны фильм толком так и не вышел. Наверное, это трудно пережить, когда не только твои друзья, но и твои фильмы уходят в небытие.

Ещё через полгода не стало Юры Клепикова.

На присланной мне книжке «Летняя поездка к морю» он написал: «Ирине и Косте от автора. Вы вернули меня к жизни. Обнимаю. 20.04.2021. Ю. Клепиков.»

При жизни Юры я бы, конечно, этой надписи не публиковал, но вот сейчас… Сейчас вдруг подумалось: а если в этом последнем Юрином полугодии и в самом деле есть пара минут, ну пусть – пара секунд, моей женой Ирой и мною добавленные?

Так ли, нет ли, а давайте продлять жизни нашим друзьям. Ну, хоть стараться продлять.

Большой кинематографический писатель Юрий Клепиков прожил светлую, достойную жизнь.

Марк РОЗОВСКИЙ

И это всё о нём (биографии в параллель)

«Хлеб - это просто, как букварь, и свято, как Родина»-

Эти прекрасные слова написал Юра Клепиков в 1958 году. Написал для нашего целинного капустника, ведь приехав с целины (Северо-Казахстанская область), мы должны были коллективно повеселиться, чтобы выпустить пар воспоминаний о 83-х днях, проведенных в степи Булаевского района. Слова эти впоследствии вошли в финальную сцену спектакля «Мы строим наш дом», и произносились без всякого пафоса, очень искренне (патриотизм был не вымученный, не ходульный, а настоящий, идущий от сердца. И потому действовал!) Мы с Юрой подружились крепко на всю жизнь. И дальше, после университета, биографии наши долго шли в параллель. Помню, всерьез хотели двинуть в Дивногорск, что под Красноярском, чтобы работать вместе в тамошней многотиражке, но меня взяли в «Веселый спутник» на всесоюзное радио, а Юра уехал в родной Магадан по распределению. Разлука казалась длинной, мы переписывались, и даже моя мама писала Юре письма, где жаловалась на меня, какой у нее нехороший сын... Повлияй, мол, на Марика!

А он действительно на меня влиял - своей особой клепиковской натурой: кристально честный и притом твердыЙ, немногословныЙ, казавшийся замкнутым, на самом деле - сосредоточенный и живой...

Низкорослый крепыш, Клепиков превращался в великана в наших бесконечных спорах о жизни, литературе, театре и кино.

О, кино! Оно тянуло Клепикова к себе, этой неимоверной тягой он заразил и меня. Я узнал об открытии в Москве высших сценарных курсов. Это был единственный способ вытащить Юрку из Магадана в Москву: .Давай учиться вместе, чтобы войти в этот большой неприступныЙ мир кинематографистов. Юрка приехал! Но чтобы поступить на эти курсы, требовалось представить пару сценариев. И мы на скорую руку их состряпали. У меня был очерк, напечатанный в «Комсомольской правде» - романтичная история о любви и свадьбе, между прочим, на той самой целине, где мы с Клепиковым, Водолазовым, Шварцем и другими копали, рыли,

били в рельсу и в промежутках .до потери сознания играли в футбол. Наш совместный сценарий был напечатан в журнале <искусство кино>, предисловие к нему написал Юрий Нагибин, и мы бьгли приняты на курсы Госкино. Это был успех. Хотя нам платили одну стипендию на двоих (ведь соавторы!), Мы были счастливы. Юра жил у меня дома, спал на раскладушке. Мы общались каждый.цень. А потом Клепиков взлетел благодаря своему таланту. Между прочим, нас привлекали к сотрудничеству Михаил Калатозов и Сергей Урусевский - мы писали по заказу, в качестве литературных <негров>, переписывая сценарии Виктора Розова <а-б-в-г-д...>. И это бьгл очень полезньгй опыт и потрясающее общение с мэтрами мирового кино. Но главное, Юрий Клепиков создал «год спокойного солнца» , блестящий сценарий, на основе которого Андрей Кончаловский сделал, по моему мнению, лучший свой фильм <История хромоножки Аси Клячкиной>> с Ией Саввиной в главной роли.

А потом - дальше и выше. Юрка стал Юрием Николаевичем, потому что написал множество сценариев замечательных фильмов, которые я здесь не буду перечислять.

Он такой же беспримерно обаятельный и молодой, как в фильме Глеба Панфилова <Начало> с Инной Чуриковой, где он проявил себя как выдающийся актер в роли кинорежиссера. Удивляюсь, почему его после этого больше не снимали?!

ОБ АВТОРАХ

Ильенков Эвальд Васильевич (1924-1979) – выдающийся советский философ, психолог и педагог. Доктор философских наук.

Водолазов Григорий Григорьевич – доктор философских наук, профессор МГИМО, вице-президент Академии политической науки.

Маврин Григорий Петрович (1906-1974) – педагог.

Мухачев Вадим Владимирович – главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.

Олейников Юрий Васильевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социальной философии РАН.

Розовский Марк Григорьевич – народный артист России, худ. руководитель театра «У Никитских ворот».

Рудык Эмиль Николаевич – д.э.н., профессор кафедры цифровой экономики и управления Института системного анализа и управления Государственного университета «Дубна», главный научный сотрудник Института социоэкономики Московского финансово-юридического университета (МФЮА), член Международного союза экономистов.

Симакин Александр Георгиевич – независимый исследователь.

Славин Борис Фёдорович – доктор философских наук, профессор МПГУ, главный редактор журнала «Демократия и социализм XXI»

Смолин Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, Депутат Государственной Думы III, IV, V, VI, VI и VIII созывов, 1-й заместитель Председателя комитета по образованию и науке; академик Всероссийской академии образования; Первый вице-президент Паралимпийского комитета России; Председатель Общероссийского общественного движения «Образование — для всех».

Сурмава Александр Владимирович – кандидат психологических наук, независимый исследователь.

Тощенко Жан Терентьевич – главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, заведующий кафедрой истории и теории социологии Российского государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАН, доктор философских наук.

Черняков Сергей Феликсович – кандидат исторических наук.

Щербаков Константин Александрович – кандидат философских наук, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, в 1992-1998 гг. заместитель министра культуры Российской Федерации.

Эпштейн Давид Беркович – профессор, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАН.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «Демократия и Социализм XXI»

К печати в журнале принимаются материалы на русском языке, содержащие результаты самостоятельных научных исследований авторов, публицистику, художественную и мемуарную литературу, рецензии на вышедшие книги. Их тематика должна соответствовать общему профилю журнала и быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной общественности, а также не содержать призывов к нарушению законодательства РФ, дискриминации по расовым, этническим, религиозным и иным признакам, оскорблений чести и достоинства отдельных личностей. Объем статей не должен превышать 30 страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и список цитируемой литературы (не более 15 пунктов).

Требования к оформлению статей

1. Материалы принимаются в виде текстовых файлов с расширением .doc,.docx, .odt.;

2. Основной шрифт статьи - Times New Roman или Areal, кегль - 12-14 pt, межстрочный интервал – 1,5;

3. Поля: слева - 2 см, сверху - 2 см, справа - 2 см, снизу - 2 см; от края до колонтитула верхнего – 1,5 см, нижнего – 1,5 см.

4. Для текстовых выделений используются курсив и полужирный шрифт. Не следует для этих целей использовать разрядку и набор прописными буквами, подчеркивания;

5. Цвет шрифта – чёрный;

6. Нумерацию таблиц, рисунков следует проводить арабскими цифрами. Латинские названия объектов набираются строчными буквами курсивом;

6. Примечания оформляются как сноски в конце страницы. Нумерация сносок на каждой странице начинается с единицы.

Материалы публикуются в авторской редакции! В штате редакции нет корректора, просим авторов проверять статьи на опечатки перед отправкой!